

НОВЕЙШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

по литературе

1 класс

НОВЕЙШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

по литературе

1 класс

*3-е издание,
исправленное и дополненное*

ЭКСМО
Москва
2012

УДК 373.167.1:82
ББК 83я721
Н 72

**Новейшая хрестоматия по литературе. 1 класс. — 3-е изд.,
испр. и доп. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Новейшие хресто-
Н 72 матии).**

ISBN 978-5-699-57553-4

Новейшая хрестоматия для 1-го класса составлена в полном соответствии с современными требованиями Государственного образовательного стандарта и может быть использована со всеми основными учебниками по литературному чтению, рекомендованными Министерством образования и науки РФ.

В хрестоматии наиболее полно учтены интересы и возрастные потребности первоклассника. В нее вошли сказки, произведения из золотого фонда современной детской литературы, русской и зарубежной классики.

Издание предназначено для подготовки к урокам и самостоятельной работы учащихся дома.

**УДК 373.167.1:82
ББК 83я721**

ISBN 978-5-699-57553-4

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

**ДРЕВНЕРУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
И УСТНОЕ НАРОДНОЕ
ТВОРЧЕСТВО**

ЗАГАДКИ

Не куст, а с листочками,
не рубашка, а сшита,
не человек, а рассказывает.
(вгпнч)

Кто говорит молча?
(вгпнч)

Чёрный Ивашка,
деревянная рубашка,
где носом ведёт,
там заметку кладёт.
(тврднрч)

Железный нос
в землю врос,
роет, копает,
землю разрыхляет.
(вшрич)

Кланяется, кланяется,
придёт домой — растянется.
(доиоЛ)

Не портной, а всю жизнь с иголками
ходит.

(жѢ)

Пришла из лесу птичница в рыжей шубе
кур посчитать.

(вѣщѢ)

Не ездок, а со шпорами,
не сторож, а всех будит.

(хѣщѢ)

Среди двора стоит копна:
спереди вилы, сзади метла.

(вѣщѢ)

Без окон, без дверей,
полна горница людей.

(нѣщѢ)

Сто одёжек, и все без застёжек.

(вѣщѢ)

Не огонь, а жжётся.

(вѣщѢ)

Сидит дед, во сто шуб одет;
кто его раздевает, тот слёзы проливает.

(нѣщѢ)

Золотое решето чёрных домиков полно.
(*хнлгоооцц*)

Красная девица сидит в темнице,
а коса на улице.

(*чвоандоу*)

Крашеное коромысло через реку
повисло.

(*Радуга*)

Без рук, без ног, а ворота открывает.

(*Ветер*)

НЕБЫЛИЦЫ

* * *

У Иванова двора
Загорелася вода.
Всем селом пожар тушили,
А огонь не загасили.
Пришёл дедушка Фома,
Расседая борода.
Он народ погнал в овин,
Затушил пожар один.
Как Фома тушил пожар,
Он об этом не сказал.
Только слышно стороной:
Затушил он бородой!

ПОТЕШКИ

КОШКА И КУРОЧКА

Кошка на окошке
Рубашку шьёт,
Куричка в сапожках
Избёнку метёт.

МЫШИ

Мыши водят хоровод,
На лежанке дремлет кот.
Тише, мыши, не шумите,
Кота Ваську не будите.
Вот проснётся Васька-кот,
Разобьёт весь хоровод.

ПЕТУШОК

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка!
Что ты рано встаёшь,
Голосисто поёшь?
Ване спать не даёшь?

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

О РОДИНЕ

Для Родины своей ни сил, ни жизни
не жале́й.

Родина — мать, уме́й за неё постоять.

Где сме́лость, там и победа.

О ДРУЖБЕ

Нет друга — ищи, а нашёл — береги.

Все за одного, один за всех.

ОБ УМЕНИИ И ТРУДОЛЮБИИ

Делу время, а потехе — час.

Учение — путь к умению.

Терпение и труд всё перетрут.

Семь раз отмерь, а один отрежь.

Без труда не вытащишь и рыбку
из пруда.

Землю солнце красит, а человека — труд.

О ЛЕНИ И НЕРАДИВОСТИ

Поспешишь — людей насмешишь.

Под лежащий камень и вода не течёт.

Не спеши языком, торопись делом.

Делаешь наспех — сделаешь на смех.

О ПРИРОДЕ

Лето — припасиха, зима — прибериха.

Декабрь год кончает, а зиму начинает.

Много снега — много хлеба,
много воды — много травы.

Мороз невелик, да стоять не велит.

Весна красна цветами, а осень —
снопами.

СКОРОГОВОРКИ

* * *

На дворе трава, на траве дрова.
Не руби дрова на траве двора.

* * *

От топота копыт пыль по полю летит.

* * *

Проворонила ворона воронёнка.

СЧИТАЛКИ

* * *

Ай, чу-чу, чу-чу, чу-чу,
Я горошек молочу,
Я горошек молочу
На Ивановом току.
Ко мне курочка бежит,
Конопаточка спешит.
Ой, бежит она, спешит,
Ничего не говорит.
А из курочки перо
Полетело далеко,
Ой, далёко, далеко,
На Иваново село.

* * *

Конь ретивый,
Долгогривый
Скачет полем,
Скачет нивой.
Кто коня
Того поймает,
С нами в салочки
Играет.

* * *

Начинается считалка:
На берёзу села галка,
Две вороны, воробей,
Три сороки, соловей.

* * *

Ой ты, зоренька-заря,
Заря вечерняя.
А кто зореньку найдёт,
Тот и вон пойдёт.

* * *

Солнышко-вёдрышко,
Выгляни в окошечко!
Солнышко, нарядись!
Красное, покажись!

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БОБОВОЕ ЗЁРНЫШКО

Жили были петушок да курочка. Рылся петушок и вырыл бобок.

— Ко-ко-ко, курочка, ешь бобовое зёрнышко!

— Ко-ко-ко, петушок, ешь сам!

Съел петушок зёрнышко и подавился. Позвал курочку:

— Сходи, курочка, к речке, попроси водицы напиться.

Побежала курочка к речке:

— Речка, речка, дай мне водицы: петушок подавился бобовым зёрнышком!

Речка говорит:

— Сходи к липке, попроси листок, тогда дам водицы.

Побежала курочка к липке:

— Липка, липка, дай мне листок! Отнесу листок речке — речка даст водицы

петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Липка говорит:

— Сходи к девушке, попроси нитку.

Побежала курочка:

— Девушка, девушка, дай нитку! Отнесу нитку липке — липка даст листок, отнесу листок речке — речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Девушка отвечает:

— Сходи к гребенщикам, попроси гребень, тогда дам нитку.

Курочка прибежала к гребенщикам:

— Гребенщики, гребенщики, дайте мне гребень! Отнесу гребень девушке — девушка даст нитку, отнесу нитку липке — липка даст листок, отнесу листок речке — речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Гребенщики говорят:

— Сходи к калашникам, пусть дадут нам калачей.

Побежала курочка к калашникам:

— Калашники, калашники, дайте калачей! Калачи отнесу гребенщикам — гребенщики дадут гребень, отнесу гребень девушке — девушка даст нитку,

нитку отнесу липке — липка даст листок, листок отнесу речке — речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Калашники говорят:

— Сходи к дровосекам, пусть нам дров дадут.

Пошла курочка к дровосекам:

— Дровосеки, дровосеки, дайте дров! Отнесу дрова калашникам — калашники дадут калачей, калачи отнесу гребенщикам — гребенщики дадут гребень, гребень отнесу девушке — девушка даст нитку, нитку отдам липке — липка даст листок, листок отнесу речке — речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Дровосеки дали курочке дров.

Отнесла курочка дрова калашникам — калашники дали ей калачей, калачи отдала гребенщикам — гребенщики дали ей гребень, отнесла гребень девушке — девушка дала ей нитку, нитку отнесла липке — липка дала листок, отнесла листок речке — речка дала водицы. Петушок напился, и проскочило зёрнышко.

Запел петушок:

— Ку-ка-ре-куу!

ВОЛК И КОЗА

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдёт, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдёт в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко.

Волк всё это и подслушал; выждал время, и только коза в бор, он подошёл к избушке и закричал своим толстым голосом:

Вы, детушки, вы, батюшки,
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла,
Молока принесла,
Полны копытца водицы!

А козлятки отвечают:

— Слышим, слышим — не матушкин голосок! Наша матушка поёт тонким голоском и не так причитает.

Волк ушёл и спрятался.

Вот приходит коза и стучится:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк и хотел их поесть.

Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придёт кто к избушке и станет проситься толстым голосом и не переберёт всего, что она им причитывает, — того ни за что не впускать в двери.

Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;

Ела траву шелковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлята отперли двери, волк вбежал в избу и всех поел, только один козлёночек схоронился, в печь влез.

Приходит коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается.

Подошла поближе к дверям и видит, что всё отворено; в избу — а там всё пусто; заглянула в печь и нашла одного дитища.

Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать:

— Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпирались-отворялись, злomu волку доставались? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиной сделал.

Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Ах ты, кума, кума! Что ты на меня грешишь? Неужли-таки я сделаю это! Пойдём в лес, погуляем.

— Нет, кум, не до гулянья.

— Пойдём! — уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой

яме разбойники кашницу недавно варили, и оставалось в ней ещё довольно-таки огня.

Коза говорит волку:

— Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?

Стали прыгать.

Волк прыгнул да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери.

И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

ВОРОНА И РАК

Летела ворона по-над морем, смотрит: рак ползёт — хап его! И понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне:

— Эй, ворона, ворона! Знал я твоего отца и мать — славные были люди!

— Угу! — ответила ворона, не раскрывая рта.

— И братьев и сестёр твоих знаю: что за добрые были люди!

— Угу!

— Да всё же хоть они и хорошие люди, а тебе неровня. Мне сдаётся, что разумнее тебя никого нет на свете.

Понравились эти речи вороне; каркнула она во весь рот и упустила рака в море.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Жили мужик да баба. У них была дочка да сыночек маленький.

— Доченька, — говорила мать, — мы пойдём на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету. Ахнула, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом. Тут она догадалась, что они унесли её братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их.

Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала.

Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала.

Побежала девочка дальше. Течёт молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой.

Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается...

В избушке старая Баба-яга прядёт кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прядь.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядёт — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала.

А Баба-яга подойдёт к окошку и спрашивает:

— Девушка, прядёшь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

Баба Яга баню вытопила и пошла за девочкой.

А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

— Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежали до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка-матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла её под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежали.

А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

— Яблоня-матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала.

Яблоня её заслонила ветвями, прикрыла листьями.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели её, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка-матушка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее пирожок в рот, а сама с братцем — в печь, села в устье.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к Бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Жили-были журавль да цапля, построили себе по концам болота избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

— Давай пойду посватаюсь к цапле!

Пошёл журавль — тяп-тяп! Семь вёрст болото месил, приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж.

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж, у тебя ноги долги, платье коротко, прокормить жену нечем. Ступай прочь, долговязый!

Журавль, как несолоно похлебал, ушёл домой. Цапля после раздумалась и сказала:

— Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убейся!

Цапля заплакала от стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал:

— Напрасно не взял за себя цаплю: ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму её замуж.

Приходит и говорит:

— Цапля, я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

— Нет, долговязый, нейдю за тебя замуж!

Пошёл журавль домой. Тут цапля раздумалась:

— Зачем отказала такому молодцу: одной-то жить невесело, лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один к другому свататься, да никак не женятся.

ЗАЯЦ-ХВАСТА

Жил-был заяц в лесу: летом ему было хорошо, а зимой плохо — приходилось к крестьянам на гумно ходить, овёс воровать.

Приходит он к одному крестьянину на гумно, а тут уж стадо зайцев. Вот и начал им хвастать:

— У меня не усы, а усíщи, не лапы, а ла́пищи, не зубы, а зубíщи — я никого не боюсь.

Зайцы рассказали тётке вороне про эту хвасту. Тётка ворона пошла хвасту разыскивать и нашла его под кокóриной. Заяц испугался.

— Тётка ворона, я больше не буду хвастать!

— А как ты хвастал?

— А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Вот она его маленько и потрепала:

— Больше не хвастай!

Раз сидела ворона на заборе, собаки её

подхватили и давай мять, а заяц это увидел.

«Как бы вороне помочь?»

Выскочил на горочку и сел. Собаки увидели зайца, бросили ворону — да за ним, ворона опять на забор. А заяц от собак ушёл.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

— Вот ты молодец, не хваста, а храбрец!

КАША ИЗ ТОПОРА

Пришёл солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». — «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?» — «Где хошь, там и заночуешь». — «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» — «Да нечего, родимый!» — «Вари кашицу!» — «Да не из чего, родимый!» — «Давай топор; я из топора сварю». — «Что за диво! — думает баба. — Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, ва-

рил, попробовал и говорит: «Всем бы каша взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли да принимайся за ложку; станем кашу есть». Похлебали вдвоём кашу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» — «Да вишь, он ещё не уварился, — отвечал солдат, — где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошёл в иную деревню. Вот так-то солдат и кашицы поел, и топор унёс!

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понёс в лес. Принёс и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрёл на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть — пойдёт в лес, птичек, мы-

шей наловит, наестся досыта — и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашёл и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдём же ко мне в гости.

Кот пошёл к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама всё спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица, — девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несёт домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слышал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слышал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придётся, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придётся!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идёт лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несёшь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была ли-

сица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придётся!

Медведь пошёл за быком, а лиса — домой.

Вот принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови, — говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц. Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косо́й!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Леоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идёт ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Леоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косо́й, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберётся!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что это мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, — думает медведь, — увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печёнки отбил, вскочил — да наутёк.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота боять-

ся. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

КОЧЕТОК И КУРОЧКА

Жили курочка с кочетком. Пошли они в лес по орехи. Кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочке велел на земле подбирать. Кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек, попал курочке в глазок.

Курочка пошла — плачет.

Едут мимо бояре и спрашивают:

— Курочка, курочка! Чего ты плачешь?

— Мне кочеток вышиб глазок.

— Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

— Мне орешня портки разорвала.

— Орешня, орешня! На что ты кочетку портки разорвала?

— Меня козы подглодали.

— Козы, козы! На что вы орешню подглодали?

— Нас пастухи не берегут.

— Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?

— Нас хозяйка блинами не кормит.

— Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?

— У меня свинья опару пролила.

— Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?

— У меня волк поросёночка унёс.

— Волк, волк! На что ты у свиньи поросёночка унес?

— Я есть захотел.

ЛИСА И ВОЛК

Жили себе дед да баба. Дед и говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани, поеду за рыбой.

Наловил дед рыбы полный воз. Едет домой и видит: лисичка свернулась калачиком, лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошёл, а лисичка не ворохнется, лежит как мёртвая.

— Вот славная находка! Будет моей старухе воротник на шубу.

Взял дед лису и положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисица улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама потихоньку ушла.

Дед приехал домой и зовёт бабу:

— Ну, старуха, знатный воротник привёз тебе на шубу!

Подошла баба к возу: нет на возу ни воротника, ни рыбы. И начала она старика ругать:

— Ах ты такой-сякой, ещё вздумал меня обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал, погоревал, да что ты будешь делать!

А лисица тем временем собрала на дороге всю рыбу в кучку, села и ест.

Приходит к ней волк:

— Здравствуй, кумушка, хлеб да соль...

— Я ем свой, а ты подальше стой.

— Дай мне рыбки.

— Налови сам да и ешь.

— Да я не умею.

— Эка! Ведь я же наловила. Ты, куманёк, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, седи да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика!» Так рыба тебя сама за хвост и будет хватать. Как подольше посидишь, так больше наудишь.

Пошёл волк на реку, опустил хвост в прорубь, сидит и приговаривает:

— Ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика!

А лисица ходит около волка и приговаривает:

— Ясни, ясни на небе звёзды, мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Волк спрашивает лису:

— Что ты, кума, всё говоришь?

— А я тебе помогаю, рыбку на хвост нагоняю.

А сама опять:

— Ясни, ясни на небе звезды, мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Сидел волк целую ночь у проруби, хвост у него и приморозило. Под утро хотел подняться — не тут-то было. Он и думает: «Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащить!»

В это время идёт баба с ведрами за водой. Увидела волка и закричала:

— Волк, волк! Бейте его!

Волк — туда-сюда, не может вытащить хвост. Баба бросила ведра и давай его бить коромыслом. Била-била, волк рвался-рвался, оторвал себе хвост и пустился наутёк. «Хорошо же, — думает, — ужо я отплачу тебе, кума!»

А лисичка забралась в избу, где жила эта баба, наелась из квашни теста, голову себе тестом вымазала, выбежала на дорогу, упала и лежит — стонет.

Волк ей навстречу:

— Так вот как ты учишь, кума, рыбу ловить! Смотри, меня всего исколотили...

Лиса ему говорит:

— Эх, куманёк! У тебя хвоста нет, зато голова цела, а мне голову разбили. Смотри: мозг выступил, насилу плетусь.

— И то правда, — говорит ей волк. — Где тебе, кума, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Села лисица волку на спину. Он её и повёз. Вот лисица едет на волке и потихоньку поёт:

Битый небитого везёт,
Битый небитого везёт!

— Ты чего, кума, всё говоришь?

— Я, куманёк, твою боль заговариваю.
И сама опять:

Битый небитого везёт,
Битый небитого везёт!

ЛИСА И ДРОЗД

Дрозд на дереве гнёздышко свил, яички снёс и вывел детёнышей. Узнала про это лисица. Прибежала и — тук-тук хвостом по дереву. Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да мёдом накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да мёдом — не буду дерева рубить!

— Вот пойдём со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идёт старуха с внучкой, несут корзину пирогов и кувшин мёду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли да и сядет, взлетит да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха с внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвёл их дрозд от пирогов да от мёду. А лисица не зевала: вволю пирогов да мёду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в своё гнездо.

А лиса тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

— Ну, пойдём скорей. Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит — едет мужик, везёт бочку пива. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь, а мужик как ударит топором — и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда. А пиво из бочки на дорогу льётся. Лиса напилась, сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в своё гнездо. Лисица опять тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Повёл дрозд лису в деревню. Видит — старуха корову доит, а рядом старик лапти плетёт. Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

— Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда! — И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула.

Вскочила старуха и давай старика ругать.

Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в своё гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву: тук-тук-тук!

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Рассмешил ты меня?

— Рассмешил!

— Теперь напугай меня!

Рассердился дрозд и говорит:

— Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит-покрикивает, а лисица бежит за ним — глаз не открывает. Привёл дрозд лису прямо на охотников.

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак — и наутёк. А собаки — за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спрашивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки лисаньку не съели.

— Ушки, ушки, что вы делали?

— Мы слушали, чтобы собаки лисаньку не скушали.

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы бежали, чтобы собаки лисаньку не поймали.

— А ты, хвостище, что делал?

— Я, хвостище, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

— Натё, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лису за хвост и вытащили её из норы.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлём подружились.

Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Пошёл журавль на званый пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает:

— Покушай, голубчик куманёк, — сама стряпала.

Журавль стук-стук носом по тарелке, стучал, стучал — ничего не попадает!

А лисица лижет себе да лижет кашу, так всё сама и съела.

Кашу съела и говорит:

— Не обессудь, куманёк! Больше потчевать нечем.

Журавль ей отвечает:

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса к журавлю, а он приготовил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдёт, и эдак, и лизнёт его, и понюхает-то — никак достать не может: не лезет голова в кувшин.

А журавль клюёт себе да клюёт, пока всё не съел.

— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада. Думала, что наестся

на целую неделю, а домой пошла — несо-
лоно хлебала. Как аукнулось, так и от-
кликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлём
врозь.

ЛИСА И ЗАЯЦ

Жили-были лиса да заяц. У лисы была
избенка ледяная, у зайца — лубяная.

Пришла весна красна — у лисы из-
бёнка растаяла, а у зайца стоит по-ста-
рому.

Вот лиса и попросилась у него переночевать, да его из избёнки и выгнала. Идёт доро́гой зайчик, плачет. Ему навстречу собака:

— Тяф, тяф, тяф! Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ко мне ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! Я твоему горю помогу.

Подошли они к избёнке. Собака забрехала:

— Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут
клочки по закоулочкам!

Собака испугалась и убежала. Зайчик
опять идёт дорогой, плачет. Ему навстре-
чу медведь:

— О чём, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня
избёнка лубяная, а у лисы ледяная. По-
просилась она ночевать, да меня и выг-
нала.

— Не плачь, я твоему горю помогу.

— Нет, не сможешь. Собака гнала —
не выгнала, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избёнке. Медведь как
закричит:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут
клочки по закоулочкам!

Медведь испугался и убежал.

Идет опять зайчик. Ему навстречу бык:

— Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня из-
бёнка лубяная, а у лисы ледяная. Попро-
силась она ночевать, да меня и выгнала.

— Пойдём, я твоему горю помогу.

— Нет, бык, не сможешь. Собака гна-
ла — не выгнала, медведь гнал — не вы-
гнал, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избёнке. Бык как заревел:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Бык испугался и убежал.

Идёт опять зайчик дорóгой, плачет лучше прежнего. Ему навстречу петух с козой:

— Ку-ка-реку! О чём, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Пойдём, твоему горю помогу.

— Нет, петух, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избёнке. Петух лапами затопал, крыльями забил:

Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посечи,
Слезай, лиса, с печи,
Поди, лиса, вон!

Лиса услышала, испугалась и говорит:
— Обуваюсь...

Петух опять:

Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посечи,
Слезай, лиса, с печи,
Поди, лиса, вон!

Лиса опять говорит:

— Одеваюсь...

Петух в третий раз:

Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посечи,
Слезай, лиса, с печи,
Поди, лиса, вон!

Лиса без памяти выбежала, петух её тут и зарубил косою.

И стали они с зайчиком жить-поживать в лубяной избёнке.

ЛИСА И КОЗЁЛ

Бежала лиса, на ворон зазевалась — и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскокить — тоже. Сидит лиса, горюет.

Идёт козёл — умная голова; идёт, бородащей трясёт, рожищами мотает; загля-

нул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисанька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик, — отвечает лиса, — там, наверху, жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водички холодненькой — сколько хочешь!

А козлу давно пить хочется.

— Хороша ли вода-то? — спрашивает козёл.

— Отличная, — отвечает лиса. — Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь: здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козёл, чуть лисы не задавил.

А она ему:

— Эх, бородатый дурень, и прыгнуть-то не умел — всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козёл с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

ЛИСА И КУВШИН

Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, мо-

локо вылакала; пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может. Ходит лиса, головой мотает и говорит: «Ну, кувшин, пошутил, да и будет — отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать — поиграл да и полно!»

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь. Рассердилась лиса: «Погоди же ты, проклятый, не отстаёшь честью, так я тебя утоплю».

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетеревочек, мой дружок, как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

— Спасибо на добром слове, — сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышала, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружок, сошёл на

травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь, — сказал тетерев. — Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревочек, мой дружок, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

— Вот это хорошо, — сказал тетерев, — а то вот собаки бегут; кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услышала про собак, наострила уши и хотела бежать.

— Куда ж ты? — сказал тетерев. — Ведь нынче указ, собаки не тронут.

— А кто их знает! — сказала лиса. — Может, они указа не слышали.

И убежала.

МУЖИК И МЕДВЕДЬ

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришёл к нему медведь:

— Мужик, я тебя сломаю.

— Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, тебе отдам вершки.

— Быть так, — сказал медведь. — А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езд.

Сказал и ушёл в дуброву. Репа выросла крупная.

Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, давай репу делить, мою долю подавай.

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву. А репу наклал на воз и повёз в город продавать. Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать — каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

— А-а! — заревел. — Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь.

Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

— Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю.

Мужик говорит:

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увёз домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Жили-были кот, дрозд да петушок — золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят — строго наказывают:

— Мы пойдём далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай; когда придёт лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,

Маслена головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

— Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше пойдём, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса —
опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:
— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в
свою нору.

Закричал петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в по-
гоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали
лису — кот дерёт, дрозд клюёт, и отняли
петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались
кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя,
строго-настрого наказывают петушку:

— Не слушай лисы, не выглядывай в
окошко, мы ещё дальше уйдём, не услы-
шим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дро-
ва рубить. А лиса — тут как тут: села под
окошечко и поёт:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса —
опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок всё помалкивает. А лиса —
опять:

Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:
— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, по-
несла в свою нору, за тёмные леса, за бы-
стрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал —
кот и дрозд не слышали его. А когда вер-
нулись домой — петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по лисицыным
следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибе-

жали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Ещё дома ли Лисафья-кума,
Во своём ли тёплом гнёздышке?

Лисица слушала, слушала и думает: «Дай-ка посмотрю — кто это так хорошо на гусях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд её схватили — и давай бить-коло-тить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

Жили-были пузырь, соломина и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю: «Пузырь, давай на тебе переплывём!» — «Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдём по ней». Соломинка перетянулась; лапоть

пошёл по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли, — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут, — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу

в злато-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт,

так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнёхонько закричал:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок...
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёнушка из реки ему отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкóва трава ноги спутала,
Желты́ пески на грудь легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

— Поди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошёл слуга на реку и видит: по берегу бегают козлёночек и жалобнёхонько зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок...
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкóва трава ноги спутала,
Желты́ пески на грудь легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шёлковые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

ТЕРЕМОК

Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норышка и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

Никто не отзывается.

Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове.

Пришла лягушка-квакушка:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норышка; а ты кто?

— А я лягушка-квакушка.

— Ступай ко мне жить.

Вошла лягушка, и стали себе вдвоём жить.

Прибежал заяц:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норышка, да лягушка-квакушка; а ты кто?

— А я на горе увёртыш.

— Ступай к нам.

Стали они втроём жить.

Прибежала лисица:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш; а ты кто?

— А я везде поскокиш.

— Иди к нам.

Стали четверо жить.

Пришёл волк:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш, везде посकोкиш; а ты кто?

— А я из-за кустов хватыш.

— Иди к нам.

Стали пятеро жить.

Вот приходит к ним медведь:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш, везде посकोкиш, из-за кустов хватыш.

— А я всех вас давишь!

Сел на голову и раздавил всех.

МОРОЗКО

Живало-бывало — жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься — бита и недовернёшься — бита. А родная дочь что ни сделает — за всё гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — ещё до свету... Ничем старухе не угодишь — всё не так, всё худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся.

Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези её, старик, — говорит мужу, — куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

— Садись, мила дочь, в сани.

Повёз бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку доскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху её спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощёлкивает:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защёлкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Деввица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, укутал её теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печёт блины и кричит мужу:

— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места — под большой елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

А дома старуха печёт блины, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так тьявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била её, а собачка — всё своё... Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый.

Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает:

— Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

— Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези её в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

— Не так тьявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка всё своё:

— Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мёртвая.

Заголосила старуха, да поздно.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку.

Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь.

И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку.

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

— На что ты мне понадобишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.

— Ладно. Только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи, чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась.

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только: «По щучьему веленью, по моему хотенью».

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ступайте, вёдра, сами домой.

Только сказал — вёдра сами и пошли в гору.

Емеля пустил щуку в прорубь, сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается... Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров — братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — поди, топор, наколи дров, а дрова сами в избу ступайте и в печь кладитесь.

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего, слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота.

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ступайте, сани, в лес.

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать. А в лес то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет.

Приехал в лес:

— По щучьему веленью, по моему хо-

тенью — топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь.

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валяются и верёвкой вяжутся.

Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — поезжайте, сани, домой.

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, дубинка, обломай им бока.

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли, услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти, привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

— Ты дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — дубинка, обломай ему бока.

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого наибольшего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил наибольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он всё сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, печь, поезжай к царю.

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб. Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал её в окошко и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал ещё:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, вошла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает.

А у царя во дворце крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

— Ступай приведи ко мне Емелю живого или мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа медов сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лёг спать. А вельможа положил его в повозку и повёз к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли, проснулся Емеля, видит — темно, тесно.

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скушно и тошно, Емелюшка. Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок.

Ветры буйные подули, море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избышку.

— А мне неохота...

Тут она стала его ещё пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — выстройся каменный дворец с золотой крышей.

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зелёный сад; цветы цветут, и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — стать мне добрым молодцем, писанным красавцем.

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить, кто такие.

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьёт и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — всё твое царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством. Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

**РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XIX ВЕКА**

ДАЛЬ
Владимир Иванович
1801—1872

ДЕВОЧКА СНЕГУРОЧКА

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

— Что ж будешь делать — нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики — пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка,

беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенецко, стал её нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушек погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила.

Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди, — говорит, — куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягодки. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть.

Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так всё про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод набрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! Ау!»

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

— О чём плачешь, девица, о чём, красная?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой доведу!

— Нет, медведь, — отвечала девочка Снегурочка, — я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Медведь ушёл.

Бежит серый волк:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Слезай, — сказал волк, — я доведу тебя до дому!

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

— Нет, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя — ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему;

хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула пушнякам своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платьице рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место поставили, стеречь двор заставили.

СТАРИК-ГОДОВИК

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвёртый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнёт птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая чёрная?

ЖУКОВСКИЙ
Василий Андреевич
1783—1852

* * *

Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

КРЫЛОВ
Иван Андреевич
1769—1844

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав — судить
не нам;
Да только воз и ныне там.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милый,
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас —
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? Это дело:
Так поди же, попляши!»

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка западня;
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, — говорит, — середь бела
дня попался!

Не провели бы так меня: за это я
ручаюсь смело».

Ан смотришь, тут же сам запутался
в силлок.

И дело!

Вперёд чужой беде не смейся, Голубок!

КУКОЛЬНИК
Нестор Васильевич
1809—1868

ЖАВОРОНОК

Между небом и землёй
Песня раздаётся,
Неизбывною струёй
Звонче, звонче льётся.
Не видать певца полей,
Что поёт так тонко
Над подруженькой своей
Жаворонок звонкий.

МАЙКОВ
Аполлон Николаевич
1821—1897

ВЕСНА

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горной вышины!

Старой спорить ли,
 тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Тёплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У неё не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь, — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчёл рои шумят,
И летит победным флагом
Пёстрых бабочек отряд!

ПЛЕЩЕЕВ
Алексей Николаевич
1825—1893

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень,
от черёмухи душистой
и от лип кудрявых тень.
Правда, нет в нём бледных лилий,
горделивых георгин,
и лишь пёстрые головки
возвышает мак один,
да подсолнечник у входа,
словно верный часовой,
сторожит себе дорожку,
всю поросшую травой...
Но люблю я садик скромный:
он душе моей милей
городских садов унылых,
с тенью правильных аллей.
И весь день, в траве высокой
лёжа, слушать бы я рад,
как заботливые пчёлы
вкруг черёмухи жужжат.

СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

(Отрывок)

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей.

Дам тебе я зёрен,
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой...

* * *

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!
Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

ПУШКИН
Александр Сергеевич
1799—1837

* * *

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.

В домах всё темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

* * *

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идёт волшебница зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;

Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.

* * *

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Все ходит по цепи кругом;

Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;

Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом

чахнет;

Там русский дух... там Русью

пахнет!

И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;

Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У сáмого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришёл невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришёл невод с травой морской.
В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой, — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь, чем только
пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три
года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.

Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась, чем только пожелаю.
Не посмел я взять с неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с неё корыто,
Наше-то совсем расколосось!»

Вот пошёл он к синему морю;
Видит — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка

и спросила:

«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,

Разбранила меня моя старуха,
Не даёт старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколосось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Ещё пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошёл он к синему морю,
(Помутилось синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Так и быть: изба вам уж будет».

Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светёлкой,
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой

простофиля!

Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошёл старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!

Пуще прежнего старуха

вздурилась,

Не даёт старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе

с Богом».

Воротился старик ко старухе
Что же он видит? Высокий терем,
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьёт их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня

дворянка!

Чай, теперь твоя душенька

довольна».

На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.

«Воротись, поклонися рыбке:

Не хочу быть столбовою

дворянкой,

А хочу быть вольною царицей».

Испугался старик, взмолился:

«Что ты, баба, белены объелась?

Ни ступить, ни молвить

не умеешь,

Насмешишь ты целое царство».

Осердилась пуще старуха,

По щеке ударила мужа.

«Как ты смеешь, мужик, спорить
со мною,

Со мною, дворянкой столбовою? —

Ступай к морю, говорят тебе

честью,

Не пойдёшь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,

(Почернело синее море.)

Стал он кликать золотую рыбку.

Приплыла к нему рыбка, спросила:

«Чего тебе надобно, старче?»

Ей с поклоном старик отвечает:

«Смилуйся, государыня рыбка!

Опять моя старуха бунтует:

Уж не хочет быть она дворянкой,

Хочет быть вольною царицей».

Отвечает золотая рыбка:

«Не печалься, ступай себе с Богом!

Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.

Что ж? пред ним царские палаты.

В палатах видит свою старуху,

За столом сидит она царицей,

Служат ей бояре да дворяне,

Наливают ей заморские вина;

Заедает она пряником печатным;

Вкруг её стоит грозная стража,

На плечах топорики держат.

Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная
царица!

Ну теперь твоя душенька
довольна».

На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»
Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Вот идёт он к синему морю,

Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе

воротился —

Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

ТОЛСТОЙ Алексей Константинович 1817—1875

* * *

Вот уж снег последний в поле тает,
Тёплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт;
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поёт...

* * *

Осень. Осыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне
долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.

ТОЛСТОЙ
Лев Николаевич
1829—1910

БУЛЬКА

У меня была мордашка. Её звали Булькой. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние, но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами... Булька был смирный и не кусался, был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клеща, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пивка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку, но Булька до тех

пор на нём держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и уехал от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую лошадь, как вдруг увидел, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своём медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюну, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не поспевая дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо по моему следу поскакал по дороге и проскакал так вёрст двадцать в самый жар.

ДВА ТОВАРИЩА

Басня

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой ос-

тался на дороге. Делать было ему нечего — он упал наземь и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл.

Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся:

— Ну что, — говорит, — медведь тебе на ухо говорил?

— А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

КАК МАЛЬЧИК РАССКАЗЫВАЛ ПРО ТО, КАК ЕГО В ЛЕСУ ЗАСТАЛА ГРОЗА

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошёл до лесу, набрал грибов и хотел идти домой. Вдруг стало темно, пошёл дождь и загремело. Я испугался и сел под большой дуб. Блеснула молния, такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрещало и загремело; потом что-то ударило меня в голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу ка-

пало с деревьев, пели птицы, играло солнышко. Большой дуб сломался, и из пня шёл дым. Вокруг меня лежали оскретки от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка и было немножко больно. Я нашёл свою шапку, взял грибы и побежал домой.

Дома никого не было, я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидел с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал:

— Что вы без меня едите?

Они говорят:

— Что ж ты спишь? Иди скорее, ешь.

КАК МУЖИК УБРАЛ КАМЕНЬ

На площади в одном городе лежал огромный камень. Камень занимал много места и мешал езде по городу. Призвали инженеров и спросили их, как убрать камень и сколько это будет стоить?

Один инженер сказал, что камень надо разбивать на куски порохом и потом по частям свезти его и что это будет стоить восемь тысяч рублей; другой сказал, что под камень надо подвезти большой каток

и на катке свезти камень и что это будет стоить шесть тысяч рублей.

А один мужик сказал: «А я уберу камень и возьму за это сто рублей!»

У него спросили, как он это сделает. И он сказал: «Я выкопаю подле самого камня большую яму; землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и разровняю землю».

Мужик так и сделал, и ему выдали сто рублей и ещё сто рублей за умную выдумку.

КОТЁНОК

Были брат и сестра — Вася и Катя, у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали ее везде, но не могли найти.

Один раз они играли возле амбара и услышали — над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала: «Нашёл? Нашёл?» Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей: «Нашёл! Наша кошка... и у неё котята, такие чудесные; иди сюда скорее». Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним...

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому на дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались за него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка.

Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» — и увидели, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидели котёнка и хотят схватить его. А котёнок глупый, вместо того чтобы бежать, присел на земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принёс котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

КТО ПРАВ?

Басня

Один человек сказал, что он хочет так жить, чтобы враги боялись его.

А другой сказал, что лучше так жить, чтобы враги боялись, а друзья бы любили.

А третий сказал:

— Лучше так жить, чтобы не было врагов, а чтобы все были друзья.

ЛГУН

Басня

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать:

— Помогите, волк! Волк!

Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось — и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать:

— Сюда, сюда скорей, волк!

Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, — не послушали его.

Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо.

ОСЁЛ И ЛОШАДЬ

Басня

У одного человека были осёл и лошадь. Шли они по дороге; осёл сказал лошади: «Мне тяжело, не дотащу я всего; возьми с меня хоть немного». Лошадь не послушалась. Осёл упал от натуги и умер. Хозяин как наложил всё с осла на лошадь, да ещё и шкуру ослиную, лошадь и взвыла: «Ох, горе мне бедной, горюшко мне несчастной! Не хотела я немножко ему пособить, теперь вот всё тащу, да ещё и шкуру».

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Басня

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

— Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломили прутья поодиночке.

Отец и говорит:

— Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если буде-

те ссориться да всё врозь — вас всякий легко погубит.

Веника не сломишь, а по прутуку весь переломаешь.

ПРАВДА ВСЕГО ДОРОЖЕ

Мальчик играл и разбил нечаянно дорогую чашку. Никто не видел.

Отец пришёл и спросил:

— Кто разбил?

Мальчик затрясся от страха и сказал:

— Я.

Отец сказал:

— Спасибо, что правду сказал.

СТАРЫЙ ДЕД И ВНУЧЕК

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой.

Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им в доме всё портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет — что-то слаживает. Отец и спросил:

— Что ты это делаешь, Миша?

А Миша и говорит:

— Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой старые будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

* * *

Таня знала буквы. Она взяла книгу и куклу и дала книгу кукле. Будто школа: «Учи, кукла, буквы! Это — А. Это — Б — Бэ. Смотри, помни».

УЧЁНЫЙ СЫН

Басня

Сын приехал из города к отцу в деревню. Отец сказал: «Нынче покос, возьми грабли и пойдём, пособи мне». А сыну не хотелось работать, он и говорит: «Я учился наукам, а все мужицкие слова забыл; что такое грабли?» Только он пошёл по

двору, наступил на грабли; они его ударили в лоб. Тогда он и вспомнил, что такое грабли, хватился за лоб и говорит: «И что за дурак тут грабли бросил!»

ФИЛИПОК

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?

— В школу.

— Ты ещё мал, не ходи, — и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке.

Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую, отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, спо-

ткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе слышно, гудят голоса ребят. На Филипке нашёл страх: что, как учитель меня прогонит? И стал он думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, в школу идти — учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипку.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да ты кто?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал.

Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уже знал и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи своё имя.

Филипок сказал:

— Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок.

Все засмеялись.

— Молодец, — сказал учитель. — Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

— Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

ТУРГЕНЕВ
Иван Сергеевич
1818—1883

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы почуяв перед собой дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собой своё детище... но всё его маленькое тело

трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу. Я поспешил отозвать смущённого пса и удалился, благоговая.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

ТЮТЧЕВ
Фёдор Иванович
1803—1873

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идёт! Весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд».

Весна идёт, весна идёт —
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

* * *

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу,
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своём минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облако ушла —
Она полнеба охватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,

Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Ещё минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдёт всецело,
Чем ты и дышишь и живёшь.

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

УШИНСКИЙ

Константин Дмитриевич

1824—1871

БИШКА

— А ну-ка, Бишка, прочти, что в книжке написано!

Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла. «Не мое, — говорит, — дело книги читать. Я дом стерегу, по ночам не сплю, лаю, воров да волков пугаю, на охоту хожу, зайку слежу, уточек ищу, поноску тащу — будет с меня и этого».

ВЕТЕР И СОЛНЦЕ

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и, наконец, решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

— Посмотри, — сказал Ветер, — как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал и начал дуть что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал всё дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождём и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уже Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдернуть. Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамёрзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

— Видишь ли, — сказало тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, — лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

ЛИСА ПАТРИКЕЕВНА

У кумушки-лисы зубушки острые, рыльце тоненькое, ушки на макушке, хвостик на отлёте, шубка тёпленькая.

Хорошо кума принаряжена: шерсть пу-

шистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек.

Ходит лиса тихохонько, к земле пригибается, будто кланяется; свой пушистый хвост носит бережно; смотрит ласково, улыбается; зубки белые показывает.

Роет норы, умница, глубокие; много ходов в них и выходов, кладовые есть, есть и спаленки, мягкой травушкой полы выстланы.

Всем бы лисонька хороша была хозяйшкa, да разбойница-лиса — хитрая, любит курочек, любит уточек, свернёт шею гусю жирному, не помилует и кролика.

ЛЮБОПЫТСТВО

Павлуша (*с любопытством*). Что это там у тебя на переднике, Лиза?

Лиза. А тебе это очень нужно знать?

Павлуша (*шутя*). Покажи же, а не то я насильно посмотрю.

Лиза. Ничего там нет.

Павлуша. Неправда: ты что-то прячешь от меня. Покажи, пожалуйста, покажи.

Лиза. Не тронь: может быть, это подарок тебе к Новому году.

Павлуша. Как? Что? Подарок к Новому году? Покажи же, душечка-сестрица, покажи, что там такое (*хочет вырвать передник из рук сестры, но Лиза не даёт*). Скажи, по крайней мере, что это такое? Верно, кошелёк? Не правда ли, кошелёк?

Лиза. Зачем тебе кошелёк; разве я тебе не вывязала кошелька?

Павлуша. Что ж бы это было такое? Ах, знаю: ты связала мне шарфик.

Лиза. У тебя два шарфика. На что же тебе третий?

Павлуша. Как ты меня мучишь, сестрица! Какая ты скрытная!

Лиза. Какой ты любопытный!

Павлуша. Знаю, знаю. Это, верно, батюшка купил мне что-нибудь к Новому году, какая-нибудь игрушка?

Лиза. Может быть, батюшка и купил тебе что-нибудь, но ты знаешь, как он не любит, чтобы угадывали заранее его подарки.

Павлуша. Да я ему не скажу и в Новый год притворюсь, как будто ничего не знаю.

Лиза. Я и не знала, что ты умеешь так

притворяться. Покажи же, как ты это сделаешь.

П а в л у ш а. Уж сделаю как-нибудь, но помоги мне, пожалуйста, отгадать, что там у тебя такое. Что-нибудь из царства растительного?

Л и з а. Нет.

П а в л у ш а. Из царства животного?

Л и з а. Нет.

П а в л у ш а. Из царства минерального?

Л и з а. Нет.

П а в л у ш а. Теперь же я тебя поймал: конечно, нет в твоём переднике чего-нибудь из царства духов.

Л и з а. Конечно, нет! *(Опускает со смехом передник и показывает, что в руках у нее ничего нет.)* К какому царству принадлежит ничто?

П а в л у ш а. Ах ты плутовка! Зачем же ты так таинственно закрывала руки передником, как будто бы у тебя и бог знает что такое?

Л и з а. Мне просто было холодно без перчаток; а ты сам себя наказал своим любопытством.

П а в л у ш а. Хорошо, хорошо, но, знаешь ли, что я скажу тебе, Лиза! В другой раз ты меня так не проведёшь.

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО

(Отрывок)

Наше отечество, наша родина — матушка Россия. Отечеством мы зовём Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. Родиной мы зовём её потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным языком, и всё в ней для нас родное; а матерью — потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку; как мать она защищает и бережёт нас от всяких врагов...

Много есть на свете и кроме России всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и родина.

ФЕТ
Афанасий Афанасьевич
1820—1892

* * *

Ласточки пропали,
А вчера с зарёй
Всё грачи летали
Да, как сеть, мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекасти-поле
Прыгает как мяч.

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

**РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XX ВЕКА**

АКИМ
Яков Лазаревич
р. 1923

ЖАДИНА

Кто держит
Конфету свою
В кулаке,
Чтоб съесть её
Тайно от всех
В уголке;

Кто, выйдя во двор,
Никому из соседей
Не даст
Прокатиться
На ве-
ло-
си-
педе;

Кто мелом,
Резинкой,
Любою безделицей
В классе

Ни за что
Не подéлится —

Имя тому
Подходя́щее да́дено,
Даже не имя,
А прозвище
ЖАДИНА!

Жадину
Я ни о чём не прошу.
В гости я
Жадину
Не приглашу.

Не выйдет из жадины
Друга хорошего,
Даже приятелем
Не назовёшь его.

Поэтому —
Честно, ребята, скажу -
С жадинами
Я никогда
Не дружу!

НЕУМЕЙКА

Слыхали?
Сегодня
В подъезде
Восьмом
Ходил почтальон

С необычным
Письмом.
Измятый
Конверт,
А на нём
По линейке
Написано чётко:
ВРУЧИТЬ НЕУМЕЙКЕ.
На первый этаж
Письмоносец
Зашёл,
Увидел, как Вову
Сажали
За стол.
Со сказкою
Вове
Вливали бульон.
— Письмо Неумейке! —
Сказал почтальон.
За ложку
Схватился
Испуганный
Вова.
А мама ответила:
— Нету такого!
В квартире
Над ними
Жил мальчик
Андрюшка.

По комнате всей
Раскидал он
Игрушки.
Услышав про адрес,
Смутился
Андрейка:
— Не думайте, дядя,
Что я — неумейка!
Я, дядя,
Ещё не окончил
Игру.
Вот выстрою
Домик —
И всё уберу.
Направилась
Почта
В квартиру направо,
Где только проснулся
Голубчиков
Слава.
Сестрѐнка ему
Надевала
Чулок,
А Слава скучал
И глядел
В потолок.
Сказал почтальон:
— Неплохая семейка!
Не здесь ли живѐт

Гражданин
Неумейка?
Но Слава,
Услышав
Обидное слово,
Чулок натянул
И воскликнул:
— Да что вы!
Я сам одеваюсь,
Когда захочу,
А это —
Ну... просто
Сестрѐнку учу.
Идѐт письмоносец
В другую
Квартиру —
И видит
На кухне
Такую картину:
Тарелки
Помыты
И сложены в груду,
А мама и дочь
Вытирают
Посуду.
Сказал почтальон,
Улыбнувшись:
— Беда!
Простите,

Я снова
Попал не туда.
Спустился
Во двор
Письмоносец
И вскоре
Чуть-чуть не упал
На трёхлетнего
Борю —
Цветы
Поливал он
Из маленькой лейки.
И здесь
Не нашёл
Почтальон
Неумейки!
Присел
Почтальон
Отдохнуть
И опять
Отправился в путь
Неумейку искать.
...Письмо
Получателя ищет
По свету.
Но что же в письме?
Рассказать по секрету?
Два слова
В конверте

Письма заказного:
ПОЗОР НЕУМЕЙКЕ! -
Обидных два слова.
И я вас прошу:
Постарайтесь,
Ребята,
Чтоб это письмо
Не нашло адресата.

АЛЕКСАНДРОВА
Зинаида Николаевна
1907—1983

НОВАЯ СТОЛОВАЯ

Мы кормушки смастерили.
Мы столовую открыли.
Воробей, снегирь-сосед,
Будет вам зимой обед.

В гости в первый день недели
К нам синицы прилетели.
А во вторник, посмотри,
Прилетели снегири.

Три вороны были в среду,
Мы не ждали их к обеду.
А в четверг со всех краёв —
Стая жадных воробьёв.

В пятницу в столовой нашей
Голубь лакомился кашей.
А в субботу на пирог
Налетело семь сорок.

В воскресенье, в воскресенье
Прилетел к нам гость весенний -
Путешественник-скворец...
Вот и песенке конец.

СНЕЖОК

Снежок порхает, кружится,
На улице бело.

И превратились лужицы
В холодное стекло.

Где летом пели зяблики,
Сегодня — посмотри! —
Как розовые яблоки,
На ветках снегири.

Снежок изрезан лыжами,
Как мел, скрипуч и сух,
И ловит кошка рыжая
Весёлых белых мух.

АРТЮХОВА
Нина Михайловна
1901—1990

БОЛЬШАЯ БЕРЕЗА

(В сокращении)

(Алёша забрался на очень высокое дерево, чтобы доказать старшим ребятам, что он не трус. Слезать самому ему было трудно.)

...Мама стояла на кухне с полотенцем на плече и вытирала последнюю чашку. Вдруг у окна показалось испуганное лицо Глеба.

— Тётя Зина! Тётя Зина! — крикнул он. — Твой Алёшка сошёл с ума!

— Зинаида Львовна! — заглянул в другое окно Володя. — Ваш Алёшка залез на большую берёзу!

— Ведь он же может сорваться! — плачущим голосом продолжал Глеб. — И разобьётся...

Чашка выскользнула из маминых рук и со звоном упала на пол.

— Вдрéбезги! — закончил Глеб, с ужасом глядя на белые черепки.

Мама выбежала на террасу, пошла к калитке:

— Где он?

— Да вот, на берёзе!

Мама посмотрела на белый ствол, на то место, где он разделялся надвое. Алёши не было.

— Глупые шутки, ребята! — сказала она и пошла к дому.

— Да нет же, мы же правду говорим! — закричал Глеб. — Он там, на самом верху! Там, где ветки!

Мама наконец поняла, где нужно искать. Она увидела Алёшу. Она смерила глазами расстояние от его ветки до земли, и лицо у неё стало почти такое же белое, как этот ровный берёзовый ствол.

— С ума сошёл! — повторил Глеб.

— Молчи! — сказала мама тихо и очень строго. — Идите оба домой и сидите там.

Она подошла к дереву.

— Ну как, Алёша, — сказала она, — хорошо у тебя?

Алёша был удивлён, что мама не сердится и говорит таким спокойным, ласковым голосом.

— Здесь хорошо, — сказал он. — Только мне очень жарко, мамочка.

— Это ничего, — сказала мама, — посиди, отдохни немного и начинай спускаться. Только не спеши. Потихонечку... Отдохнул? — спросила она через минуту.

— Отдохнул.

— Ну тогда спускайся.

Алёша, держась за ветку, искал, куда бы поставить ногу. В это время на тропинке показался незнакомый толстый дачник. Он услышал голоса, посмотрел вверх и закричал испуганно и сердито:

— Куда ты забрался, негодный мальчишка! Слезай сейчас же!

Алёша вздрогнул и, не рассчитав движения, поставил ногу на сухой сучок. Сучок хрустнул и прошелестел вниз, к маминым ногам.

— Не так, — сказала мама. — Становись на следующую ветку.

Потом повернулась к дачнику:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, он очень хорошо умеет лазить по деревьям. Он у меня молодец!

Маленькая, лёгонькая фигурка Алёши медленно спускалась. Лезть вверх было легче. Алёша устал. Но внизу стояла мама, давала ему советы, говорила ласковые, ободряющие слова. Земля приближа-

лась и сжималась. Вот уже не видно ни поля за оврагом, ни заводской трубы. Алёша добрался до развилки.

— Передохни, — сказала мама. — Молодец! Ну, теперь ставь ногу на этот сушок... Нет, не туда, тот сухой, вот сюда, поправее... Так, так, не спеши.

Земля была совсем близко. Алёша повис на руках, вытянулся и спрыгнул на высокий пенёк, с которого начинал своё путешествие.

Он стоял красный, разгорячённый и дрожащими руками стряхивал с коленок белую пыль берёзовой коры.

Толстый незнакомый дачник усмехнулся, покачал головой и сказал:

— Ну-ну! Парашютистом будешь!

А мама обхватила тоненькие, коричневые от загара, исцарапанные ножки и крикнула:

— Алёшка, обещай мне, что никогда, никогда больше не будешь лазить так высоко!

Она быстро пошла к дому. На террасе стояли Володя и Глеб. Мама пробежала мимо них, через огород, к оврагу. Села в траву и закрыла лицо платком. Алёша шёл за ней, смущённый и растерянный. Он сел рядом с ней на склоне оврага, взял её за руки, гладил по волосам и говорил:

— Ну, мамочка, ну, успокойся... Я не буду так высоко! Ну, успокойся!

Он в первый раз видел, как плакала мама.

ТРУСИХА

Валя была трусиха. Она боялась мышей, лягушек, быков, гусениц. Её так и звали — трусиха.

Один раз ребята играли на улице, на большой куче песка. Мальчики строили крепость, а Валя и её младший братишка Андрюша варили обед для кукол. Валю в войну играть не принимали — ведь она была трусихой, а Андрюша для войны не годился, потому что умел ходить только на четвереньках. Вдруг со стороны колхозного сарая послышались крики:

— Лохмач с цепи сорвался!.. К нам бежит!

Все обернулись.

— Лохмач! Лохмач!.. Берегитесь, ребята!..

Ребята бросились врассыпную. Валя вбежала в сад и захлопнула за собой калитку.

На куче песка остался только маленький Андрюша: на четвереньках ведь не уйдёшь далеко. Он лежал в песочной кре-

пости и ревел от страха, а грозный враг шёл на приступ.

Валя взвизгнула, побежала из калитки, схватила в одну руку совок, а в другую — кукольную сковородку и, заслоняя собой Андрюшу, стала у ворот крепости.

Огромный злющий пёс нёсся через лужайку прямо на неё. Он казался коротким и очень широким. Вот уже совсем близко его оскаленная, клыкастая пасть. Валя бросила в него сковородку, потом совок и крикнула изо всех сил:

— Пошёл вон!

— Фьють! Фьють, Лохмач! Сюда! — Это сторож бежал через улицу наперерез Лохмачу.

Услышав знакомый голос, Лохмач остановился и вильнул хвостом. Сторож взял его за ошейник и увёл. На улице стало тихо. Ребята медленно выползали из своих убежищ: один спускался с забора, другой вылезал из канавы... Все подошли к песочной крепости. Андрюша сидел и уже улыбался, вытирая глаза грязными кулачками.

Зато Валя плакала навзрыд.

— Ты что? — спросили ребята. — Лохмач тебя укусил?

— Нет, — отвечала она, — он не укусил... Просто я очень испугалась.

ПОДРУЖКИ

Галя Серебрякова и Маруся Ильина встретились, как всегда, у ворот и вместе пошли в школу. Синее безоблачное небо над широкой улицей. В садах и в скверах — осеннее золото листьев. Девочки шли, крепко держась за руки; поэтому Маруся Ильина несла портфель в левой руке, а Галя Серебрякова — в правой. А портфели были твёрдые, блестящие, с необмятыми краями — казалось, что их долго и старательно утюжили мамы вместе с коричневыми платьями, белыми воротничками и чёрными фартуками девочек.

Галя Серебрякова громко читала вывески и надписи, которые попадались на встречу:

— «Бу-лоч-ная»... «Стой-те»... «Ки-но»... «Мо-ло-ко»... «Ре-монт о-бу-ви»...

Прошуршал по серому асфальту голубой блестящий троллейбус. Быстро промчался, а всё-таки Галя успела прочесть:

— «Са-до-во-е коль-цо».

— Как ты хорошо читаешь! — сказала Маруся.

Галя ответила с гордостью:

— Я ещё в прошлом году научилась!

Маруся вздохнула:

— А я не умею такое трудное...

Все классы в школе были одинаковые, но самым лучшим, разумеется, был первый «А». Все учительницы в школе были разные. Самой лучшей, разумеется, была Ольга Андреевна.

Вот она вошла в класс, весёлая, молодая, приветливая, и сразу захотелось ответить ей как можно лучше.

Ольга Андреевна заглянула в журнал и сказала:

— Читай, Ильина.

Маруся покраснела, раскрыла букварь и начала читать, старательно, по буквам выговаривая каждое слово.

На пятой строчке запнулась и покраснела ещё больше.

Галя подняла руку. Тёмные глаза стали совсем круглыми, как будто выпрыгнуть хотели, и умоляли учительницу: «Меня, меня спросите!»

Ольга Андреевна улыбнулась:

— Серебрякова, дальше читай.

Захлёбываясь от удовольствия, Галя прочла всю страницу, от начала до конца, даже то, что ещё не было задано на сегодня.

Ольга Андреевна опять улыбнулась и сказала:

— Хорошо.

Галя села за парту и радостно подумала: «Пятёрку поставит!»

На следующем уроке девочки писали.

Ольга Андреевна ходила по рядам и заглядывала в тетради.

— Ольга Андреевна, — сказала Галя, — вот у неё здесь ошибка. — Она ткнула пальцем в Марусину тетрадь. — Нужно «о», а она написала «а».

Ольга Андреевна посмотрела на Галю, но почему-то не улыбнулась на этот раз.

— Конечно, «о», — сказала она. — Поправь, Маруся.

Галя несла портфель в правой руке, и Маруся тоже в правой. Обе левые руки были свободны — девочки шли не за руку, а каждая сама по себе.

Маруся шла грустная, не поднимая глаз. Гале тоже было не весело.

Золотые буквы горели над дверями магазинов — Галя не обращала на них внимания. Проезжали мимо нарядные голубые троллейбусы — Галя не читала номера и надписи.

Девочки молча вошли во двор и повернули — одна направо, другая налево.

Мама спросила Галю:

— Ну, как дела?

— Пятёрка по чтению, — мрачно ответила Галя.

Утром мама расчёсывала короткие курчавые Галины волосы и завязывала бант потуже, а Галя терпела и морщилась.

— Собирайся, Галя, — сказала мама. — Вон подружка твоя уже тебя ждет.

Галя бросилась к окну.

У ворот мелькнули светлые косички и знакомое серенькое пальто в клетку. Нет, Маруся не ждала. Она поспешно вышла на улицу, даже не взглянув на Галины окна.

Галя сбежала с лестницы.

Не догнать! Маруся уже на углу стоит, собирается улицу переходить.

Галя знала по себе, что переходить улицу одной страшновато: уж очень она широкая. Сегодня, впрочем, Галя беспокоилась не за себя, а за Марусю. Улица такая большая, а Маруся такая маленькая, да ещё торопится.

Когда Галя вошла в класс, Маруся уже сидела за партой и разбирала свои тетрадки.

— Здравствуй, — сказала Галя.

Галя сказала: «Здравствуй», а Маруся ясно услышала: «Не сердись».

— Здравствуй, — не поднимая глаз, ответила Маруся.

А Галя в этом «здравствуй» услышала совсем другие слова: «Обидела ты меня».

В самом начале урока Ольга Андреевна спросила:

— Ну-ка, девочки, кто сегодня выучил хорошо и может прочесть до конца всю страницу?

Галина рука сама взлетела над партой и сама сейчас же опустилась. Галя увидела, что Маруся тоже поднимает руку, правда, совсем ещё не высоко, робко и нерешительно. Изю всех рук в классе Ольга Андреевна выбрала именно эту, самую медленную руку. Маруся читала гораздо лучше, чем вчера, прямо, должно быть, наизусть выучила. Только она слишком торопилась, как будто боялась, что её перебьют, не дадут договорить. От этой спешки перепутала строчки в самом конце — вместо одного слова прочла другое — и остановилась, смущённая.

Гале так хотелось поправить, что она обеими ладонями зажала себе рот. Удержалась всё-таки.

Ольга Андреевна улыбнулась чуть-чуть и сказала:

— Не спеши, Маруся, подумай и скажешь правильно.

Маруся подумала и очень хорошо, с выражением даже, прочитала последние две строчки.

— Молодец! — похвалила Ольга Андреевна.

А Галя зашептала:

— Пятёрку тебе поставила, пятёрку, я видела!

Девочки возвращались домой, крепко держась за руки.

Это был удивительный день. Совсем не жалко и не грустно было смотреть, как облетают осенние листья.

Осень — это конец года, но ведь для девочек эта осень была только началом.

Маруся и Галя шли медленно и останавливались около каждой вывески.

Сначала Маруся называла буквы, потом Галя говорила всё слово целиком.

А когда дошли до угла и остановились у перехода, Маруся посмотрела на загоревшиеся маленькие зелёные буквы, пошевелила губами... И вдруг прочитала, громко и радостно, не по буквам уже, а сразу всё слово:

— «Иди-те!»

БЕРЕСТОВ

Валентин Дмитриевич
1928—1998

ГДЕ ПРАВО, ГДЕ ЛЕВО

Стоял ученик
На развилке дорог,
Где право,
Где лево,
Понять он не мог.
Но вдруг ученик
В голове почесал
Той самой рукою,
Которой писал,
И мячик кидал,
И страницы листал,
И ложку держал,
И полы подметал.
— Победа! — раздался
Ликующий крик:
Где право,
Где лево,
Узнал ученик.

Дружно
Ударились
Рыбы
Об лёд —
И на реке начался ледоход!

ЗА ИГРОЙ

Мы ссорились, мирились
И спорили порой,
Но очень подружились
За нашу игруй.

Игра игрой сменяется,
Кончается игра,
А дружба не кончается.
Ура! Ура! Ура!

ЗНАКОМЫЙ

Сегодня вышел я из дома.
Пушистый снег лежит кругом.
Смотрю — навстречу мой
знакомый
Бежит по снегу босиком.

И вот мы радости не прячем,
Мы — неразлучные друзья.
Визжим, и прыгаем, и скачем,
То я, то он, то он, то я.

Объятыя, шутки, разговоры.

— Ну как живёшь? Ну как

дела? —

Вдруг видим, кошка вдоль забора,

Как тень, на цыпочках прошла.

— Побудь со мной ещё немного! —

Но я его не удержал.

— Гав! Гав! — сказал знакомый

строго.

Махнул хвостом и убежал.

ИСКАЛОЧКА

Если где-то нет кого-то,

Значит, кто-то где-то есть.

Только где же этот кто-то

И куда он мог залезть?

* * *

О чём поют воробушки

В последний день зимы?

— Мы выжили!

— Мы дожили!

— Мы живы! Живы мы!

ПРИЯТНАЯ ВЕСТЬ

Без четверти шесть!

Без пятнадцати шесть!

Хотите услышать
Приятную весть?

— Так что же случилось
Без четверти шесть?
Какая такая
Приятная весть?

— А то, что я сам,
Понимаете? — САМ
Умею часы
Узнавать по часам.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Возьмём с собой сушёных груш
И двинемся в лесную глушь
Одни — в далёкий путь.
Я у Старкова за спиной,
Спешит Красильников за мной —
Назад не повернуть.
Взлетают палки наши в лад,
И наши лыжи в лад скрипят.
Всё дальше, дальше дом.
Но мы — мужчины, и к тому ж
У нас запас сушёных груш,
И мы не пропадём!

СТУК В ОКНО

Вот и нам узнать дано,
Как зима стучит в окно.

А в окно синица ломится,
Хочет сала поклевать
И мечтает познакомиться,
С кем ей нынче зимовать.

* * *

Что ни сутки,
По минутке
День длинней,
Короче ночь.
Потихоньку,
Полегоньку
Прогоняем зиму
Прочь!

БИАНКИ

Виталий Валентинович

1894—1959

МУЗЫКАНТ

Старый медвежатник сидел на зава-
линке и пиликал на скрипке. Он очень
любил музыку и старался сам научиться
играть. Плохо у него выходило, но старик
и тем был доволен, что у него своя музы-
ка. Мимо проходил знакомый колхозник
и говорит старику:

— Брось-ка ты свою скрипку-то, бе-
рись за ружьё. Из ружья у тебя лучше
выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил
колхозника, где он видел медведя. Взял
ружьё и пошёл в лес. В лесу старик долго
искал медведя, но не нашёл даже и следа
его.

Устал старик и присел на пенёк отдох-
нуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде
не треснет, ни птица голосу не подаст.

Вдруг старик услышал: «Дзенн!..» — красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился: «Кто же это в лесу на струне играет?»

А из лесу опять: «Дзенн!..» — да так звонко, ласково.

Старик встал с пенька и осторожно пошёл туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за ёлочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил её. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» — как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поёт щепка!

Замолк звук — медведь опять за своё: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник ещё раз проходил мимо избы медвежатника. Старик сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дёргал одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзинн!..»

Колхозник спросил старика:

— Ну что, убил медведя?

— Нет, — ответил старик.

— Что ж так?

— Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщепленном грозой дереве.

СОВА

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт — молоком белит. Летит мимо Сова.

— Здорóво, — говорит, — друг!

А Старик ей:

— Ты, Сова, — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонисься, — какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

— Ладно же, — говорит, — старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, — сам лови.

А Старик:

— Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

— Погляди-ка, кума, не летит ли Со-

ва — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

— Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

— А пускай идут, — говорит Старик. — Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

— А пускай летят, — говорит Старик. — Что от них толку: ни мёду, ни воску, — волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок переносить.

— И ветер разнесёт, — говорит Старик, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок — не родится клевер на лугу; не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, — трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; поило лижет, а молоко всё жиже да жиже.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придёшь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клеверу тощает. Молока у коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старика чай белить, — пошёл Старик Сове кланяться:

— Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

— То-то, — говорит, — старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу налижаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить — Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

ХИТРЫЙ ЛИС И УМНАЯ УТОЧКА

Осень. Хитрый Лис думает:

«Утки в отлёт собрались. Дай-ка схожу на речку — утятинкой раздобудусь».

Подкрался из-за куста, видит: правда, целая стая уток у берега. Одна Уточка

стоит под самым кустом, лапкой перья в крыле перебирает.

Лис хватить её за крыло!

Со всех силёнок рванулась Уточка. Оставила перья у Лиса в зубах.

«Ах ты! — Лис думает. — Вырвалась как...»

Стая всполошилась, поднялась на крыло и улетела.

А эта уточка осталась: крыло у неё сломано, перья вырваны.

Она спряталась в камышах, подальше от берега.

Ушёл Лис ни с чем.

Зима. Хитрый Лис думает:

«Замёрзло озеро. Теперь Уточка моя, никуда от меня не денется: по снегу куда ни пойдёт — наследит, по следу её и найду».

Пришёл на речку, — верно: лапки с перепонками наследили на снегу у берега. А сама Уточка под тем же кустом сидит, распушилась вся.

Тут ключ из-под земли бьёт, не даёт льду замерзнуть, — тёплая полынья, и пар от неё идёт.

Кинулся Лис на Уточку, а Уточка — нырк от него! — и ушла под лёд.

«Ах ты!.. — Лис думает. — Утопилась
ведь...»

Ушёл ни с чем.

Весна. Хитрый Лис думает:

«Тает лёд на речке. Пойду мёрзлой утятинкой полакомлюсь».

Пришёл, а Уточка плавает под кустом, — жива, здоровёхонька!

Она тогда нырнула под лёд и выскочила в полынью — под другим берегом: там тоже ключ был.

Так всю зиму и прожила.

«Ах ты!.. — Лис думает. — Стой же, сейчас за тобой в воду кинусь...»

— Зря, зря, зря! — закрикала Уточка.

Порх с воды — и улетела.

За зиму-то у неё крыло зажило и новые пёрышки отросли.

Ю. ВЛАДИМИРСКИЙ

1909—1930

ЧУДАКИ

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятак.

Один пятак —

на кушак,

Другой пятак —

на колпак,

А третий пятак —

так.

По пути на базар чудаки

Перепутали все пятаки:

Который пятак

на кушак,

Который пятак

на колпак,

А который пятак

так.

Только ночью пришли чудаки,

Принесли мне назад пятаки.

— Извините,

но с нами беда:

Мы забыли —

который куда:

Который пятак

на кушак,

Который пятак

на колпак,

А который пятак

так.

ГАЙДАР

Аркадий Петрович

1904—1941

СОВЕСТЬ

Нина Карнаухова не приготовила урока и решила не идти в школу.

Но чтобы знакомые случайно не увидели, как она во время рабочего дня болтается с книгами по городу, Нина украдкой прошла в рощу.

Положив пакет с завтраком и связку книг под куст, она побежала догонять красивую бабочку и наткнулась на малыша, который смотрел на неё добрыми, доверчивыми глазами.

А так как в руке он сжимал букварь с заложеной в него тетрадкой, то Нина смекнула, в чём дело, и решила над ним подшутить.

— Несчастный прогульщик! — строго сказала она. — И это с таких юных лет ты уже обманываешь родителей и школу?

— Нет! — удивлённо ответил малыш. — Я просто шёл на урок. Но тут в лесу ходит

большая собака. Она залаяла, и я заблудился.

Нина нахмурилась. Но этот малыш был такой смешной и добродушный, что ей пришлось взять его за руку и повести через рощу.

А связка Нининых книг и завтрак так и остались лежать под кустом, потому что поднять их перед малышом было бы стыдно.

Вышмыгнула из-за ветвей собака, книг не тронула, а завтрак съела.

Вернулась Нина, села и заплакала. Нет! Не жалко ей было украденного завтрака. Но слишком хорошо пели над её головой весёлые птицы. И очень тяжело было на её сердце, которое грызла беспощадная совесть.

ЧУК И ГЕК

(В сокращении)

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо,

чтобы она приезжала вместе с ребяташками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далёком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днём и ночью сверкали над башнями этого города красные звёзды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались...

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама. А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе — тик да так — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слёзы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принёс письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро приедет.

Тут, на радостях, они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа вот уже целый год не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба её прекрасных сына, лёжа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала.

Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над её тёмными бровями.

Всем известно, что письма бывают весёлые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за её лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо веселое.

— Отец не приедет, — откладывая письмо, сказала мать, — у него ещё много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо оказалось самым что ни на есть распечальным.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не приедет, — продолжала мать, — но он зовёт нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак-человек, — вздохнула мать. — Хорошо сказать — в гости! Будто бы это сел на трамвай и поехал...

— Да, да, — быстро подхватил Чук, — раз он зовёт, так мы сядем и поедем.

— Ты глупый, — сказала мать. — Туда ехать тысячу и ещё тысячу километров поездом. А потом в санях лошадьми через тайгу. А в тайге наткнёшься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

— Гей-гей! — Чук и Гек не думали и

полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, всё их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что весёлый у неё был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже. Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножика, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в неё гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали

квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний заграничный поезд.

Но тут без неё у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведёт их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обёртки (если там был нарисован танк, самолёт или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и ещё всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шёл доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошёл почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошёл узнать, почему это Гек уже не поёт песни, а кричит:

Р-ра! Р-ра! Ура!
Эй! Бей! Турумбей!

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в жёлтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберёт в дальнюю дорожку.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пику, переломил её через колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорблённый Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!» в одном пальто, без калош и шапки, выскок за дверь.

Почувяв неладное, вслед за Чуком понёлся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала ещё никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и её утянул какой-либо прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадёт им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

— Знаешь, Гек: а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя, — вздохнул Гек. — Мама за враньё всегда ещё хуже сердится.

— А мы не будем врать! — радостно воскликнул Чук. — Если она спросит, где телеграмма, — мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперёд выскакивать? Мы не выскочки.

— Ладно, — согласился Гек. — Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но всё же она сразу заметила, что у её дорогих сыновей лица печальные, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, граждане, — отряхиваясь от снега, спросила мать, — из-за чего без меня была драка?

— Драки не было, — отказался Чук.

— Не было, — подтвердил Гек. — Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

— Очень я люблю такое раздумье, — сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твёрдые зелёные билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали.

Да, немало всякого они за дорогу повидали. Жаль только, что на дворе бушева-

ли метели и окна вагона часто бывали наглухо залеплены снегом.

И вот наконец утром поезд подкатил к маленькой станции.

Только-только мать успела ссадить Чука с Геком и принять от военного вещи, как поезд умчался.

Чемоданы были свалены на снег. Деревянная платформа вскоре опустела, а отец встречать так и не вышел.

Тогда мать на отца рассердилась и, оставив детей караулить вещи, пошла к ямщикам узнавать, какие за ними отец прислал сани, потому что до того места, где он жил, оставалось ехать ещё километров сто тайгою.

Мать ходила очень долго, а тут ещё неподалёку появился страшный козёл. Сначала он глодал кору с замороженного бревна, но потом противно мемекнул и что-то очень пристально стал на Чука с Геком поглядывать.

Тогда Чук и Гек поспешно укрылись за чемоданами, потому что кто его знает, что в этих краях козлам надо.

Но вот вернулась мать. Она была совсем опечалена и объяснила, что, вероятно, отец телеграмму о их выезде не получил и поэтому лошадей на станцию он за ними не прислал.

Тогда они позвали ямщика. Уложили в широкие сани багаж, взбили сено, укутались одеялами, тулупами.

Прощайте, большие города, заводы, станции, деревни, посёлки! Теперь впереди только лес, горы и опять густой тёмный лес.

Почти до сумерек, охая, ахая и дивясь на дремучую тайгу, они проехали незаметно.

Но вот безо всякой команды кони стали возле маленькой, занесённой снегом избушки.

— Здесь ночуем, — сказал ямщик, со скакивая в снег. — Это наша станция.

Избушка была маленькая, но крепкая. Людей в ней не было.

Быстро вскипятил ямщик чайник; принесли из саней сумку с продуктами.

Колбаса до того замёрзла и затвердела, что ею можно было забивать гвозди. Колбасу ошпарили кипятком, а куски хлеба положили на горячую плиту.

За печкой Чук нашёл какую-то кривую пружину, и ямщик сказал ему, что это пружина от капкана, которым ловят всякого зверя. Пружина была ржавая и валялась без дела. Это Чук сообразил сразу.

Попили чаю, поели и легли спать. У стены стояла широкая деревянная кро-

вать. Вместо матраца на ней были навалены сухие листья.

Гек не любил спать ни у стены, ни посередине. Он любил спать с краю. И хотя ещё с детства он слышал песню «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю», Гек всё равно всегда спал с краю.

Если же его клали в серединку, то во сне он сбрасывал со всех одеяло, отбивался локтями и толкал Чука в живот коленом.

Не раздеваясь и укрывшись тулупами, они улеглись: Чук у стенки, мать посередине, а Гек с краю.

Ямщик потушил свечку и полез на печь. Разом все уснули. Но, конечно, как и всегда, ночью Геку захотелось пить, и он проснулся.

В полудрёме он надел валенки, добрался до стола, глотнул воды из чайника и сел перед окном на табуретку.

Луна была за тучками, и сквозь маленькое окошко сугробы снега казались чёрно-синими.

«Вот как далеко занесло нашего папу!» — удивился Гек. И он подумал, что, наверное, дальше, чем это место, уже и не много осталось мест на свете.

Но вот Гек прислушался. За окном ему почудился стук. Это был даже не стук, а скрип снега под чьими-то тяжёлыми ша-

гами. Так и есть! Вот во тьме что-то тяжело вздохнуло, зашевелилось, заворочалось, и Гек понял, что это мимо окна прошёл медведь.

— Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго едем к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда и не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьём или острой саблей!

Так думал и бормотал Гек, а сам со страхом и любопытством крепче и крепче прижимался лбом к обледенелому стеклу узкого окошка.

Но вот из-за быстрых туч стремительно выкатилась луна. Чёрно-синие сугробы засверкали мягким матовым блеском, и Гек увидел, что медведь этот вовсе не медведь, а просто это отвязавшаяся лошадь ходит вокруг саней и ест сено.

Было досадно. Гек залез на кровать под тулуп, а так как только что он думал о нехорошем, то и сон к нему пришёл угрюмый.

Мать проснулась от того, что оба её дорогих сына с двух сторон нестерпимо толкались и ворочались.

Она повернулась к Чуку и почувствовала, как в бок ей ткнуло что-то твёрдое и острое. Она пошарила и достала из-под

одеяла пружину от капкана, которую запасливый Чук тайно притащил с собой в постель.

Мать швырнула пружину за кровать. При свете луны она заглянула в лицо Геку и поняла, что ему снится тревожный сон.

Сон, конечно, не пружина, и его нельзя выкинуть. Но его можно потушить. Мать повернула Гека со спины на бок и, покачивая, тихонько подула на его тёплый лоб.

Вскоре Гек засопел, улыбнулся, и это означало, что плохой сон погас.

Тогда мать встала и в чулках, без валенок, подошла к окошку.

Ещё не светало, и небо было всё в звёздах. Иные звёзды горели высоко, а иные склонялись над чёрной тайгой совсем низко.

И — удивительное дело! — тут же и так же, как маленький Гек, она подумала, что дальше, чем это место, куда занесло её беспокойного мужа, наверное, и не много осталось мест на свете.

Весь следующий день дорога шла лесом и горами. На подъёмах ямщик соскакивал с саней и шёл по снегу рядом. Но зато на крутых спусках сани мчались с такой быстротой, что Чуку с Геком казалось,

будто бы они вместе с лошадьми и с саними проваливаются на землю прямо с неба.

Наконец под вечер, когда и люди и кони уже порядком устали, ямщик сказал:

— Ну, вот и приехали! За этим мыском поворот. Тут, на поляне, и стоит ихняя база... Эй, но-о!.. Наваливай!

Весело взвизгнув, Чук и Гек вскочили, но сани дёрнули, и они дружно плюхнулись в сено.

Улыбающаяся мать скинула шерстяной платок и осталась только в пушистой шапке.

Вот и поворот. Сани лихо развернулись и подкатили к трём домишкам, которые торчали на небольшой, укрытой от ветров опушке.

Очень странно! Не лаяли собаки, не было видно людей. Не валил дым из печных труб. Все дорожки были занесены глубоким снегом, а кругом стояла тишина, как зимой на кладбище. И только белобокие сороки бестолково скакали с дерева на дерево.

— Ты куда же нас привёз? — в страхе спросила у ямщика мать. — Разве нам сюда надо?

— Куда рядились, туда и привёз, — ответил ямщик. — Вот эти дома называют-

ся «Разведывательно-геологическая база номер три». Да вот и вывеска на столбе... Читайте. Может быть, вам нужна база под названием номер четыре? Так то километров двести совсем в другую сторону.

— Нет, нет! — взглянув на вывеску, ответила мать. — Нам нужна эта самая. Но ты посмотри: двери на замках, крыльцо в снегу, а куда же девались люди?

— Я не знаю, куда б им деваться, — удивился и сам ямщик. — На прошлой неделе мы сюда продукт возили: муку, лук, картошку. Все люди тут были: восемь человек, начальник девятый, со сторожем десять... Вот ещё забота! Не волки же их всех поели... Да вы стойте, я пойду посмотрю в сторожку.

И, сбросив тулуп, ямщик зашагал через сугробы к крайней избушке.

Вскоре он вернулся:

— Изба пустая, а печка тёплая. Значит, здесь сторож, да, видать, ушёл на охоту. Ну, к ночи вернётся и всё вам расскажет.

— Да что он мне расскажет! — ахнула мать. — Я и сама вижу, что людей здесь уже давно нету.

— Это я уж не знаю, что он расскажет, — ответил ямщик. — А что-нибудь рассказать должен, на то он и сторож.

С трудом подъехали они к крыльцу сторожки, от которого к лесу вела узенькая тропка.

Они вошли в сени и мимо лопат, мётел, топорков, палок, мимо промёрзлой медвежьей шкуры, что висела на железном крюку, прошли в избушку. Вслед за ними ямщик тащил вещи.

В избушке было тепло. Ямщик пошёл задавать лошадям корм, а мать молча раздевала перепуганных ребятишек.

— Ехали к отцу, ехали — вот тебе и приехали!

Мать села на лавку и задумалась. Что случилось, почему на базе пусто и что теперь делать? Ехать назад? Но у неё денег оставалось только-только заплатить ямщику за дорогу. Значит, надо было ожидать, когда вернётся сторож. Но ямщик через три часа уедет обратно, а вдруг сторож возьмёт да не скоро вернётся? Тогда как? А ведь отсюда до ближайшей станции и телеграфа почти сто километров!

Вошёл ямщик. Оглядев избу, он потянул носом воздух, подошёл к печке и открыл заслонку.

— Сторож к ночи вернётся, — успокоил он. — Вот в печи горшок со щами. Кабы он ушёл надолго, он бы щи на холод вынес... А то как хотите, — предложил

ямщик. — Раз уж такое дело, то я не чурбак. Я вас назад до станции бесплатно доставлю.

— Нет, — отказалась мать. — На станции нам делать нечего.

Опять поставили чайник, подогрели колбасу, поели, попили, и пока мать разбирала вещи, Чук с Геком забрались на тёплую печку. Здесь пахло берёзовыми вениками, горячей овчиной и сосновыми щепками. А так как расстроенная мать была молчалива, то Чук с Геком молчали тоже. Но долго молчать не намолчишься, и поэтому, не найдя себе никакого дела, Чук и Гек быстро и крепко уснули.

Они не слышали, как уехал ямщик и как мать, забравшись на печку, улеглась с ними рядом. Они проснулись уже тогда, когда в избе было совсем темно. Проснулись все разом, потому что на крыльце послышался топот, потом что-то в сенях загрохотало — должно быть, упала лопата. Распахнулась дверь, и с фонарём в руках в избу вошёл сторож, а с ним большая лохматая собака. Он скинул с плеча ружьё, бросил на лавку убитого зайца и, поднимая фонарь к печке, спросил:

— Это что же за гости сюда приехали?

— Я жена начальника геологической партии Серёгина, — сказала мать, соска-

кивая с печки, — а это его дети. Если нужно, то вот мои документы.

— Вот они, документы: сидят на печке, — буркнул сторож и осветил фонарём на встревоженные лица Чука и Гека. — Как есть в отца — копия! Особо вот этот толстый. — И он ткнул на Чука пальцем.

Чук и Гек обиделись: Чук — потому, что его называли толстым, а Гек — потому, что он всегда считал себя похожим на отца больше, чем Чук.

— Вы зачем, скажите, приехали? — глянув на мать, спросил сторож. — Вам же приезжать было не велено.

— Как не велено? Кем это приезжать не велено?

— А так и не велено. Я сам на станцию возил от Серёгина телеграмму, а в телеграмме ясно написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу». Раз Серёгин пишет «задержись» — значит, и надо было держаться, а вы самовольничаете.

— Какую телеграмму? — переспросила мать. — Мы никакой телеграммы не получали. — И, как бы ища поддержки, она растерянно глянула на Чука и Гека.

Но под её взглядом Чук и Гек, испуганно тараща друг на друга глаза, поспешно попятились глубже на печку.

— Дети, — подозрительно глянув на сыновей, спросила мать, — вы без меня никакой телеграммы не получали?

На печке захрустели сухие щепки, венники, но ответа на вопрос не последовало.

— Отвечайте, мучители! — сказала тогда мать. — Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне её не отдали?

Прошло ещё несколько секунд, потом с печки раздался ровный и дружный рёв. Чук затянул басовито и однотонно, а Гек выводил потоньше и с переливами.

— Вот где моя погибель! — воскликнула мать. — Вот кто, конечно, сведёт меня в могилу! Да перестаньте вы гудеть и расскажите толком, как было дело.

Однако, услышав, что мать собирается идти в могилу, Чук с Геком взвыли ещё громче, и прошло немало времени, пока, перебивая и бесстыдно сваливая вину друг на друга, они затянули свой печальный рассказ.

Ну что с таким народом будешь делать? Поколотить их палкой? Посадить в тюрьму? Заковать в кандалы и отправить на каторгу? Нет, ничего этого мать не сделала. Она вздохнула, приказала сыновьям слезть с печки, вытереть носы и умыться,

а сама стала спрашивать сторожа, как же ей теперь быть и что делать.

Сторож сказал, что разведывательная партия по срочному приказу ушла к ущелью Алкараш и вернётся никак не раньше, чем дней через десять.

— Но как же мы эти десять дней жить будем? — спросила мать. — Ведь у нас с собой нет никакого запаса.

— А вот так и живите, — ответил сторож. — Хлеба я вам дам, вон подарю зайца — обдерёте и сварите. А я завтра на двое суток в тайгу уйду, мне капканы проверять надо.

— Нехорошо, — сказала мать. — Как же мы останемся одни? Мы тут ничего не знаем. А здесь лес, звери...

— Я второе ружьё оставлю, — сказал сторож. — Дрова под навесом, вода в роднике за пригорком. Вон крупа в мешке, соль в банке. А мне — я вам прямо скажу — нянчиться с вами тоже некогда...

— Эдакий злой дядька! — прошептал Гек. — Давай, Чук, мы с тобой ему что-нибудь скажем.

— Вот ещё! — отказался Чук. — Он тогда возьмёт и вовсе нас из дому выгонит. Ты погоди, приедет папа, мы ему всё и расскажем.

— Что ж папа! Папа ещё долго...

Гек подошёл к матери, сел к ней на колени и, сдвинув брови, строго посмотрел в лицо грубому сторожу.

Сторож снял меховой кожух и подвинулся к столу, к свету. И только тут Гек разглядел, что от плеча к спине кожуха вырван огромный, почти до пояса, меховой клочок.

— Достань из печки щи, — сказал матери сторож. — Вон ложки, миски, садитесь и ешьте. А я шубу чинить буду.

— Ты хозяин, — сказала мать. — Ты достань, ты и угощай. А полушубок дай: я лучше твоего залатаю.

Сторож поднял на неё глаза и встретил суровый взгляд Гека.

— Эге! Да вы, я вижу, упрямые, — пробурчал он, протянул матери полушубок и полез за посудой на полку.

— Это где так разорвалось? — спросил Чук, указывая на дыру кожуха.

— С медведем не поладили. Вот он мне и царапнул, — нехотя ответил сторож и бухнул на стол тяжёлый горшок со щами.

— Слышишь, Гек? — сказал Чук, когда сторож вышел в сени. — Он подрался с медведем и, наверное, от этого сегодня такой сердитый.

Гек слышал всё сам. Но он не любил,

чтобы кто-либо обижал его мать, хотя бы это и был человек, который мог поссориться и подраться с самим медведем.

Утром, ещё на заре, сторож захватил с собой мешок, ружьё, собаку, стал на лыжи и ушёл в лес. Теперь хозяйничать надо было самим.

...Прошло два дня, наступил третий, а сторож из леса не возвращался, и тревога нависла над маленьким, занесённым снегом домиком.

Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половиком окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь — не человек и он огня боится. Над печной трубой, как и полагается, гудел ветер, а когда вьюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается. Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки.

На утро четвёртого дня матери самой пришлось колоть дрова. Заяц был давно съеден и кости его расхватаны сороками. На обед они варили только кашу с пост-

ным маслом и луком. Хлеб был на исходе, но мать нашла муку и испекла лепёшек.

После такого обеда Гек был грустен, и матери показалось, что у него повышена температура.

Она приказала ему сидеть дома, одела Чука, взяла вёдра, салазки, и они вышли, чтобы привезти воды и заодно набрать на опушке сучьев и веток, — тогда утром легче будет растапливать печку.

Гек остался один. Он ждал долго. Ему стало скучно, и он начал что-то придумывать.

...А мать и Чук задержались. На обратном пути к дому санки перевернулись, вёдра опрокинулись, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что Чук на опушке позабыл тёплую варежку, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да сё, наступили сумерки.

Когда они вернулись домой, Гека в избе не было. Сначала они подумали, что Гек спрятался на печке за овчинами. Нет, там его не было.

Тогда Чук хитро улыбнулся и шепнул матери, что Гек, конечно, залез под печку.

Мать рассердилась и приказала Геку вылезать. Гек не откликнулся.

Тогда Чук взял длинный ухват и стал им под печкой ворочать. Но и под печкой Гека не было.

Мать встревожилась, взглянула на гвоздь у двери. Ни полушубок Гека, ни шапка на гвозде не висели.

Мать вышла во двор, обошла кругом избушку. Зашла в сени, зажгла фонарь. Заглянула в тёмный чулан, под навес с дровами...

Она звала Гека, ругала, упрашивала, но никто не отзывался. А темнота быстро ложилась на сугробы.

Тогда мать заскочила в избу, схватила фонарь и, крикнув Чуку, чтобы не смел двигаться с места, выбежала во двор.

Следов за четыре дня было натоптано немало.

Где искать Гека, мать не знала, но она побежала к дороге, так как не верила, чтобы Гек один мог осмелиться зайти в лес.

На дороге было пусто.

Она зарядила ружьё и выстрелила. Прислушалась, выстрелила ещё и ещё раз.

Вдруг совсем неподалеку ударил ответный выстрел. Кто-то спешил к ней на помощь. Она хотела бежать навстречу, но её

валенки увязли в сугробе. Фонарь попал в снег, стекло лопнуло и свет погас.

С крыльца сторожки раздался пронзительный крик Чука.

Это, услышав выстрелы, Чук решил, что волки, которые сожрали Гека, напали на его мать.

Мать отбросила фонарь и, задыхаясь, побежала к дому. Она втолкнула раздетого Чука в избу, швырнула ружьё в угол и, зачерпнув ковшом, глотнула ледяной воды.

У крыльца раздался гром и стук. Распахнулась дверь. В избу влетела собака, а за ней вошёл окутанный паром сторож.

— Что за беда? Что за стрельба? — спросил он, не здороваясь и не раздеваясь.

— Пропал мальчик, — сказала мать. Слезы ливнем хлынули из её глаз, и она больше не могла сказать ни слова.

— Стой не плачь! — гаркнул сторож. — Когда пропал? Давно? Недавно?.. Назад, Смелый! — крикнул он собаке. — Да говорите же, или я уйду обратно!

— Час тому назад, — ответила мать. — Мы ходили за водой. Мы пришли, а его нет. Он оделся и куда-то ушёл.

— Ну, за час он далеко не уйдёт, а в

одежде и в валенках сразу не замёрзнет...
Ко мне, Смелый! На, нюхай!

Сторож сдёрнул с гвоздя башлык и подвинул под нос собаки калоши Гека.

Собака внимательно обнюхала вещи и умными глазами посмотрела на хозяина.

— За мной! — распахивая дверь, сказал сторож. — Иди ищи, Смелый!

Собака вильнула хвостом и осталась стоять на месте.

— Вперёд! — строго повторил сторож. — Ищи, Смелый, ищи!

Собака беспокойно крутила носом, переступала с ноги на ногу и не двигалась.

— Это ещё что за танцы? — рассердился сторож. И, опять сунув собаке под нос башлык и калоши Гека, он дёрнул её за ошейник.

Однако Смелый за сторожем не пошёл; он покрутился, повернулся и пошёл в противоположный от двери угол избы.

Здесь он остановился около большого деревянного сундука, царапнул по крышке мохнатой лапой и, обернувшись к хозяину, три раза громко и лениво гавкнул.

Тогда сторож сунул ружьё в руки оторопелой матери, подошёл и открыл крышку сундука.

В сундуке, на куче всякого тряпья, овчин, мешков, укрывшись своей шубёнкой

и подложив под голову шапку, крепко и спокойно спал Гек.

Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сонными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье. Мать целовала его и плакала. Чук дёргал за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

— Эй-ля! Эй-ли-ля!

Лохматый пёс Смелый, которого Чук поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял серым хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мать и Чук ходили за водой, то, соскучившись, Гек решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет. Но так как мать и Чук ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно уснул.

Вдруг сторож встал, подошёл и брякнул на стол тяжёлый ключ и измятый голубой конверт.

— Вот, — сказал он, — получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от начальника Серёгина. Он с

людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

Так вот он где пропадал, этот неприветливый, хмурый старик! Сказал, что идёт на охоту, а сам бегал на лыжах к далёкому ущелью Алкараш.

Не распечатывая письма, мать встала и с благодарностью положила старику на плечо руку.

Он ничего не ответил и стал ворчать на Гека за то, что тот рассыпал в сундуке коробку с пыжами, а заодно и на мать — за то, что она разбила стекло у фонаря. Он ворчал долго и упорно, но никто теперь этого чудака не боялся. Весь этот вечер мать не отходила от Гека и, чуть что, хватала его за руку, как будто боялась, что вот-вот он опять куда-нибудь исчезнет. И так много она о нём заботилась, что наконец Чук обиделся и про себя уже несколько раз пожалел, что и он не полез в сундук тоже.

Теперь стало весело. На следующее утро сторож открыл комнату, где жил их отец. Он жарко натопил печь и перенёс сюда все их вещи. Комната была большая, светлая, но всё в ней было расставлено и навалено без толку.

Мать сразу же взялась за уборку. Целый день она всё переставляла, скоблила, мыла, чистила.

И когда к вечеру сторож принёс вязанку дров, то, удивлённый переменной и невиданной чистотой, он остановился и не пошёл дальше порога.

А собака Смелый пошла.

Она пошла прямо по свежевыванному полу, подошла к Геку и ткнула его холодным носом. Вот, мол, дурак, это я тебя нашла, и за это ты должен дать мне что-нибудь покушать.

Мать раздобрилась и кинула Смелому кусок колбасы. Тогда сторож заворчал и сказал, что если в тайге собак кормить колбасой, так это сорокам на смех.

Мать отрезала и ему полкруга. Он сказал «спасибо» и ушёл, всё чему-то удивляясь и покачивая головой.

На следующий день было решено готовить к Новому году ёлку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашивали зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и навертели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, по долгу останавливался у двери и дивился на их всё новые и новые затеи. Наконец он не вытерпел. Он принёс им серебряную бумагу от завёртки чая и большой кусок воска, который остался у него от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за ёлкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушёл в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно! Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обёрнутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой ёлки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таёжная красавица — высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звёздочки.

Четыре дня за делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая, что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди. Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мёрзли понапрасну, потому что вся партия вернётся только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроём они вышли на крыльцо.

— Теперь смотрите, — сказал им сторож, — вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правей большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будут дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с гружёными санями, а за нею следом пронеслись быстроходные лыжники. По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчётливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса слышался лай собак, шум, скрип, крики.

Почуявшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса. А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников. И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, спрыгнул с крыльца и, зачёрпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Днём чистились, брились и мылись.

А вечером была для всех ёлка, и все дружно встречали Новый год.

Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи. Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян и он заиграл весёлый танец. Тогда все повскакали и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню.

Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую — я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая её, замолкли и притихли. И когда Гек остановился, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

— Теперь садитесь, — взглянув на часы, сказал отец. — Сейчас начнётся самое главное.

Он пошёл и включил радиоприёмник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издалека донёсся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!
Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Геком переглянулись. Они угадали, что это. Это в далёкой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлёвские часы.

И этот звон — перед Новым годом — сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неумоимо ждал приказа Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже.

И тогда все люди встали, ещё раз поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья...

ГОЛЯВКИН
Виктор Владимирович
1929—2001

БОЛТУНЫ

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошёл учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

— Это я, — сказал он. — Похоже?

— Нисколько, — ответил Юра, — у тебя не такие уши.

— А какие же у меня уши?

— Как у осла.

— А у тебя нос, как у бегемота.

— А у тебя голова, как еловая шишка.

— А у тебя голова, как ведро.

— А у тебя во рту зуба нет...

— А ты рыжий.

— А ты селёдка.

— А ты вуалехвост.

— А что это такое?

— Вуалехвост — и всё.

— А ты первердер...

— Это ещё что значит?

— Значит, что ты первердер.

— А ты дырбыртыр.

— А ты выртырвыр.

— А ты rrrrrrrr...

— А ты zzzzzzz...

— А ты... — сказал Юра и увидел рядом учителя.

— Хотел бы я знать, — спросил учитель, — кто же всё-таки вы такие?

ЯАНДРЕЕВ

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале — чуть что, сразу вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно — он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут! А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю — никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал.

Прихожу в класс, заявляю ребятам:

— Я теперь не Андреев. Я теперь Яандреев.

— Мы давно знаем, что ты Андреев.

— Да нет, — говорю, — не Андреев, а Яандреев, на «Я» начинается — Яандреев.

— Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

— У кого, — говорю, — не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

— Удивительно, — говорит Вовка, — почему ты вдруг Яндреевым стал!

— Ещё увидите, — говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

— У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале меня изменить? Чтобы я на «Я» начался.

— Что за фокусы? — говорит Александра Петровна.

— Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

— Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

ДРАГУНСКИЙ
Виктор Юзефович
1913—1972

АНГЛИЧАНИН ПАВЛЯ

— Завтра первое сентября, — сказала мама, — и вот наступила осень, и ты пойдёшь уже во второй класс. Ох, как летит время!

— И по этому случаю, — подхватил папа, — мы сейчас «зарежем» арбуз!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошёл Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас, и мы по нём соскучились.

— Ого, кто пришёл! — сказал папа. — Сам Павля. Сам Павля-Бородавля!

— Садись с нами, Павлик, арбуз есть, — сказала мама. — Дениска, подвинься.

Я сказал:

— Привет! — и дал ему место рядом с собой.

Он сказал:

— Привет! — и сел.

И мы начали есть, и долго ели, и молчали. Нам неохота было разговаривать. А о чём тут разговаривать, когда во рту такая вкуснотища!

И когда Павле давали третий кусок, он сказал:

— Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не даёт его вволю поесть.

— А почему? — спросила мама.

— Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

— Правда, — сказал папа. — Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается, и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

— Я не боюсь, — сказал Павля.

И мы все опять занялись делом, и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

— А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

— Да, — сказал я. — Где ты пропадал? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

— Что делал, что делал... Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что всё лето зря прочепушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он время не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования. Он изучал английский язык и теперь небось сможет переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки! Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут ещё мама добавила:

— Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

— Молодец, — сказал папа, — уважаю! Павля прямо засиял:

— К нам в гости приехал студент, Сева. Так вот он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

— А что, трудный английский язык? — спросил я.

— С ума сойти, — вздохнул Павля.

— Ещё бы не трудный, — вмешался папа. — Там у них сам чёрт ногу сломит. Уж очень сложное правописание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер.

— Ну да! — сказал я. — Верно, Павля?

— Прямо беда, — сказал Павля, — я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести грамм.

— Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? — сказала мама. — Ты почему, когда вошёл, не сказал нам по-английски «здрассте»?

— Я «здрассте» ещё не проходил, — сказал Павля.

— Ну вот ты арбуза поел, почему не сказал «спасибо»?

— Я сказал, — сказал Павля.

— Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

— Мы до «спасибо» ещё не дошли, — сказал Павля. — Очень трудное проповисание.

Тогда я сказал:

— Павля, а ты научи-ка меня, как по-английски «раз, два, три».

— Я этого ещё не изучил, — сказал Павля.

— Что же ты изучал? — закричал я. —

За два месяца ты всё-таки хоть что-нибудь-то изучил?

— Я изучил, как по-английски Петя, — сказал Павля.

— Ну как?

— Пит! — торжествующе объявил Павля. — По-английски «Петя» будет «Пит». — Он радостно засмеялся и добавил: — Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пит, а Пит, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймёт. Вот потеха-то будет. Верно, Денис?

— Верно, — сказал я. — Ну, а что ты ещё знаешь по-английски?

— Пока всё, — сказал Павля.

ДРУГ ДЕТСТВА

Когда мне было шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтобы не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие звёзды, а то я мечтал стать капи-

таном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или в начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше?

Тогда я, наверное, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я всё это посчитал, то решил от-

казаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную «грушу» — такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на всё это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться, — сказал я. — Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь, — сказал я. — Рублей десять или пятьдесят.

— Ты спятил, братец, — сказал папа. — Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минутку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлёпкой, обрывок паруса от лодки и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

— Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года ис-

полнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диван, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный — жёлтый стеклянный, а другой большой белый — из пуговицы от наволочки; я даже помнил, когда он появился. Но это было неважно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал

его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что, — сказала мама, она уже вернулась из коридора. — Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

ЗАКОЛДОВАННАЯ БУКВА

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нём лежала ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали ёлку выгружать. Они кричали друг на друга:

— Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Станови её на попá! Легче, а то весь шпиц обломаешь.

И когда выгрузили, шофёр сказал:

— Теперь надо эту ёлку заактировать, — и ушёл.

А мы остались возле ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку:

— Смотрите, а на ёлке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала. Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтобы меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

— Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

— Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застоялся:

— Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

— Ик! Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха. Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня уже началось воспаление мозга и я сошёл с ума. Я орал:

— Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать. А она — «сыски»...

У Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла на ухо.

— Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

— Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово — хыхх-ки! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зелёная,
Боюсь уколюся я.

Но Алёнка как закричит. Она громче нас двоих:

— Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

— Именно, что не надо сыски, а надо хыхки!

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» — «Хыхки!» — «Сыски!»

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шёл домой и всё время думал: чего они спорили, раз оба не правы. Ведь это очень простое слово. Я остановился на лестнице и внятно сказал:

— Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

— Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

— А это значит, что, если кто поступа-

ет нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесёт наказание, — сказала мама. — Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

— Ешь! — сказала мама. — Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

— Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

— Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

— Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

— Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

— Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни — ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал — ну невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть

хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверное, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

— Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! — И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

— Здравствуйте! — и подошёл к окну, и поглядел вниз. — А ещё интеллигентный человек.

— Что вам нужно? — спросила мама.

— Как не стыдно! — Милиционер даже стал по стойке «смирно». — Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость в окно!

— Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

— Ах, не выливаете?! — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: «Пострадавший!»

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он, как вошёл, сразу стал заикаться.

— Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю своё... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

— Извините, пожалуйста, — сказала она тихо, — разрешите я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

— Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

— Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

— Да.

ЕСЕНИН
Сергей Александрович
1895—1925

БЕРЁЗА

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

НОЧЬ

Тихо дремлет река.
Тёмный бор не шумит.
Соловей не поёт,
И дергач не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеёк лишь журчит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошённых степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе всё спит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

* * *

Поёт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

* * *

Заметает пурга
Белый путь.
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.

Забежала коляда¹
На село,
В руки белые взяла
Помело².

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперёд!

Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.

Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.

Утром ворон к берёзоньке
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.

¹ Коляда — Рождественский обряд, преимущ. на Украине, сопровождающийся песнями и обходом соседей (теперь исчезнувший).

² Помело — метла.

ЖИТКОВ

Борис Степанович

1882—1938

КАК СЛОН СПАС ХОЗЯИНА ОТ ТИГРА

У индусов есть ручные слоны. Один индус пошёл со слоном в лес по дрова.

Лес был глухой и дикий. Слон протаптывал хозяину дорогу и помогал валить деревья, а хозяин грузил их на слона.

Вдруг слон перестал слушаться хозяина, стал оглядываться, трясти ушами, а потом поднял хобот и заревел. Хозяин тоже оглянулся, но ничего не заметил. Он стал сердиться на слона и бить его по ушам веткой. А слон загнул хобот крючком, чтоб поднять хозяина на спину. Хозяин подумал: «Сяду ему на шею — так мне ещё удобней будет им править».

Он уселся на слона и стал веткой хлестать слона по ушам. А слон пятился, топтался и вертел хоботом. Потом замер и насторожился.

Хозяин поднял ветку, чтобы изо всей

силы ударить слона, но вдруг из кустов выскочил огромный тигр. Он хотел напасть на слона сзади и вскочить на спину.

Но он попал лапами на дрова, дрова посыпались. Тигр хотел прыгнуть другой раз, но слон уже повернулся, схватил хоботом тигра поперёк живота, сдавил, как толстым канатом. Тигр раскрыл рот, высунул язык и мотал лапами. А слон уж поднял его вверх, потом ударил оземь и стал топтать ногами.

А ноги у слона — как столбы. И слон растоптал тигра в лепёшку. Когда хозяин опомнился от страха, он сказал:

— Какой я глупый, что бил слона! А он мне жизнь спас.

Хозяин достал из сумки хлеб, что приготовил для себя, и весь отдал слону.

ХРАБРЫЙ УТЁНОК

Каждое утро выносила хозяйка полную тарелку рубленых яиц. Она ставила тарелку возле куста, а сама уходила.

Как только утята подбегали к тарелке, из сада вылетала большая стрекоза и начинала кружиться над ними.

Она так страшно стрекотала, что перепуганные утята убежали и прятались в

траве. Они боялись, что стрекоза их всех перекушает.

А злая стрекоза садилась на тарелку, пробовала еду и потом улетала.

После этого утята уже целый день не подходили к тарелке. Они боялись, что стрекоза прилетит опять.

Вечером хозяйка убирала тарелку и говорила: «Должно быть, наши утята заболели, что-то они ничего не едят».

Она и не знала, что утята каждый вечер голодные ложились спать.

Однажды к утятам пришёл в гости их сосед, маленький утёнок Алёша.

Когда утята рассказали ему про стрекозу, он стал смеяться.

— Ну и храбрецы! — сказал он. — Я один прогоню эту стрекозу. Вот вы увидите завтра.

— Ты хвастаешь, — сказали утята. — Завтра ты первый испугаешься и побежишь.

На другое утро хозяйка, как всегда, поставила на землю тарелку с рублеными яйцами и ушла.

— Ну, смотрите, — сказал смелый Алёша, — сейчас я буду драться с вашей стрекозой.

Только он это сказал, как вдруг зажужжала стрекоза.

Прямо сверху она полетела на тарелку. Утята хотели бежать, но Алёша не испугался.

Не успела стрекоза сесть на тарелку, как Алёша схватил её клювом за крыло. Насилу она вырвалась и с поломанным крылом улетела.

С тех пор она никогда не прилетала в сад, и утята каждый день наедались досыта. Они не только ели сами, но и угощали храброго Алёшу за то, что он спас их от стрекозы.

ЗОЩЕНКО

Михаил Михайлович

1894—1958

ЁЛКА

В этом году мне исполнилось, ребята, сорок лет. Значит, выходит, что я сорок раз видел новогоднюю ёлку. Это много!

Ну, первые три года жизни я, наверное, не понимал, что такое ёлка. Наверное, мама выносила меня на ручках. И, наверное, я своими чёрными глазёнками без интереса смотрел на разукрашенное дерево.

А когда мне, дети, ударило пять лет, то я уже отлично понимал, что такое ёлка.

Я с нетерпением ожидал этого весёлого праздника. И даже в щёлочку двери подглядывал, как моя мама украшает ёлку.

А моей сестрёнке Лёле было в то время семь лет. И она была исключительно бойкая девочка.

Она мне однажды сказала:

— Минька, мама ушла на кухню. Да-

вай пойдём в комнату, где стоит ёлка, и поглядим, что там делается.

Вот мы с сестрёнкой Лёлей вошли в комнату. И видим: очень красивая ёлка. А под ёлкой лежат подарки. А на ёлке разноцветные бусы, флаги, фонарики, золотые орехи, пастилки и крымские яблочки.

Моя сестрёлка Лёля говорит:

— Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедим по одной пастилке.

И вот она подходит к ёлке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке.

Я говорю:

— Лёля, если ты съела пастилку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к ёлке и откусываю маленький кусочек яблока.

Лёля говорит:

— Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе ещё эту конфету.

А Лёля была очень такая высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку.

А я был удивительно маленького роста.

И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко.

Я говорю:

— Если ты, Лёлица, съела вторую пастилку, то я ещё раз откушу это яблоко.

И я снова беру руками это яблоко и снова его немножко откусываю.

Лёля говорит:

— Если ты второй раз откусил яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопущку и орех.

Тогда я чуть не заревел. Потому что она могла до всего дотянуться, а я нет.

Я ей говорю:

— А я, Лёлица, как подставляю к ёлке стул и как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока.

И вот я стал своими худенькими ручонками тянуть к ёлке стул. Но стул упал на меня. Я хотел поднять стул. Но он снова упал. И прямо на подарки.

Лёля говорит:

— Вот теперь, Минька, я не ручаюсь, что мама тебя не выдерет.

Я хотел зареветь, но в этот момент пришли гости. Много детей с их родителями.

И тогда наша мама зажгла все свечи на ёлке, открыла дверь и сказала:

— Все входите.

И все дети вошли в комнату, где стояла ёлка.

А наша мама говорит:

— Теперь пусть каждый ребёнок подходит ко мне, и я каждому буду давать игрушку и угощение.

И вот дети стали подходить к нашей маме. И она каждому дарила игрушку. Потом снимала с ёлки яблоко, пастилку и конфету и тоже дарила ребёнку.

И все дети были очень рады. Потом мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

— Лёля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил это яблоко?

Лёля сказала:

— Это Минькина работа.

Я дёрнул Лёлю за косичку и сказал:

— Это меня Лёлька научила.

Мама говорит:

— Лёлю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому я хотела дать откусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырёхлетнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и

ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на руки и сказала:

— С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

— Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

— Наверное, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

— Не смейте так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим золотушным ребёнком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

— Я так и сделаю. С вами водиться, что в крапиву садиться.

И тогда ещё одна, третья мама сказала:

— И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы ей дарили куклу с обломанной рукой.

И моя сестрёнка Лёля закричала:

— Можете тоже уходить со своим золотушным ребёнком. И тогда кукла со сломанной ручкой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

— Вообще можете все уходить, и тогда все игрушки нам останутся.

И тогда все гости стали уходить.

И наша мама удивилась, что мы остались одни.

Но вдруг в комнату вошёл папа.

Он сказал:

— Такое воспитание губит моих детей. Я не хочу, чтобы они дрались, ссорились и выгоняли гостей. Им будет трудно жить на свете, и они умрут в одиночестве.

И папа подошёл к ёлке и потушил все свечи. И сказал:

— Моментально ложитесь спать. А завтра все игрушки я отдам гостям.

И вот, ребята, прошло с тех пор тридцать пять лет, а я до сих пор хорошо помню эту ёлку.

И за все эти тридцать пять лет я, дети, ни разу больше не съел чужого яблока и ни разу не ударил того, кто слабее меня. И теперь доктора говорят, что я поэтому такой сравнительно весёлый и добродушный.

КОРИНЕЦ
Юрий Иосифович
1923—1989

ЛАПКИ

Как у старой бабки
Жили-были лапки.

Встанет бабка утром рано,
Выйдет в погреб за сметаной -
Лапки вслед за ней бегут.
Всюду бабку стерегут.

Сядет бабушка вязать —
Лапки рядом с ней опять:

Схватят бабушкин клубок
И закатят в уголок...
Надоели бабке
Озорные лапки!

Видит бабка — у ворот
Умывают лапки рот.

Стала бабка ждать гостей,
Суп сварила из костей.

Ждёт гостей, а их всё нет,
Стынет бабушкин обед.
Глядь, а лапки из кастрюли
Кость большую утянули.

Вот тебе и лапки!
Нет покоя бабке.

Отчего ж тогда стара
Их не гонит со двора?

Оттого, что ночью лапки
Верно служат старой бабке.
Если лапки ночью вскочат,
Когти острые поточат,

По полу пройдутся —
Все мыши разбегутся!

Нет мышей у бабки.
Вот такие лапки!

КАК Я ИСКАЛ СВОЙ ДЕНЬ

Однажды летом —
Чур меня! —
Проснулся я
Средь бела дня.

В уме был вроде здоровом,
А левый взял башмак —
Башмак стал сразу правым!
Нет, что-то здесь не так...

Тогда за самоваром
Пошёл я босиком —
Себя за самоваром
Побаловать чайком.

А самовар мне в брюхо
Швыряет горсть углей,
Да как мне рявкнет в ухо:
— В себя воды налей!

И сразу же из дыма
Вверх поползла труба.
Я на пол сел...
Глядь, мимо
Бежит моя изба.

А за избою следом
Бежали свет, и тень,
И завтрак за обедом...
И так удрал весь день.

Остался я во мраке
Один среди двора.
Как вдруг из-под собаки
Полезла конура.

Я сам бежать пустился —
На запад,
На восток...
Но как я ни крутился,
Я дня найти не смог.
Тогда, дождавшись утра,
Я с правой встал ноги.

И сразу очень мудро
Обул я башмаки.

Потом кровать заправил.
Набрал в печи углей.
И самовар поставил,
И стало веселей!

Я чай пил.
Ел варенье.
А дым шёл из трубы.
В хорошем настроенье
Я вышел из избы.

Вставало солнце. Лужи
Сияли во дворе.
И было всё снаружи.
А пёс мой — в конуре.

Он тьякнул голосисто.
И, взяв с собою пса,
Я по тропе росистой
Отправился в леса.

Вернулись мы к обеду.
Я много каши съел.
Потом зашёл к соседу:
Потом работать сел.

Писал до поздней ночи —
Куда девалась лень!
Я много, между прочим,
Успел за этот день.

Отныне я с зарёю встаю —
И только так!
И правою ногою
Влезаю в свой башмак!

ТАИНСТВЕННЫЙ ДОМ

Этим летом в лесу над прудом
Я набрёл на таинственный дом.

Дом глядел на дорогу с пригорка.
А жила в этом доме семья:
Дед, да бабка, да внук их Егорка,
Да неделю гостил у них я.

В доме странные вещи случались,
Хоть волшебники нам
не встречались.

Правда в подполе мышка жила —
Не она ли колдуньей была?
Да жила ещё кошка Ерошка —
Не она ль колдовала немножко?

Да за печкой сверчок проживал —
Может быть, это он колдовал?

Да корова... Но честное слово —
Не была же колдуньей корова!

А случались там странные вещи:
Оживали железные вещи,

И железные, и деревянные...
Прямо скажем, что случаи странные!

Как-то бабушка вышла с утра
(В поле выгнать корову пора),
А уж двери в сарае не спят,
Так и ходят на петлях, скрипят,
И корова ушла за ворота...
Не иначе хозяйничал кто-то.

Заявляет спросонья Егор:
— Я сарай закрывал на запор.

Дед ответил:
— Молчи, лежебока!
Поздно вечером спал ты глубоко.
Выходил я последним на двор,
Я сарай закрывал на запор.

— Я вставала, сарай запирала! —
Бабка деду сердито сказала.

Не хотелось вступать в этот спор,
Я сарай закрывал на запор:
Было поздно, храпели все в доме,
И корова спала на соломе...

А один раз — вот случай чудной! —
Убежал грузовик заводной.

Обыскали мы вместе с Егором
Дом,
И сад,
И овраг под забором.

Мы искали машину
В кадушке,
В чемодане,
В ботинке,
В подушке,
В огороде,
В лесу,
На крылечке,
А нашли за поленом
На печке!

Не иначе её в уголок
Сам усатый сверчок уволок,
До рассвета на ней прокатался
И, конечно, доволен остался.

Ну, а как вам такое понравится?
На рыбалку решил я отправиться.
Вышел в сени забрать свои удочки —
Нету удочек! Где мои удочки?

— В этом странного нету ничутьючки,
Это кошка припрятала удочки:
Просто ей захотелось рыбки, —
Объяснил мне Егор без улыбки.

Да, случались печальные вещи...
А бывали дела и похлеще!

Был у деда в сарае верстак —
Дед был в плотницком деле мастак:
Мастерил он с утра для колхоза
Лодки, лавки, кадушки, колёса.

Как-то вечером — век не забуду! —
Дед спустился тропинкою к пруду,
Встал на кочку, глаза протирает:
По воде матерьял удирает —
Доски дедовы под парусами
Отплывают от берега сами!

А один раз —
Представьте себе! —
Я нашёл свою шляпу
В трубе!

А один раз у нас
Коромысло
За окном на берёзе
Повисло —
В этом вовсе уж не было смысла!

Рядом с нами
Стояли дома,
И вещей в них
Такая же тьма.
Рядом с нами
В одной деревушке
Жили точно такие
Старушки,
И такие же старички,
И такие же точно
Сверчки,
И такие же
Кошки,
И мышки,

И такие же точно
Мальчишки,
И такие же точно
Коровы,
И такие же гости,
Как я.

Но у них не случилось
Такого,
Не бывало такого,
Друзья!

ЛУНИН
Виктор Владимирович
р. 1945

* * *

Я однажды видел сам:
Як летал по небесам,
Ястреб плавал в океане,
Ягуар бежал от лани,
Ясень по полю ходил,
Язь в лесу грибы удил...
Я не вру, поверьте мне.
Я видал это во сне.

* * *

Знать бы,
Зачем
Залилась спозаранку
В замерших зарослях
Крошка-зарянка?

Знать бы,
Зачем,
Заглядевшись в зенит,
Звонко и весело
Зяблик
Звенит?

Знать бы,
Зачем
Зашуршала
Змея?
Знать бы,
Зачем
Зеленеет
Земля?
Знать бы...

* * *

Лисицы лают. Глухомань.
Лежит в листве под липой лань.

Линь в глубине холодных вод
Лениво, но легко плывёт.

Лопочет ласково волна,
Лучится золотом луна.

Летит усталая пчела,
Легла на лес ночная мгла.

МАЯКОВСКИЙ
Владимир Владимирович
(1893—1930)

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО
И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

Крошка сын
 к отцу пришел,
и спросила кроха:
— Что такое
 хорошо
и что такое
 плохо? —

У меня
 секретов нет, —
слушайте, детишки, —
папы этого ответ
помещаю
 в книжке.

— Если ветер
 крыши рвет,
если
 град загрохал, —
каждый знает — это вот
для прогулок
 плохо.

Дождь покапал
и прошел.

Солнце
в целом свете.
Это — очень хорошо
и большим
и детям.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожнице, —
ясно, это
плохо очень
для ребячьей кожицы.

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьет
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже вставить в книжку
Этот вот кричит:
— Не трожь

тех, кто меньше ростом! -

Этот мальчик

так хорош,
загляденье просто!

Если ты

порвал подряд
книжицу и мячик,
октябрюта говорят:
плоховатый мальчик.

Если мальчик

любит труд,
тычет

в книжку
пальчик,
про такого пишут тут:
он
хороший мальчик.

От вороны карапуз
убежал, заохав.

Мальчик этот
просто трус.

Это
очень плохо.

Этот,
хоть и сам с вершок,
спорит
с грозной птицей.

Храбрый мальчик,
хорошо,

В жизни
пригодится.

Этот
в грязь полез и рад,
что грязна рубаха.

Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.

Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.

Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.

Помни
это
каждый сын.

Знай
любой ребенок:
вырастет
из сына
свин,

если сын —
свиненок,

Мальчик
радостный пошел,
и решила кроха:

«Буду
 делать *хорошо*,
и не буду —
 плохо».

ЭТА КНИЖЕЧКА МОЯ ПРО МОРЯ И ПРО МАЯК

Разрезая носом воды,
ходят в море пароходы.
Дуют ветры яростные,
гонят лодки парусные.
Вечером,
 а также к ночи,
плавать в море трудно очень.
Все покрыто скалами,
скалами немалыми.
Ближе к суше
 еле-еле
даже
 днем обходят мели.
Капитан берет бинокль,
но бинокль помочь не мог.
Капитану так обидно —
даже берега не видно.
Закружит волна кружение,
вот
 и кораблекрушение.
Вдруг —
 обрадован моряк:
загорается маяк.

В самой темени как раз
показался красный глаз.
Поморгал —

и снова нет,
и опять зажегся свет.

Здесь, мол, тихо —

все суда
заплывайте вот сюда.

Бьется в стены шторм и вой.

Лестницею винтовой
каждый вечер,

ближе к ночи,
на маяк идет рабочий.

Наверху фонарище —
яркий,

как пожарище.

Виден он

во все моря,
нету ярче фонаря.

Чтобы всем заметиться,
он еще и вертится.

Труд большой рабочему —
простоять всю ночь ему.

Чтобы пламя не погасло,
подливает в лампу масло.

И чистит

исключительное
стекло увеличительное.

Всем показывает свет —
здесь опасно или нет.

Пароходы,
 корабли —
запыхтели,
 загребли.

Волны,
 как теперь ни ухайте,-
все, кто плавал,-
 в тихой бухте.

Нет ни волн,
 ни вод,
 ни грома,
детям сухо,
 дети дома.

Кличет книжечка моя:
— Дети,
 будьте как маяк!

Всем,
 кто ночью плыть не могут,
освещай огнем дорогу,
Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова
и рисуночков наброски
сделал

 дядя
 Маяковский.

МОШКОВСКАЯ
Эмма Эфраимовна
1926—1981

РЕШИТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Я — в горе и в отчаянье.
Никак мне не понять:
ДАЮ я обещание,
И мне же ВЫПОЛНЯТЬ?!
— Но это очень трудно, —
шепчу я очень грустно. —
Но это очень много! —
кричу я очень строго. —
И где же
разделение
труда?
Да?!
Такое
положение
хочу я поменять.
Решаю я
решение
решительно
принять.
Я говорю:

— Внимание!
Прошу меня понять:
ДАЮ я обещание.
ИЗВОЛЬТЕ ВЫПОЛНЯТЬ!..

СКАЗКА ПРО ТВЁРДЫЙ И МЯГКИЙ ЗНАКИ

Однажды по дороге твёрдой походкой шёл Твёрдый Знак.

— Не сочините ли вы для меня какую-нибудь сказку? — остановил его Вопросительный Знак. — Я подарю её Воскликательному Знаку. Сегодня у него день рождения.

— Нет! — твёрдо ответил Твёрдый Знак.

— Неужели не сочините? — опечалился Вопросительный Знак.

— Нет и только нет! — сказал Твёрдый Знак ещё твёрже.

— Но почему? — удивился Вопросительный Знак.

— Не хочу! Не буду! Не желаю! — Твёрдый Знак стоял на своём очень твёрдо.

Вопросительный Знак вопросительно посмотрел на дорогу. По дороге в мягких тапочках шёл Мягкий Знак.

— Не сочините ли вы для меня какую-

нибудь сказку? — обратился к нему Вопросительный Знак.

— Мне, честно говоря, не хочется, — мягко сказал Мягкий Знак. — Но я попытаюсь... так и быть.

И вот вечером Вопросительный Знак прибежал к Мягкому Знаку за сказкой.

— Жаль... мне очень жаль, — промямлил Мягкий Знак, — но, право, я не умею сочинять сказки.

И он заплакал.

— Но почему же вы сразу не сказали? — рассердился Вопросительный Знак.

— Вы были так любезны, — прошептал Мягкий Знак, — и я не смог вам отказать. Я не умею отказывать.

И он заплакал ещё сильнее.

Вопросительный Знак расстроился:

— Извините, но я не могу вас утешить. Я опаздываю. На день рождения.

Он бежал по дороге и думал: «Что же я скажу, если Восклицательный Знак спросит, где подарок???»

Но Восклицательный Знак ничего не спросил. Он воскликнул:

— Ура! Наконец-то! Пришёл мой друг — Вопросительный Знак! Как я рад!!!

* * *

Не надо больше ссориться!
А то и мяч не ловится,
И книжка не читается,
И дождик начинается.

* * *

Можно всему-всему научиться.
И научиться,
как не учиться.
Но надо учиться.
Как надо учиться!
А то неизвестно, что может
случиться!

ОСЕЕВА
Валентина Александровна
1902—1969

ВСЁ ВМЕСТЕ

В первом классе Наташе сразу понравилась девочка с весёлыми голубыми глазками.

— Давай будем дружить, — сказала Наташа.

— Давай! — кивнула головой девочка. — Будем вместе баловаться!

Наташа удивилась:

— Разве если дружить, так надо вместе баловаться?

— Конечно. Те, которые дружат, всегда вместе балуются, им вместе и попадает за это! — засмеялась Оля.

— Хорошо, — нерешительно сказала Наташа и вдруг улыбнулась: — А потом их вместе и хвалят за что-нибудь, да?

— Ну, это редко! — сморщила носик Оля. — Это смотря какую подружку себе найдёшь!

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь, — сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покопился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу. — Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!

— Не даёт? Ну, из-за этого убежать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул

Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую, — усмехнулся Павлик, — я сейчас же попробую. — Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она

сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик. — Разве такая поймёт волшебное слово!..»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Ка-кую тебе?

— Мне синюю, — робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки.

Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась. Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щёки.

«Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его, — вдруг сказала сестра. — Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улыбнулась бабушка. — Конечно, возьми.

— Пожалуйста, — повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

НА КАТКЕ

День был солнечный. Лёд блестел.

Народу на катке было мало. Маленькая девочка, смешно растопырив руки, ездил от скамейки к скамейке. Два школьника подвязывали коньки и смотрели на Витю. Витя выделывал разные фокусы — то ехал на одной ноге, то кружился волчком.

— Молодец! — крикнул ему один из мальчиков.

Витя стрелой пронёсся по кругу, лихо завернул и наскочил на девочку. Девочка упала. Витя испугался.

— Я нечаянно... — сказал он, отряхивая с её шубки снег. — Ушиблась?

Девочка улыбнулась:

— Коленку...

Сзади раздался смех.

«Надо мной смеются!» — подумал Витя и с досадой отвернулся от девочки.

— Эка невидаль — коленка! Вот плак-

са! — крикнул он, проезжая мимо школьников.

— Иди к нам! — позвали они.

Витя подошёл к ним. Взявшись за руки, все трое весело заскользили по льду. А девочка сидела на скамейке, тёрла ушибленную коленку и плакала.

ПОЧЕМУ?

Мы были одни в столовой — я и Бум. Я болтал под столом ногами, а Бум легонько покусывал меня за голые пятки. Мне было щекотно и весело. Над столом висела большая папина карточка, — мы с мамой только недавно отдавали её увеличивать. На этой карточке у папы было такое весёлое доброе лицо. Но когда, балуясь с Бумом, я, держась за край стола, стал раскачиваться на стуле, мне показалось, что папа качает головой...

— Смотри, Бум... — шёпотом сказал я и, сильно качнувшись, схватился за край скатерти.

Стол выскользнул из моих рук. Послышался звон...

Сердце у меня замерло. Я тихонько сполз со стула и опустил глаза. На полу валялись розовые черепки, золотой ободок блестел на солнце. Бум вылез из-под

стола, осторожно обнюхал черепки и сел, склонив набок голову и подняв вверх одно ухо.

Из кухни слышались быстрые шаги.

— Что это? Кто это? — Мама опустилась на колени и закрыла лицо руками. — Папина чашка... папина чашка... — горько повторяла она. Потом подняла глаза и с упрёком спросила: — Это ты?

Бледно-розовые черепки блестели на её ладони. Колени у меня дрожали, язык заплетался:

— Это... это... Бум!

— Бум? — Мама поднялась с колен и медленно переспросила: — Это Бум?

Я кивнул головой. Бум, услышав своё имя, задвигал ушами и завилял хвостом. Мама смотрела то на меня, то на него.

— Как же он разбил?

Уши мои горели. Я развёл руками:

— Он немножечко подпрыгнул... и лапами...

Лицо у мамы потемнело. Она взяла Бума за ошейник и пошла с ним к двери. Я с испугом смотрел ей вслед. Бум с лаем выскочил во двор.

— Он будет жить в будке, — сказала мама и, присев к столу, о чём-то задумалась. Её пальцы медленно сгребали в куч-

ку крошки хлеба, раскатывали их шариками, а глаза смотрели куда-то поверх стола в одну точку.

Я стоял, не смея подойти к ней. Бум заскрёбся у двери.

— Не пускай! — быстро сказала мама и, взяв меня за руку, притянула к себе. Прижавшись губами к моему лбу, она всё так же о чём-то думала, потом тихо спросила: — Ты очень испугался?

Конечно, я очень испугался: ведь с тех пор, как папа умер, мы с мамой так берегли каждую его вещь. Из этой чашки папа всегда пил чай...

— Ты очень испугался? — повторила мама.

Я кивнул головой и крепко обнял её за шею.

— Если ты... нечаянно, — медленно начала она.

Но я перебил её, торопясь и заикаясь:

— Это не я... Это Бум... Он подпрыгнул... Он немножечко подпрыгнул... Прости его!

Лицо у мамы стало розовым, даже шея и уши её порозовели. Она встала:

— Бум не придёт больше в комнату, он будет жить в будке.

Я молчал. Над столом из фотографической карточки смотрел на меня папа...

Бум лежал на крыльце, положив на лапы умную морду, глаза его не отрываясь смотрели на запертую дверь, уши ловили каждый звук, долетающий из дома. На голоса он откликался тихим визгом, стучал по крыльцу хвостом... Потом снова клал голову на лапы и шумно вздыхал.

Время шло, и с каждым часом на сердце у меня становилось всё тяжелее. Я боялся, что скоро стемнеет, в доме погасят огни, закроют все двери, и Бум останется один на всю ночь... Ему будет холодно и страшно. Мурашки пробежали у меня по спине. Если б чашка не была папиной... и если б сам папа был жив... Ничего бы не случилось... Мама никогда не наказывала меня за что-нибудь нечаянное... И я боялся не наказания — я с радостью перенёс бы самое худшее наказание. Но мама так берегла всё папино! И потом, я не сознался сразу, я обманул её, и теперь с каждым часом моя вина становилась всё больше...

Я вышел на крыльцо и сел рядом с Бумом. Прижавшись головой к его мягкой шерсти, я случайно поднял глаза и увидел маму. Она стояла у раскрытого окна и смотрела на нас. Тогда, боясь, чтобы она не прочитала на моём лице все мои мыс-

ли, я погрозил Буму пальцем и громко сказал:

— Не надо было разбивать чашку.

После ужина небо вдруг потемнело, откуда-то выплыли тучи и остановились над нашим домом.

Мама сказала:

— Будет дождь.

Я попросил:

— Пусти Бума...

— Нет.

— Хоть в кухню... мамочка!

Она покачала головой. Я замолчал, стараясь скрыть слёзы и перебирая под столом бахрому скатерти.

— Иди спать, — со вздохом сказала мама.

Я разделся и лёг, уткнувшись головой в подушку. Мама вышла. Через приоткрытую дверь из её комнаты проникла ко мне жёлтая полоска света. За окном было черно. Ветер качал деревья. Всё самое страшное, тоскливое и пугающее собралось для меня за этим ночным окном. И в этой тьме сквозь шум ветра я различал голос Бума. Один раз, подбежав к моему окну, он отрывисто залаял. Я приподнялся на локте и слушал. Бум... Бум... Ведь он тоже папин. Вместе с ним мы в последний раз провожали папу на корабль.

И когда папа уехал, Бум не хотел ничего есть и мама со слезами уговаривала его. Она обещала ему, что папа вернётся. Но папа не вернулся...

То ближе, то дальше слышался расстроенный лай. Бум бегал от двери к окнам, он звал, просил, скрёбся лапами и жалобно взвизгивал. Из-под маминой двери всё ещё просачивалась узенькая полоска света. Я кусал ногти, утыкался лицом в подушку и не мог ни на что решиться. И вдруг в моё окно с силой ударил ветер, крупные капли дождя забарабанили по стеклу. Я вскочил. Босиком, в одной рубашке я бросился к двери и широко распахнул её:

— Мама!

Она спала, сидя за столом и положив голову на согнутый локоть. Обеими руками я приподнял её лицо, смятый платочек лежал под её щекой.

— Мама!

Она открыла глаза, обняла меня тёплыми руками. Тоскливый собачий лай донёсся до нас сквозь шум дождя.

— Мама! Мама! Это я разбил чашку. Это я, я! Пусти Бума...

Лицо её дрогнуло, она схватила меня за руку, и мы побежали к двери. В темноте я натыкался на стулья и громко всхлипы-

вал. Бум холодным шершавым языком осушил мои слёзы, от него пахло дождём и мокрой шерстью. Мы с мамой вытирали его сухим полотенцем, а он поднимал вверх все четыре лапы и в буйном восторге катался по полу. Потом он затих, улёгся на своё место и не мигая смотрел на нас. Он думал: «Почему меня выгнали во двор, почему впустили и обласкали сейчас?»

Мама долго не спала. Она тоже думала: «Почему мой сын не сказал мне правду сразу, а разбудил меня ночью?»

И я тоже думал, лёжа в своей кровати: «Почему мама нисколько не бранила меня, почему она даже обрадовалась, что чашку разбил я, а не Бум?»

В эту ночь мы долго не спали и у каждого из нас троих было своё «почему».

СИНИЕ ЛИСТЬЯ

У Кати было два зелёных карандаша. А у Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

— Дай мне зелёный карандаш.

А Катя и говорит:

— Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

— Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

— Мама-то позволила, а брата я не спросила.

— Ну что ж, спроси ещё у брата, — говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

— Ну что, позволил брат? — спрашивает Лена.

— Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

— Я осторожненько, — говорит Лена.

— Смотри, — говорит Катя, — не чини, не нажимай крепко, в рот не бери. Да не рисуй много.

— Мне, — говорит Лена, — только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

— Это много, — говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней:

— Ну, что ж ты? Бери!

— Не надо, — отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

— Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

— Карандаша зелёного нет.

— А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела как рак и говорит:

— Я ей давала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

— Надо так давать, чтобы можно было взять.

СЫНОВЬЯ

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

— Мой сынок ловок да силен, никто с ним не сладит.

— А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, — говорит другая.

А третья молчит.

— Что же ты про своего сына не скажешь? — спрашивают её соседки.

— Что ж сказать? — говорит женщина. — Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок — за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит — любуются им женщины.

Другой песню поёт, соловьем заливаётся — заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

— Ну что? Каковы наши сыновья?

— А где же они? — отвечает старик. — Я только одного сына вижу!

ХОРОШЕЕ

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Денёк хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает:

«Что, если б моя сестрёнка тонула, а я бы её спас!»

А сестрёнка тут как тут:

— Погуляй со мной, Юра!

— Уходи, не мешай думать!

Обиделась сестрёнка, отошла. А Юра думает:

«Вот если б на няню волки напали, а я бы их застрелил!»

А няня тут как тут:

— Убери посуду, Юрочка.

— Убери сама — некогда мне!

Покачала головой няня. А Юра опять думает:

«Вот если б Трезорка в колодец упал, а я бы его вытащил!»

А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет: «Дай мне попить, Юра!»

— Пошёл вон! Не мешай думать!

Закрыл Трезорка пасть, полез в кусты. А Юра к маме пошёл:

— Что бы мне такое хорошее сделать?

Погладила мама Юру по голове:

— Погуляй с сестрёнкой, помоги няне посуду убрать, дай водички Трезору.

ПАНТЕЛЕЕВ Леонид

1908—1987

КАРУСЕЛИ

Один раз мы с Машей сидели у меня в комнате и занимались каждый своим делом. Она готовила уроки, а я писал рассказ. И вот написал я две или три странички, устал немножко, потянулся и несколько раз зевнул. И Маша мне сказала:

— Ой, папа! Ты же не так делаешь!..

Я, конечно, удивился:

— То есть что я не так делаю? Зеваю не так?

— Нет, зеваешь ты правильно, а вот потягиваешься не так.

— Как это не так?

— Да. Вот именно, не так.

И она мне показала. Это, наверно, вы все знаете. Это все школьники и дошколята знают. Во время занятий воспитательница объявляет маленькую передышку, ребята встают и хором читают такие стихи:

Ветер дует нам в лицо.
Закачалось деревцо.

— Ветер, тише, тише, тише!
Деревцо растёт всё вы-ы-ше!

И при этом все руками показывают, как ветер дует в лицо, как дерево качается и как оно потом растёт всё выше и выше, до самого неба.

Мне это, сказать по правде, понравилось. И с тех пор всякий раз, когда нам с Машей приходилось работать вместе, мы каждые полчаса проделывали с ней это упражнение — качались, вытягивались и дули себе в лицо. Но потом нам надоело играть в одно и то же. И мы придумали немножко похожую, но другую игру. Попробуйте, может быть, кое-кому из вас тоже понравится?

Станьте лицом к своему соседу. Хлопайте один другого крест-накрест ладонь в ладонь. И громко вместе читайте:

Карусели, карусели!
Мы с тобою в лодку сели
И по-е-ха-ли!..

А когда поехали, показывайте, как это было, — работайте вёслами.

А дальше вот так:

Карусели, карусели!
Мы с тобой на лошадь сели
И по-е-ха-ли!..

Теперь скачите верхом. Гоп! Гоп! Под-
стёгивайте лошадку, только не сильно, не
больно.

Если не устали — поехали дальше:

Карусели, карусели!
Мы с тобой в машину сели
И по-е-ха-ли!..

Крутите баранку. Здорово несётся на-
ша «Волга». Можно даже, пожалуй, би-
бикнуть:

Би-би-и-и-и!
Би-и-и-и!

А карусель наша всё крутится и вер-
тится, всё шибче и шибче. Куда же ещё?
Ага! Придумали!

Карусели, карусели!
В самолёт
С тобой мы сели
И по-е-ха-ли!

Руки в стороны! Самолёт готов. Полете-
ли!.. ура-а!.. Самолёт хорошо, а ракета
лучше. А ну:

Карусели, карусели!
Мы с тобой в ракету сели
И по-е-ха-ли!!!

Руки над головой. Кончики пальцев соедините вместе. Присели! К запуску приготовиться! Зззиг! Полетели! Только не пробейте потолок, а то и в самом деле в космос улетите.

А если останетесь на Земле, тогда можете и на санках покататься, и на самокате, и ещё на чём-нибудь... Это уж вы сами придумайте!

АУ

Старшая сестра учила младшую читать. Оленька выучила все буквы, а читать не может, не получается. Никак не складываются буквы вместе.

В книге написано: «АУ».

— Что тут написано, Оленька?

— Не знаю.

— Это какая буква?

— А.

— Молодец! А эта?

— У.

— А вместе?

— Не знаю.

— Ну, как же не знаешь?! Это А, а это У. А если их сложить, что получится?

— Не знаю.

— А ты подумай.

— Я думаю.

— Ну и что?

— Не знаю.

— Ну вот что, — сказала старшая сестра. — Представь, что ты заблудилась в лесу. Как ты тогда станешь кричать?

Оленька подумала и говорит:

— Если я в лесу заблужусь, я буду кричать: «Мама!»

ПАУСТОВСКИЙ

Константин Георгиевич

1892—1968

КОТ-ВОРЮГА

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста.

Это был кот, потерявший всякую совесть, кот — бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал всё: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей.

Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля всё равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота.

Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались. И, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронёсся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан с окунями.

Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нём было десять жирных окуней, пойманных на Прорве.

Это было уже не воровство, а грабёж среди бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на берёзу.

Мы начали трясти берёзу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл.

Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с берёзы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу.

Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нём только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озёр. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях.

Чтобы пройти к берегу озёр, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи жёлтой цветочной пылью.

Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожжённые солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходках рыжего кота.

Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления.

Прошёл час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Лёнька, сын деревенского сапожника. Лёнька славился бес-

страшием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота.

Лёнька взял шёлковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днём плотицу и закинул её через лаз в подполье.

Вой прекратился. Мы слышали хруст и хищное щёлканье — кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мёртвой хваткой. Лёнька потащил за леску. Кот отчаянно упирался, но Лёнька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпустить вкусную рыбу.

Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза.

Лёнька схватил кота за шиворот и поднял над землёй. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

— Что же нам с ним делать?

— Выдрать! — сказал я.

— Не поможет, — сказал Лёнька. —

У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза.

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану.

Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звёзды зелёными нахальными глазами.

После умывания он долго фыркал и тёрся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрёт себе шерсть на затылке.

Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать.

На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок.

Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склёвывать из тарелок гречневую кашу.

Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол.

Куры взлетели с отчаянным воплем.

Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный Горлачом.

Кот нёсся за ними на трёх лапах, а четвёртой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу.

После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошёл.

С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотнёй прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он тёрся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти.

Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

ПЕРМЯК

Евгений Андреевич

1902—1982

ДЛЯ ЧЕГО РУКИ НУЖНЫ

Петя с дедушкой большими друзьями были. Обо всём разговаривали.

Спросил как-то дедушка внука:

— А для чего, Петенька, людям руки нужны?

— Чтобы в мячик играть, — ответил Петя.

— А ещё для чего? — спросил дед.

— Чтобы ложку держать.

— А ещё?

— Чтобы кошку гладить.

— А ещё?

— Чтобы камешки в речку бросать.

Весь вечер отвечал Петя дедушке. Правильно отвечал. Только по своим рукам обо всех других судил, а не по трудовым, рабочим рукам, которыми вся жизнь, весь белый свет держится.

ПРО НОС И ЯЗЫК

У Кати было два глаза, два уха, две руки, две ноги, а язык — один и нос — тоже один.

— Скажи, бабушка, — просит Катя, — почему это у меня всего по два, а язык один и нос один?

— А потому, милая внучка, — отвечает бабушка, — чтобы ты больше видела, больше слышала, больше делала, больше ходила и меньше болтала и нос свой курносый куда не надо не совала.

Вот, оказывается, почему языков и носов бывает только по одному.

Ясно?

ПРИШВИН
Михаил Михайлович
1873—1954

БЕРЕСТЯНАЯ ТРУБОЧКА

1

Я нашёл удивительную берестяную трубочку. Когда человек вырежет себе кусок бересты на берёзе, оставшая береста около пореза начинает свёртываться в трубочку. Трубочка высохнет, туго свернётся. Их бывает на берёзах так много, что и внимания не обращаешь.

Но сегодня мне захотелось посмотреть, нет ли чего в такой трубочке.

2

И вот в первой же трубочке я нашёл хороший орех, так плотно прихваченный, что с трудом удалось палочкой его вытолкнуть. Вокруг берёзы не было орешника. Как он туда попал?

«Наверно, белка его туда спрятала, делая зимние свои запасы, — подумал я. —

Она знала, что трубка будет всё плотнее и плотнее свёртываться и всё крепче прихватывать орех, чтоб не выпал».

3

Но после я догадался, что это не белка, а птица ореховка воткнула орех, может быть, украв из гнезда белки.

Разглядывая свою берестяную трубочку, я сделал ещё одно открытие: под прикрытием ореха поселился — кто бы мог подумать! — паучишко и всю внутренность трубочки затянул своей паутинкой.

ЁЖ

Раз я шёл по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа; он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога; он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

— А, ты так со мной! — сказал я. И кончиком сапога спихнул его в ручей. Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много, я слышал — ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда и выбрал себе, наконец, место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу и — здравствуйте! Ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка. Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна, и облака, а ноги мои были как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ежу, он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задник у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл в кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу — какой-то шелест у меня в комнате, чиркнул спичкой, зажёл свечу и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посере-

дине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?» Скоро мой жилец выбежал из-под кровати и прямо к газете, завертелся возле неё, шумел, шумел и наконец ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда, и оказалось, правда, в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо.

Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу — луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

— Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

— Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой, и то налью воды на тарелку, то опять вылью в ведро, и так шумлю, будто это ручеёк подплёскивает.

— Ну, иди, иди, — говорю, — видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода.

Смотрю: будто двинулся вперёд. Я тоже немного подвинул к нему своё озеро.

Он двинется — и я двину, да так и сошлись.

— Пей, — говорю окончательно.

Он и залакал.

А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

— Хороший ты малый, хороший!

Напился ёж, я говорю:

— Давай спать.

Лёг и задул свечу.

Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа. Зажигаю свечу — и что же вы подумаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в уголок, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит, на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью на блюдечко — выпьет, то булочки дам — съест.

РЕБЯТА И УТЯТА

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решила наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро на

свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке, в болотном лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру. В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелётывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении. Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они струсили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я очень сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята.

И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук. И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши? — сказал я ребятам. — Думаете, так-то легко попасть утятам в озеро? Вот погодите, дождётесь экзамена в вуз. Снимайте живо все шапки, кричите «до свидания»!

И те же самые шапки, запылённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух; все разом закричали ребята:

— До свиданья, утята!

Роман СЕФ 1931—2009

* * *

Жить на свете
Очень туго
Без подруги
Или друга,

Без тебя
И твой щенок
Нестерпимо
Одинок.

* * *

Кто любит собак
Или прочих
Животных —
Серьёзных котов
И щенков
Беззаботных,
Кто может
Любить
И осла, и козла,
Тот людям вовеки
Не сделает зла.

ЧИТАТЕЛЮ

Учись читать!
Учись читать!
Важнее нет науки!
Тот,
Кто умеет
Сам читать,
Совсем
Не знает скуки.
Всю жизнь свою
Учись читать
Внимательно,
Серьёзно,
Я так прошу тебя —
Учись
Читать,
Пока не поздно.

СЛАДКОВ
Николай Иванович
1920—1996

БАРСУК И МЕДВЕДЬ

— Что, Медведь, спишь ещё?

— Сплю, Барсук, сплю. Так-то, брат, разогнался — пятый месяц без прóсыпу. Все бока отлежал.

— А может, Медведь, нам вставать пора?

— Не пора. Спи ещё.

— А не проспим мы с тобой весну-то с разгону?

— Не бойся! Она, брат, разбудит.

— А что она — постучит нам, песенку споёт или, может, пятки нам пощекочет? Я, Миша, страх как на подъём тяжёл!

— Ого-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока — небось на залежишься! Спи уж, пока сухой.

ВСЕМУ СВОЁ ВРЕМЯ

Надоела зима Сороке. Вот бы лето сейчас!

— Эй, Свиристель, ты бы лету обрадовался?

— Спрашиваешь ещё? — Свиристель отвечает. — Перебиваюсь с рябины на калину, оскомины на языке!

А Сорока уже Косача спрашивает. Жалуются и Косач:

— Сплю в снегу, на обед одна каша берёзовая! Брови красные — отморозил!

Сорока к Медведю стучится: как, мол, зиму зимуешь?

— Так себе! — Миша ворчит. — С боку на бок. На правом боку лежу — малина мерещится, на левом — мёд липовый.

— Понятно! — Сорока стрекочет. — Всем зима надоела! Чтоб ты, зима, провалилась!

И зима провалилась...

Ахнуть не успели — лето вокруг! Теплынь, цветы, листья. Веселись, лесной народ!

А лесной народ закручинился...

— Растерялся я что-то, Сорока! — Свиристель говорит. — В какое ты меня поставила положение? Я к вам с севера по рябину примчался, а у вас листья одни.

С другой стороны, я летом на севере должен быть, а я тут торчу! Голова крúгом. И есть нечего...

— Натворила Сорока дел! — шипит сердито Косач. — Что за чушь? Куда весну подевала? Весной я песни пою и танцы танцую. Самое развесёлое времечко! А летом только линять, перья терять. Что за чушь?

— Так вы же сами о лете мечтали! — вскрикивала Сорока.

— Мало ли что! — Медведь говорит. — Мечтали мы о лете с мёдом да с малиной. А где они, если ты через весну перепрыгнула? Ни малина, ни липа зацвести не успели, — стало быть, ни малины, ни мёда липового не будет! Поворачивайся хвостом — я его тебе сейчас выщиплю!

Ух как рассердилась Сорока! Вильнула, подпрыгнула, на ёлку взлетела и крикнула:

— Провалитесь вы вместе с летом!

И провалилось нежданное лето. И снова в лесу зима. Снова Свиристель рябину клюёт... Но терпят. Настоящую весну ждут.

ЛИСА-ПЛЯСУНЯ

Ну и погодка, чтоб ей ни дна ни покрышки!

Дождь, слякоть, холод, прямо — бррр!.. В такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выпустит.

Решил и я свою не выпускать. Пусть дома сидит, греется. А сам взял ружьё, взял бинокль, оделся потеплее, надвинул на лоб капюшон — и пошёл. Любопытно всё-таки поглядеть, что в такую непогоду зверьё делает.

И только вышел за околицу, вижу — лиса! Мышкует — промышляет мышей. Рыскает по жнивью — спина дугой, голова и хвост к земле — ну чистое коромысло!

Вот легла на брюхо, ушки торчком — и поползла: видно, мышей-полёвок слышала. Сейчас они то и дело вылезают из норок — собирают себе зерно на зиму.

Вдруг вскинулась лиска всем передом, потом пала передними ногами и носом на землю, рванула — вверх взлетел чёрный комочек. Лиса разинула зубастую пастишку, поймала мышь на лету. И проглотила, даже не разжевав.

Да вдруг и заплясала.

Подскакивает на всех четырёх ногах,

как на пружинках. То вдруг на одних задних запрыгает, как цирковая собачка — вверх-вниз, вверх-вниз! Хвостом машет, розовый язычок от усердия высунула.

Я давно лежу, в бинокль за ней наблюдаю. Ухо у самой земли — слышу, как она лапками топчет. Сам весь в грязи вымазался.

А чего она пляшет — не пойму! В такую погоду только дома сидеть, в тёплой, сухой норе! А она вон чего выкомаривает, фокусы какие ногами выделывает!

Надоело мне мокнуть — вскочил я во весь рост. Лиса увидела — тьякнула с испугу. Может, даже язык прикусила. Шасть в кусты — только я её и видел!

Обошёл я жнивье и, как лиса, всё себе под ноги гляжу.

Ничего примечательного: размокшая от дождей земля, порыжелые стебли.

Лёг тогда по-лисьему на живот: не увижу ли чего так?

Вижу: много мышиных норок. Слышу: в норках мыши пищат.

Тогда вскочил я на ноги и давай лисий танец отплясывать! На месте подскакиваю, ногами топочу.

Тут как поскачут из-под земли перепуганные мыши-полёвки. Из стороны в сторону шарахаются, друг с другом сшиба-

ются, пищат пронзительно... Эх, был бы я лисой, так...

Да что тут говорить: понял я, какую охоту испортил лисичке. Плясала — не баловала, мышей из их норок выгоняла... Был бы у неё тут пир на весь мир!

Оказывается, вон какие звериные штучки можно узнать в такую погоду: лисьи пляски!

Плюнул бы я на дождь и на холод, пошёл бы других зверей наблюдать, да собаку свою пожалел. Зря её с собой не взял.

Скучает, поди, в тепле под крышей.

ПОЧЕМУ ГОД КРУГЛЫЙ

— Потому год круглый, — сказало Солнце, — что Земля вокруг меня мчится по кругу. Как полный круг сделает, так и год.

— И совсем не потому! — проскрипел Дуб. — Год потому круглый, что за год на всех деревьях годовое кольцо нарастает. Как год, так новое кольцо. А кольцо — тоже круг!

— Нет, друзья, — прошептала Ёлка, — ведь всем известно, что мы, ёлки, круглый год зелёные. А как же мы могли бы быть зелёными, если бы год-то не был круглым.

СОРОКА И ЗАЯЦ

— Слушай, Заяц, все говорят, что осина страсть горькая. А ты, смотрю, грызёшь её и даже не жмуришься!

— А я, Сорока, осинку на третье блюдо употребляю. Когда на первое только воздух свежий, на второе — прыжки по снегу, так и горькая осина на третье слаще мёда покажется!

ЧУКОВСКИЙ
Корней Иванович
1882—1969

МУХА В БАНЕ

*Посвящается
Ю. А. Васнецову*

Муха в баню прилетела,
Попариться захотела.

Таракан дрова рубил,
Мухе баню затопил.

А мохнатая пчела
Ей мочалку принесла.

Муха мылась,
Муха мылась,
Муха парилась,
Да свалилась,
Покатилась
И ударилась.

Ребро вывихнула,
Плечо вывернула.

«Эй, мураша-муравей,
Позови-ка лекарей!»

Кузнечики приходили,
Муху каплями поили.

Стала муха, как была,
Хороша и весела.

И помчалася опять
Вдоль по улице летать.

ПУТАНИЦА

Замяукали котята:
«Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!»

А за ними и утята:
«Не желаем больше крикать!
Мы хотим, как лягушата,
Квакать!»

Свинки замяукали:
Мяу, мяу!

Кошечки захрюкали:
Хрю, хрю, хрю!

Уточки заквакали:
Ква, ква, ква!

Курочки закрякали:
Кря, кря, кря!

Воробышек прискакал
И коровой замычал:
Му-у-у!

Прибежал медведь
И давай реветь:
Ку-ка-ре-ку!

И кукушка на суку:
«Не хочу кричать куку,
Я собакою залаю:
Гав, гав, гав!»

Только зайнька
Был пайнька:
Не мяукал
И не хрюкал —
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал
И зверюшек неразумных
 уговаривал:

«Кому велено чирикать —
Не мурлыкайте!
Кому велено мурлыкать —
Не чирикайте!
Не бывать вороне коровою,
Не летать лягушатам
 под облаком!»

Но весёлые зверята —
Поросята, медвежата —
Пуще прежнего шалят,
Зайца слушать не хотят.

Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают.

Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.

Море пламенем горит:
Выбежал из моря кит:
«Эй, пожарные, бегите!
Помогите, помогите!»

Долго, долго крокодил
Море синее тушил
Пирогами, и блинами,
И сушёными грибами.

Прибегали два курчонка,
Поливали из бочонка.

Приплывали два ерша,
Поливали из ковша.

Прибегали лягушата,
Поливали из ушата.

Тушат, тушат — не потушат,
Заливают — не зальют.

Тут бабочка прилетела,
Крылышками помахала,
Стало море потухать —
И потухло.

Вот обрадовались звери!
Засмеялись и запели,
Ушками захлопали,
Ножками затопали.

Гуси начали опять
По-гусиному кричать:
Га-га-га!

Кошки замурлыкали:
Мур-мур-мур!

Птицы зачирикали:
Чик-чирик!

Лошади заржали:
И-и-и!

Мухи зажужжали:
Ж-ж-ж!

Лягушата квакают:
Ква-ква-ква!

А утята крякают:
Кря-кря-кря!

Поросята хрюкают:
Хрю-хрю-хрю!

Мурочку баюкают
Милую мою:
Баюшки-баю!
Баюшки-баю!

РАДОСТЬ

Рады, рады, рады
Светлые берёзы,
И на них от радости
Вырастают розы.

Рады, рады, рады
Тёмные осины,
И на них от радости
Растут апельсины.

То не дождь пошёл из облака
И не град,
То посыпался из облака
Виноград.

И вороны над полями
Вдруг запели соловьями.

И ручьи из-под земли
Сладким мёдом потекли.

Куры стали павами,
Лысые — кудрявыми.

Даже мельница — и та
Заплясала у моста.
Так бегите же за мною
На зелёные луга,
Где над синею рекою
Встала радуга-дуга.

Мы на радугу
вска-ра-б-каемся,
Поиграем в облаках
И оттуда вниз по радуге
На салазках, на коньках!

ФЕДОРИНО ГОРЕ

1

Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.

За лопатую метла
Вдоль по улице пошла..

Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.

Испугалася коза,
Растопырила глаза:

«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».

2

Но, как чёрная железная нога,
Побежала, поскакала кочерга.
И помчались по улице ножи:
«Эй, держи, держи, держи, держи,
держи!»

И кастрюля на бегу
Закричала утюгу:
«Я бегу, бегу, бегу,
Удержаться не могу!»

Вот и чайник за кофейником бежит,
Тараторит, тараторит, дребезжит...

Утюги бегут, побрякивают,
Через лужи, через лужи перескакивают.

А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
На стаканы — дзынь! — натыкаются,
И стаканы — дзынь — разбиваются.

И бежит, бренчит, стучит сковорода:
«Вы куда? куда? куда? куда? куда?»

А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки
Скачут по дорожке.

Из окошка вывалился стол
И пошёл, пошёл, пошёл, пошёл, пошёл...

А на нём, а на нём,
Как на лошади верхом,
Самоварище сидит
И товарищам кричит:
«Уходите, бегите, спасайтесь!»

И в железную трубу:
«Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!»

3

А за ними вдоль забора
Скачет бабушка Федора:
«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Воротитесь домой!»

Но ответило корыто:
«На Федору я сердито!»
И сказала кочерга:
«Я Федоре не слуга!»

А фарфоровые блюда
Над Федорою смеются:
«Никогда мы, никогда
Не воротимся сюда!»

Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть,
Чтоб посуду воротить:

«Эй вы, глупые тарелки,
Что вы скачете, как белки?
Вам ли бегать за воротами
С воробьями желторотыми?
Вы в канаву упадёте,
Вы утонете в болоте.
Не ходите, погодите,
Воротитесь домой!»

Но тарелки вьются-вьются,
А Федоре не даются:
«Лучше в поле пропадём,
А к Федоре не пойдём!»

4

Мимо курица бежала
И посуду увидала:
«Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?!»

И ответила посуда:
«Было нам у бабы худо,
Не любила нас она,
Била, била нас она,
Запылила, закоптила,
Загубила нас она!»

«Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!
Жить вам было нелегко!»

«Да, — ответил медный таз,
Погляди-ка ты на нас:
Мы поломаны, побиты,
Мы помоями облиты.
Загляни-ка ты в кадуюшку —
И увидишь там лягушку.
Загляни-ка ты в ушат —
Тараканы там кишат.
Оттого-то мы от бабы
Убежали, как от жабы,
И гуляем по полям,

По болотам, по лугам,
А к неряхе-замарахе
Не воротимся!»

5

И они побежали лесочком,
Поскакали по пням и по кочкам.
А бедная баба одна,
И плачет, и плачет она.
Села бы баба за стол,
Да стол за ворота ушёл.
Сварила бы баба щи,
Да кастрюлю поди поищи!
И чашки ушли, и стаканы,
Остались одни тараканы.
Ой, горе Федоре,
Горе!

6

А посуда вперед и вперед
По полям, по болотам идёт.

И чайник шепнул утюгу:
«Я дальше идти не могу».

И заплакали блюда:
«Не лучше ль вернуться?»

И зарыдало корыто:
«Увы, я разбито, разбито!»

Долго, долго целовала
И ласкала их она,
Поливала, умывала,
Полоскала их она.

«Уж не буду, уж не буду
Я посуду обижать,
Буду, буду я посуду
И любить и уважать!»

Засмеялися кастрюли,
Самовару подмигнули:
«Ну, Федора, так и быть,
Рады мы тебя простить!»

Полетели,
Зазвенели
Да к Федоре прямо в печь!
Стали жарить, стали печь, —
Будут, будут у Федоры и блины и
пироги!

А метла-то, а метла — весела —
Заплясала, заиграла, замела,
Ни пылинки у Федоры не оставила.

И обрадовались блюда:
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
И танцуют и смеются —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

А на белой табуреточке
Да на вышитой салфеточке
Самовар стоит,
Словно жар горит,
И пыхтит, и на бабу поглядывает:
«Я Федорушку прощаю,
Сладким чаем угощаю.
Кушай, кушай, Федора Егоровна!»

ШВАРЦ
Евгений Львович
1896—1958

КАК МАРУСЯ НАЧАЛА УЧИТЬСЯ

(Отрывок из повести «Первоклассница»)

После уроков Маруся шагает по улице не спеша, как взрослая, как настоящая первоклассница в форменном платье. И кажется ей, что весь город смотрит на неё.

Капитан лётчик идёт ей навстречу.

— Дядя Володя! — кричит Маруся радостно и протягивает капитану руку. Но тут же вспомнив, что это не полагается, прячет руку за спину.

— Здравствуй, здравствуй, Маруся! — весело отвечает дядя Володя и протягивает ей руку.

Маруся с вежливым поклоном обменивается с капитаном рукопожатием.

— Что это с тобой сегодня? — удивляется капитан. И тут же улыбается во всё лицо: — Ах, вот оно что! Ты в форме! Да как же это я мог забыть! Ты из школы?

— Да, — отвечает Маруся.

— Сразу видно! — говорит капитан. — Тебя просто узнать нельзя. Настоящая школьница.

— Ой, сколько мы сегодня выучили! — рассказывает Маруся. — И как вставать без шума — здороваться с Анной Ивановной. И как руку подымать. И считали, сколько нас в ряду сидит. Это называется арифметика. А на русском Анна Ивановна сказку нам рассказывала... До свидания! Меня мама и бабушка ждут.

Маруся раскланивается, заложив руки за спину.

Во двор Маруся входит не спеша. И вдруг встречается лицом к лицу с Серёжей.

Увидев своего врага, Маруся делает шаг назад. Но потом вежливо кивает ему и говорит:

— Здравствуй, Серёжа!

Вместо ответа Серёжа высовывает язык.

— Смотри-ка! — удивляется Маруся. — Ты, значит, в школу не ходил сегодня?

Серёжа стоит молча, высунув язык.

— Понимаю! — кивает головой Маруся. — Тебя не приняли!

— Кого, кого не приняли? — спрашивает Серёжа.

— Тебя.

— Ещё как приняли! Ого! На первую парту посадили.

— А чего же ты язык показываешь? Тебе не говорили, что надо вести себя вежливо?

— Вот так не говорили! Целый день говорили.

— А чего же ты? Не понял, что ли?

— Вот так не понял! У нас поди-ка не пойми. У нас учительница — ого! — лучше вашей.

— А ты нашу видел?

— Конечно, видел. Не понравилась.

— О, не понравилась! У нас учительница красавица.

— Красавица... Вот она какая! — И Серёжа делает страшную гримасу.

— Что?! — Маруся кладёт осторожно у стены свою школьную сумку и подходит к Серёже. — Перестань! — говорит она грозно. — А то...

— А то что?

— А то ка-а-ак дам!

— Ты?

— Я!

— Мне?!

— Тебе!

А дома в столовой суетятся мама и бабушка, готовятся торжественно встретить первоклассницу...

— Что-то запаздывает дочка! — Мама

смотрит на часы. — Уже двадцать минут, как кончились уроки.

Продолжительный звонок.

Бабушка спешит в прихожую, открывает дверь и ахает.

Маруся, очень весёлая, стоит на пороге, но в каком она виде! Взъерошенные волосы. На щеке грязное пятно. Одна из пуговиц висит на ниточке.

— Мамочка! Бабушка! — кричит Маруся. — Как интересно было! Ну прямо сказка. Раз, два — и превратилась я в настоящую первоклассницу. Вы меня теперь не узнаете.

— Постой, постой! — перебивает мама. — А почему ты в таком страшном виде?

— Это я с Серёжей подралась. У него ещё хуже вид! — с торжеством сообщает Маруся.

— Умойся! — ворчит бабушка. — «Не узнаете меня»! Пока что очень хорошо я тебя узнаю...

ЯХНИН
Леонид Львович
р. 1937

ЯГОДЫ

Цыплёнок с Лягушонком пошли в лес... Увидели там какие-то ягоды красные. (Какие это могли быть ягоды?)

Попробовали — кислые, но вкусные. Только как они называются, вспомнить не могли. (А вы вспомнили?)

— Давай их есть без названия, — сказал Лягушонок. — Поедим, а там, может быть, и вспомним.

И начали они глотать ягоды.

— Клю, — скажет Цыплёнок и склюнет красную ягодку. (А что должен сказать Лягушонок? Как же называются ягоды?)

— Ква, — скажет Лягушонок и тоже ягоду проглотит.

Только и слышится: Клю! Ква! Клю! Ква!

**ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

АЙОГА

Нанайская сказка

В роду Самар жил один нанаяец — Ла. Была у него дочка, Айога. Красивая девочка. Все её любили. И все говорили, что красивее дочери Ла никого нет — ни в этом, ни в каком другом стойбище. Айога загордилась. Стала разглядывать себя. И понравилась сама себе. Смотрит — не может оторваться. Глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на своё отражение в воде.

Совсем ленивая стала Айога. Всё любит себя.

Вот однажды говорит ей мать:

— Принеси воды, дочка!

Айога отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись, — говорит ей мать.

— Куст оборвётся, — говорит Айога.

— А ты за крепкий куст возмись.

— Руки поцарапаю...

Говорит Айоге мать:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога. А сама всё в медный таз смотрится — какая она красивая!

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается.

— Возьми толстую иголку, — говорит отец.

— Палец уколю, — отвечает дочка.

— Напёрсток возьми...

— Напёрсток прорвётся.

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Давай за водой схожу, мать!

Пошла девочка на реку и принесла воды, сколько надо.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки. На раскалённом очаге испекла. Увидела Айога лепёшки, кричит:

— Дай мне лепёшку, мать!

— Горячая она, руки обожжёшь, — отвечает мать.

— А я рукавицы надену, — говорит Айога.

— Рукавицы мокрые...

— Я их на солнце высушу...

— Покоробятся они, — отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят, — отвечает мать. — Зачем тебе, дочка, трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепёшку и отдала соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла на речку. Смотрит на своё отражение в воде. А соседская девочка сидит на берегу, лепёшку жуёт. Потекли слюнки у Айоги. Стала она на ту девочку оглядываться. Шея у неё вытянулась — длинная стала.

Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку, Айога, мне не жалко.

Разозлилась Айога на девочку. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости. Так замахала руками, что руки в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит.

Не удержалась на берегу. Бултыхнулась в воду Айога и обратилась в гуся.

Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го-го!
Ах, какая я красивая...

Плавала, плавала, пока по-нанайски

говорить не разучилась. Все слова забыла. Только имя своё не забыла, чтобы с кем-нибудь её, красавицу, не спутали.

Кричит, чуть людей завидит:

— Айо-га-га-га! Айо-га-га-га!

ВОЛК-ЯБЕДНИК

Афганская сказка

Было или не было, однажды тигр, падишах зверей, заболел. Насморк! Известно, от этой болезни не умирают. Но испортилось настроение повелителя, а это смертельно опасно для подданных. Поэтому все звери, как один, явились к тигру, чтобы засвидетельствовать ему свою преданность. И только лиса не явилась. Тигр, который в этот день не желал ничего видеть дальше своего носа, вероятно, не заметил бы её отсутствия, если бы не волк.

— О государь! — зашептал волк в тигриное ухо. — Все звери явились, чтобы сказать: «Будь здоров!» — едва ты чихнёшь. И только голоса лисы не слышно...

Тигр разгневался и приказал представить лису пред свои жёлтые очи. Узнала об этом лиса и сама поскорей прибежала к тигру.

— Рыжая тварь! — зарычал повели-

тель. — Все звери как звери, пришли меня проведать, а ты?

— Не сердись, о государь, — отвечала лиса. — Я, как только узнала о твоём недуге, сразу побежала искать лекарство.

— Ах, так... — смягчился тигр. — И нашла что-нибудь?

— Да! Самое верное лекарство от насморка спрятано в задней левой пятке нашего волка...

— Неужели? — удивился тигр. — Только смотри: если средство не подействует, страшись!..

Но лиса ничуть не страшилась. Ведь насморк — это такая болезнь: лечи её чем угодно, только поскорее, а то сама пройдёт!

Через несколько дней идёт лиса по лесу, а навстречу ей волк. На трёх ногах! Тут лиса ему сказала:

— Запомни, друг мой: ябедник подобен тому, кто плюёт в небо, а потом удивляется — что это за роса упала ему на голову.

ВОТ ОН, ВОР!

Американская сказка

Дело было в деревенском трактире. У одного человека украли кошелёк с деньгами. Надо было найти вора.

Трактирщик Джон велел, чтобы из комнаты никто не выходил.

— Принесите петуха и большой котёл, — сказал он.

Все очень удивились. Никто не понял, что он хочет делать с котлом и петухом. А хозяин тем временем пригласил всех во двор. Была тёмная ночь, и луна едва светила.

— Посадите петуха на землю и накройте его котлом, — сказал Джон. — Теперь пускай каждый подойдёт к котлу и дотронется пальцами до дна. Как только рука вора коснётся котла, петух прокричит три раза.

Все люди по очереди подходили к котлу. Но петух не подавал голоса.

— А теперь все покажите мне руки, — сказал Джон.

У всех на пальцах была сажа от котла. Только у одного человека пальцы оказались чистыми.

— Вот он, вор, — сказал Джон.

ЖАДНОСТЬ

Черногорская сказка

Отправились в путь два крестьянина — добрый и жадный. Постепенно в дороге

все припасы у них кончились, осталась одна овца.

— Ну что ж, — сказал добрый, — хоть и жалко мне последнюю скотинку, делать нечего, заколи её, а завтра утром поедим.

Жадный заколол овцу, освежевал её, приготовил мясо и лёг спать. Но никак не мог заснуть: овечья печёнка не давала ему покоя. Тогда он встал, тайком зажарил её и съел.

Когда утром путники сели завтракать, добрый крестьянин удивился, у овцы не оказалось печёнки. Но виду не показал. Решил устроить жадному испытание.

На другой день остановились они в горах. Добрый крестьянин говорит:

— Ты посиди здесь в тени этого дерева, а я пойду и поищу какую-нибудь дичь.

Жадный с радостью согласился и, растянувшись под деревом, захрапел.

А когда через некоторое время проснулся, то увидел, что добрый крестьянин возвращается, да не с пустыми руками.

— Что принёс? — спрашивает жадный.

— Да понимаешь, пошёл искать дичь, а наткнулся на кучу золота, — отвечает добрый крестьянин. — Пришлось поделить его поровну.

И показывает три тяжёлых мешочка.

— Зачем же ты распределил золото по трём мешочкам? — возмутился жадный. — Нас же двое.

— Э-э, нет, — возразил добрый. — Всё я сделал правильно. Один мешочек — мне, второй — тебе, а третий полагается тому, кто вчера печёнку съел.

— Так печёнку-то я съел, — закричал жадный, — значит, мне и полагается ещё один мешочек!

— Бери, мне не жалко, — сказал добрый и кинул своему спутнику второй мешочек.

Жадный присел на землю и стал торопливо развязывать доставшиеся ему мешочки.

Но в них было не золото, а обыкновенные камни.

ЗАЯЦ И ЧЕРЕПАХА

Ингушская сказка

Однажды заяц и черепаха поспорили, кто быстрее обежит лесную поляну.

Черепаха пустилась в путь, а заяц лежит под кустом и смеётся:

— Спешу не спешу, черепаха, всё равно я тебя обгоню.

Пока он так потешался, черепаха, хоть

и медленно двигалась, пришла к цели. Кинулся заяц за нею, да уже поздно.

Бегать-то он умел, но не знал, что лёжа на месте и от черепахи можно отстать.

КОЛОСОК

Украинская сказка

Жили-были два мышонка, Круть и Верть, да петушок Голосистое горлышко. Мышата только и знали, что пели да плясали, крутились да вертелись. А петушок чуть свет поднимался, сперва всех песней будил, а потом принимался за работу. Вот однажды подметал петушок двор и видит на земле пшеничный колосок.

— Круть, Верть, — позвал петушок, — смотрите, что я нашёл!

Прибежали мышата и говорят:

— Нужно его обмолотить.

— А кто будет молотить? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал один.

— Только не я! — закричал другой.

— Ладно, — сказал петушок, — я обмолочу.

И принялся за работу. А мышата стали играть в лапту.

Кончил петушок молотить и крикнул:

— Эй, Круть, эй, Верть, глядите, сколько я зерна намолотил.

Прибежали мышата и запищали в один голос:

— Теперь нужно зерно на мельницу нести, муки намолоть.

— А кто понесёт? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал Круть.

— Только не я! — закричал Верть.

— Ладно, — сказал петушок, — я сне-
су зерно на мельницу.

Взвалил себе на плечи мешок и пошёл. А мышата тем временем затеяли чехарду. Друг через друга прыгают, веселятся.

Вернулся петушок с мельницы, опять зовёт мышат:

— Сюда, Круть, сюда, Верть! Я муку принёс.

Прибежали мышата, смотрят, не хвалятся:

— Ай да петушок! Ай да молодец! Теперь нужно тесто замесить да пироги печь.

— Кто будет месить? — спросил петушок.

— Только не я, — запищал Круть.

— Только не я, — запищал Верть.

Подумал, подумал петушок и говорит:

— Видно, мне придётся.

Замесил он тесто, натаскал дров, зато-

пил печь. А как печь истопилась, посадил в неё пироги.

Мышата тоже времени не теряют: песни поют, пляшут.

Испеклись пироги, петушок их вынул, выложил на стол, а мышата тут как тут. И звать их не пришлось.

— Ох, и проголодался я! — пищит Круть.

— Ох, и есть мне хочется! — пищит Верть.

Скорее сели за стол. А петушок им говорит:

— Подождите, подождите! Вы мне сначала скажите: кто нашёл колосок?

— Ты нашёл! — громко закричали мышата.

— А кто колосок обмолотил? — снова спросил петушок.

— Ты обмолотил! — потише сказали оба.

— А кто зерно на мельницу носил?

— Тоже ты, — совсем тихо ответили Круть и Верть.

— А тесто кто месил? Дрова носил? Печь топил? Пироги кто пёк?

— Всё ты. Всё ты, — чуть слышно пропищали мышата.

— А вы что делали?

Что сказать в ответ! И сказать нечего.

Стали Круть и Верть вылезать из-за стола, а петушок их не удерживает.

Не за что таких лодырей и лентяев пи-рогами угощать!

ТРИ ДОЧЕРИ

Татарская сказка

Жила-была женщина. День и ночь работала, чтобы накормить и одеть трёх своих дочерей.

И выросли три дочери, быстрые, как ласточки, лицом похожие на светлую луну.

Одна за одной вышли замуж и уехали.

Прошло несколько лет. Тяжело заболела старуха мать, и посылает она к своим дочерям рыжую белочку.

— Скажи им, дружок, чтобы ко мне поспешили.

— Ой, — вздохнула старшая, услышав от белочки печальную весть. — Ой! Я бы рада пойти, да мне надо сначала почистить эти два таза.

— Почистить два таза? — рассердилась белочка. — Так будь же ты с ними вовек неразлучна!

И тазы вдруг вскочили со стола и обхватили старшую дочь сверху и снизу.

Она упала на пол и уползла из дома большой черепахой.

Постучалась белочка ко второй дочери.

— Ой, — отвечала та. — Я сейчас побежала бы к матери, да очень занята: надо мне к ярмарке холста наткать.

— Ну и тки теперь всю жизнь, никогда не останавливаясь! — сказала белочка.

И вторая дочь превратилась в паука.

А младшая месила тесто, когда белочка постучала к ней. Дочь не сказала ни слова, даже не обтёрла рук, побежала к своей матери.

— Приноси же ты всегда людям радость, моё дорогое дитя, — сказала ей белочка, — и люди будут беречь и любить тебя, и детей твоих, и внуков, и правнуков.

И правда, третья дочь жила много лет, и все её любили. А когда пришла пора ей умереть, она превратилась в золотую пчёлку.

Всё лето день-деньской собирает пчёлка мёд людям... А зимою, когда всё вокруг гибнет от холода, пчёлка спит в тёплом улье, а проснётся — ест только мёд и сахар.

Ханс Кристиан
АНДЕРСЕН
1805—1875

ДЮЙМОВОЧКА

Жила на свете одна женщина, и не было у неё детей. А ей очень хотелось иметь ребёнка, но она не знала, где его найти. Вот пошла она к старой колдунье и сказала: «Мне очень хочется ребёночка; может, ты скажешь, где мне его взять?»

— Ну что ж, горю твоему можно помочь! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не такое, как те, что посеяны в поле или идут на корм курам. Посади это зёрнышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина, дала колдунье денег и пошла домой.

Дома она посадила в цветочный горшок ячменное зерно, и из него тотчас же вырос прекрасный большой цветок, похожий на тюльпан, только лепестки у него

были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой красивый цветок! — воскликнула женщина и поцеловала прелестные, красные с жёлтым, лепестки; но не успела она их поцеловать, как в цветке что-то щёлкнуло, и он весь раскрылся, — теперь стало ясно, что это настоящий тюльпан. В его чашечке, на зелёном пестике, сидела хорошенькая крошечная девочка, ростом не больше дюйма. Поэтому её и называли Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупа грецкого ореха служила ей колыбелькой, голубые фиалки — тюфяком, а лепесток розы — одеялом. Ночью она спала в колыбели, а днём играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой и положила в неё цветы так, что стебельки их были погружены в воду, а чашечки венком лежали по краям; на воду она пустила большой лепесток тюльпана, — на него часто садилась Дюймовочка и плавала от одного края тарелки до другого, два белых конских волоса заменяли ей вёсла. Всё это было прелестно! Ещё Дюймовочка умела петь, да таким нежным и красивым голоском, какого никто на свете не слыхивал.

Однажды ночью, когда она лежала в

своей хорошенькой колыбели, в разбитое окно вскочила отвратительная жаба, большая и мокрая. Она прыгнула прямо на стол, где под лепестком розы спала Дюймовочка.

— Вот славная жена для моего сынка! — квакнула жаба и, схватив скорлупку с девочкой, выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекал большой, широкий ручей; берега у него были топкие, болотистые, и здесь-то, в тине, и жила жаба со своим сыном. У! Какой он был гадкий и противный! Вылитая мать! «Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!» — вот всё, что он мог проквакать, когда увидел прелестную девочку в ореховой скорлупе.

— Тише! Не то она проснётся и убежит от нас! — остановила его старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим её на середину ручья, на широкий лист кувшинки, такой крошке он покажется целым островом. С листа она убежать не сможет, а мы тем временем приготовим в тине удобное гнёздышко, в котором вы будете жить.

В ручье росло много белых кувшинок, и их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше

всех от берега. Старая жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку с Дюймовочкой. Рано утром бедная крошка проснулась и, увидев, куда она попала, горько заплакала, — кругом, куда ни посмотришь, вода да вода, а берег чуть виднеется вдали.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и жёлтыми кувшинками, — ей хотелось порадовать будущую невестку. Покончив с приготовлениями к свадьбе, она поплыла со своим безобразным сынком к листу, на котором стояла Дюймовочка, чтобы забрать её нарядную кроватку и заранее поставить в спальню будущих новобрачных. Приблизившись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. И вы славно заживёте у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — проквакал сынок.

Жабы взяли нарядную кроватку и куда-то уплыли с ней. А Дюймовочка сидела одна на зелёном листе и горько-горько плакала, — очень уж ей не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за её противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали в воде под листом, видели

жабу и слышали её слова, и теперь они высунули головы из воды, чтобы поглядеть на Дюймовочку. Как только они её увидели, им стало очень грустно, что такой прелестной девочке придётся жить у гадкой жабы. «Так не бывать же этому!» — решили рыбки и, подплыв к листу кувшинки, на котором стояла Дюймовочка, перекусили его зелёный стебель. И вот лист с Дюймовочкой быстро поплыл по течению, — теперь жаба не могла бы догнать девочку.

Дюймовочка плыла всё дальше и дальше. Птички, сидевшие в кустах, смотрели на неё и пели: «Какая прелестная маленькая девочка!» А лист всё плыл да плыл, и, наконец, Дюймовочка очутилась в чужих краях.

Вокруг Дюймовочки всё время порхал красивый белый мотылёк и, наконец, опустился на её лист — уж очень она ему понравилась. А Дюймовочка радовалась, что гадкая жаба не может её догнать, что всё вокруг так красиво, а вода сверкает на солнце, как червонное золото. Дюймовочка сняла с себя пояс, один его конец набросила на мотылька, а другой прикрепила к листу — и лист поплыл ещё быстрее.

Мимо летел майский жук. Увидев де-

вочку, он обхватил её лапкой за тонкую талию и унёс на дерево, а лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылёк, — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда майский жук схватил её и посадил на дерево! Но не так она боялась за себя, как за прекрасного белого мотылька, которого привязала к листу, — она знала, что, если ему не удастся освободиться, он умрёт с голоду. Майский жук об этом и не помышлял. Он уселся с Дюймовочкой на самый большой лист, угостил её сладким цветочным соком и сказал, что она очаровательна, хоть и ничуть не похожа на майского жука. Потом к ним прилетели гости — другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, и барышни шевелили усиками и говорили:

— У неё только две ножки! Какое убожество!

— У неё даже нет усиков!

— Какая у неё тонкая талия! Фи, она похожа на человека! Как она некрасива! — твердили в один голос все дамы.

На самом деле Дюймовочка была прелестна. Это находил и майский жук, который принёс её на дерево; но, когда все остальные сказали, что она безобразна,

он под конец сам поверил этому и не стал держать её у себя: пусть идёт куда знает, решил он. И вот он слетел с Дюймовочкой на землю и посадил её на ромашку. Дюймовочка горько заплакала: ей было обидно, что она такая некрасивая, — даже майские жуки не захотели принять её к себе. А ведь она была самой очаровательной девочкой, какую только можно себе представить: нежная и ясная, как прекрасный розовый лепесток.

Всё лето прожила бедная Дюймовочка одна-одинёшенька в большом лесу. Она сплела себе из травинок кроватку и подвесила её под лист лопуха, чтобы её не замочил дождик; она ела сладкую цветочную пыльцу и пила росу, которую каждое утро находила на листьях. Так прошло лето, прошла и осень; приближалась длинная, холодная зима. Все птички, которые так радовали Дюймовочку своим пением, улетели в тёплые края, цветы завяли, листья осыпались, а большой лопух, под которым она жила, пожелтел, высох и свернулся в трубочку. Платице Дюймовочки изорвалось, и она всё время зябла; а ведь она была такая нежная и маленькая, долго ли ей было замёрзнуть. Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки словно целая лопата снега для нас: мы-то

ведь большие, а она была всего в дюйм ростом. Она завернулась было в сухой листок, но он разорвался, и бедняжка дрожала от холода.

Однажды Дюймовочка выбралась из леса на большое поле; хлеб давно уже был убран, и только голые сухие соломинки торчали из мёрзлой земли. Дюймовочка шла между ними, как в густом лесу, и холод пронизывал её. Наконец, она подошла к норке, прикрытой сухими былинками. Тут, в тепле и довольстве, жила полевая мышь; амбары её были битком набиты зерном, кухня и кладовая ломились от припасов. Бедная Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зёрнышка, — вот уже два дня, как у неё крошки во рту не было.

— Ах ты, бедняжка! — сказала полевая мышь, она была добрая старуха. — Ну, иди сюда скорей, погрейся да поешь со мной.

И так понравилась Дюймовочка старой мыши, что та предложила:

— Оставайся у меня на зиму. Только смотри, хорошенько убирай мои комнаты и рассказывай мне сказки, — я до них большая охотница.

Дюймовочка осталась; она всё делала так, как приказывала добрая старая мышь, и жилось ей хорошо.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь, — раз в неделю ко мне приходит мой сосед. Он живёт ещё лучше меня, в просторном доме, и носит роскошную шубку из чёрного бархата. Вот если б тебе посчастливилось выйти за него замуж, ты бы жила без забот. Но только он слепой. Ты должна будешь рассказывать ему самые красивые сказки, какие только знаешь!

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа, — ведь он был крот. Вскоре он пришёл к полевой мыши с визитом, одетый в чёрную бархатную шубку.

— Он такой важный, учёный, богатый, — говорила полевая мышь, — дом его в двадцать раз больше моей норки; но он ненавидит солнце и цветы, считает их отвратительными, — он ведь никогда их не видел.

Мышь приказала Дюймовочке что-нибудь спеть; и она спела две песенки, да так мило, что крот, очарованный её прелестным голосом, сразу в неё влюбился. Но он не сказал ни слова — ведь он был мужчина степенный.

Немного погодя он прорыл длинный подземный ход от своего дома до жилья полевой мыши и разрешил ей и Дюймовочке гулять по этому коридору, когда им вздумается. Однако он предупредил их, чтобы они не пугались мёртвой птицы — самой настоящей птицы, с перьями и клювом, — которая умерла, должно быть, совсем недавно, в начале зимы, и была похоронена как раз в том месте, где он прорыл свой ход.

Крот взял в зубы кусок гнилушки — она ведь светится в темноте — и пошёл вперёд, освещая длинный тёмный коридор. Когда они дошли до того места, где лежала мёртвая птица, крот ткнул мордой в земляной потолок и пробил в нём большую дыру, через которую в коридор проник дневной свет.

Дюймовочка увидела мёртвую ласточку: её красивые крылышки были крепко прижаты к телу, голову и лапки она втянула, и, прикрытые перьями, они не были видны; скорей всего, бедная птичка умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко её — ведь она так любила птичек, которые целое лето утешали её своими песенками. А крот толкнул мёртвую ласточку короткими лапами и сказал:

— Наконец-то перестала пищать! Нет ничего хуже, чем родиться птицей. Слава

Богу, детям моим не грозит эта участь. Птицы только и умеют что чирикать да щебетать, а придёт зима — что им делать, как не помирать с голоду.

— Вам хорошо говорить, вы человек благоразумный, — отозвалась полевая мышь. — Вполне с вами согласна: что проку от чириканья, когда придёт зима. Песнями сыт не будешь, а чириканьем не согреешься. Потому-то птицы и умирают от голода и холода. Впрочем, это судьба всех бедных, но благородных людей.

Дюймовочка не сказала ни слова; когда же крот с мышью повернулись спиной, она наклонилась над ласточкой, раздвинула её пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глазки.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно пела летом, — подумала она. — Как много радости доставила она мне, милая красивая птичка!»

Потом крот опять заделал дыру, сквозь которую проникал дневной свет, и проводил своих дам домой. Ночью Дюймовочка никак не могла уснуть. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большое красивое одеяло и, войдя в коридор, укрыла мёртвую птичку, потом принесла из мышиной норки цветочных тычинок, лёгких, как вата, и обложила ими ласточку,

чтобы ей не так холодно было лежать в сырой земле.

— Прощай, прелестная птичка! — сказала Дюймовочка. — Прощай и спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были ещё зелёные и нам ласково светило солнце!

Потом она склонила головку на грудь птички и вздрогнула, услышав: «Стук! Стук!» — это забилося сердце ласточки. Оказывается, она вовсе не умерла, только окоченела, а теперь отогрелась и ожила.

Осенью все ласточки улетают в тёплые края; и если одна из них опоздает улететь, то вскоре коченеет, как мёртвая, падает на землю, и её засыпает холодным снегом.

Дюймовочка дрожала от страха: ведь птичка была просто великаншей по сравнению с ней, такой крошкой, — но всё-таки собралась с духом, потеплей укутала ласточку и прикрыла ей голову листом мяты, которым всегда укрывалась сама.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Теперь бедняжка совсем ожила, но всё ещё была очень слаба и, чуть приоткрыв глаза, смотрела на Дюймовочку, которая стояла перед ней с гнилушкой в руках вместо фонарика.

— Спасибо тебе, милая крошка! — крикнула больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — сейчас на дворе мороз и снег идёт! Лежи лучше в тёплой постельке, а я буду за тобой ухаживать.

И она принесла ласточке воды в чашечке цветка. Птичка попила и рассказала Дюймовочке, как поранила себе крыло о терновый куст и потому не смогла улететь в тёплые края вместе с другими ласточками. Когда настали холода, она окончена и упала на землю, — больше ничего она не помнила и не знала, как попала сюда.

Всю зиму она просидела в подземном коридоре, а Дюймовочка ухаживала за ней. Она очень привязалась к птичке. Полевая мышь и крот ни о чём не догадывались: они чувствовали отвращение к ласточке и не ходили туда, где она лежала.

Как только настала весна и солнце пригрело землю, ласточка простилась с Дюймовочкой. Девочка сделала отверстие в потолке — там, где его заделал крот, — солнышко заглянуло в тёмный коридор, и ласточка спросила, не хочет ли Дюймо-

вочка сесть ей на спину и полететь с нею в зелёный лес. Но девочка не захотела покинуть старую полевую мышь, зная, что это очень огорчит её.

— Нет, я не могу лететь с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, добрая, прелестная девочка! — прощобетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка поглядела ей вслед, и глаза её наполнились слезами, — уж очень она полюбила бедную птичку.

— Кви-вить! Кви-вить! — прочирикала птичка и улетела в зелёный лес.

Дюймовочке было очень грустно, ведь её никогда не пускали погреться на солнышке, а хлеб, который посеяли на поле вокруг норки полевой мыши, так разросся, что казался малютке огромным лесом.

— Ты теперь невеста, Дюймовочка, — сказала однажды мышь. — К тебе посватался наш сосед. Какое тебе счастье выпало, бедняжка! Теперь придётся тебе шить приданое — и шерстяные платья, и бельё; надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, когда ты будешь женой крота.

И Дюймовочке пришлось прясть целыми днями; а мышь наняла четырёх пауков-ткачей, и они ткали круглые сутки.

Крот каждый вечер приходил в гости и всё болтал о том, что скоро-де конец лету и солнце перестанет палить; это хорошо — и без того земля стала твёрдой, как камень. А когда кончится лето, они сыграют свадьбу.

Но Дюймовочка вовсе этому не радовалась, она ни капельки не любила скучного крота. Каждое утро на восходе солнца и каждый вечер на закате она выскальзывала на порог мышинной норки и, когда ветер раздвигал колосья, видела кусочек неба. Дюймовочка думала тогда: «Как хорошо и светло там, на воле!» И ей очень хотелось увидеть милую ласточку. Но птички нигде не было видно; наверное, она улетела далеко-далеко, в зелёный лес.

Когда наступила осень, всё приданое Дюймовочки было готово.

— Свадьба твоя будет через месяц, — заявила ей как-то полевая мышь.

Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить за скучного крота.

— Глупости! — отрезала мышь. — Перестань упрямитесь, а не то я укушу тебя. У тебя будет прекрасный муж! Такой чёрной бархатной шубы у самой королевы нету. Все закрома и подвалы у него

полным-полны. Бога надо благодарить за такого мужа!

И вот настал день свадьбы. Крот пришёл за невестой, чтобы увести её к себе глубоко под землю, куда не проникал свет ясного солнышка, потому что крот его терпеть не мог. Тяжело было бедной девочке навсегда распрощаться с ясным солнышком, и она с разрешения полевой мыши вышла полюбоваться им в последний раз.

— Прощай, красное солнышко! — сказала Дюймовочка, стоя на пороге норки, и протянула вверх руки. Немного погодя она вышла на поле; хлеб здесь был уже убран, из земли торчали только сухие соломинки. — Прощай и ты, — сказала она и обняла красный цветочек, который уцелел случайно. — Поклонись от меня милой ласточке, если увидишь её.

— Кви-вить, кви-вить! — слышалось вдруг где-то в вышине.

Дюймовочка подняла глаза и увидела пролетающую мимо ласточку. Птичка очень обрадовалась, узнав Дюймовочку, а та, обливаясь слезами, рассказала, как ей не хочется выходить замуж за уродливого крота и жить под землёй, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Наступает холодная зима, — сказала ласточка. — Я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой подальше от противного крота и его тёмного подземелья. Мы полетим над горами в жаркие страны, где солнце светит ярче, чем здесь, где круглый год продолжается лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая Дюймовочка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной холодной земле.

— Да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она уселась птичке на спину, упёрлась ножками в её распростёртые крылья и привязала себя поясом к самому большому перу. Ласточка стрелой взвилась в воздух и полетела над лесом и морем, над высокими снежными горами. Дюймовочке стало очень холодно, и она зарылась в тёплые перья ласточки, высунув лишь головку, чтобы полюбоваться красотой земли, над которой они летели.

Но вот и тёплые края. Солнце здесь светило гораздо ярче, небо было в два раза выше, чем у нас, а вдоль изгородей рос чудесный зелёный и чёрный виноград. В лесах зрели апельсины и лимоны,

пахло миртами и мятой, а по дорожкам бегали весёлые ребятишки и ловили больших пёстрых бабочек. Но ласточка летела всё дальше, и места, над которыми она летела теперь, были ещё красивее. На берегу голубого озера стоял, сверкая белым мрамором, старинный замок, окружённый пышными зелёными деревьями. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а на самом верху, под крышей, лепились гнёзда ласточек. В одном из них и жила та ласточка, которая сейчас несла Дюймовочку.

— Вот мой дом! — сказала она. — А ты выбери себе внизу самый красивый цветок. Я отнесу тебя туда, где он растёт, и ты поселишься в нём; там тебе будет уютно.

— Ах, как хорошо! — воскликнула девочка и захлопала крошечными ручонками.

Внизу лежала большая разбитая мраморная колонна; падая на землю, она раскололась на три куска, и между обломками выросли чудесные крупные белые цветы. Ласточка посадила Дюймовочку на широкий лепесток одного цветка. Но что за чудо: в чашечке цветка сидел крошечный человечек, ростом не выше Дюймовочки и совсем прозрачный, — казалось,

он был из хрусталя! На голове у него была красивая золотая корона, а за плечами сверкали блестящие крылья. Это был эльф. Такие же эльфы — юноши или девушки — жили в каждом цветке, а этот был королевский сын.

— Боже, как он красив! — шепнула Дюймовочка ласточке.

Та подлетела к цветку, и маленький принц очень испугался — ведь по сравнению с ней он был совсем крошечный и слабый. Но, увидев Дюймовочку, он пришёл в восторг, — такой хорошенькой девушки он ещё никогда не видел. И вот он снял с себя корону и надел её на Дюймовочку, потом спросил, как её зовут и не хочет ли она выйти за него замуж и сделаться царицей цветов? Вот это был настоящий жених! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе. Поэтому Дюймовочка дала согласие красивому принцу. Из всех цветов вылетели эльфы — юноши и девушки, такие прелестные, что Дюймовочка никак не могла на них налюбоваться. Каждый преподнёс невесте подарок, и больше всего ей понравились прозрачные крылья большой стрекозы. Их надели Дюймовочке на спину, и теперь она тоже могла перелетать с цветка на цветок. То-то была радость! Ласточка си-

дела высоко в своём гнезде. Её попросили спеть свадебную песню, и она старалась петь как можно лучше, но втайне всё-таки грустила, потому что любила Дюймовочку и не хотела с ней расставаться.

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой, — сказал невесте эльф. — Это некрасивое имя, а ты такая хорошенькая! Тебя будут звать Майей.

— Прощай, прощай! — прошептала ласточка и с тяжёлым сердцем улетела из тёплых стран на родину, в далёкую Данию. Там у неё было гнёздышко, как раз над окном того человека, который умеет рассказывать сказки. Он услышал её «кви-вить, кви-вить», а от него и мы узнали всю эту историю.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Жил-был принц, и захотелось ему жениться на принцессе, но только самой настоящей принцессе. Он объездил весь свет, чтобы найти себе невесту, да так и не нашёл. Принцесс-то было сколько угодно, да были ли они настоящие? Так и вернулся принц домой ни с чем и загоревал — уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молнии так и сверкали, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг кто-то постучался в городские ворота, и старый король пошёл отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с её волос и платья прямо в носки туфель и вытекала из-под каблуков, а она всё-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы проверим!» — подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а поверх тюфяков набросала ещё двадцать перинок из гагачьего пуха.

На эту кровать уложили принцессу, и там она пролежала всю ночь.

Утром её спросили, как она почивала.

— Ах, очень дурно! — вздохнула принцесса. — Я почти глаз не сомкнула! Бог знает что у меня была за постель! Я лежала на чём-то таком твёрдом, что у меня всё тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидали, что она была настоящей принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и перинок — такую деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней — наконец-то он не сомневался, что нашёл настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто её не украл.

Знай, что это истинная история!

Якоб ГРИММ
1785—1863,
Вильгельм ГРИММ
1786—1859

ЗОЛОТОЙ ГУСЬ

Жил-был человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший идти в лес — дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришёл в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человечек и говорит:

— Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина — я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

— Если я отдам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошёл себе дальше. Вот начал он

рубить дерево; ударил топором, да угодил себе прямо в руку — пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло всё из-за того седого человечка.

Потом пошёл в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый седой человечек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

— Дам я тебе — мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а средний сын пошёл себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по дереву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

— Братья твои уже ходили, да только себе навредили, — куда уж тебе, ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень всё просил да просил, и отец, наконец, сказал:

— Ну, ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешен да в золе испечён, и бутылку кислого пива. Пришёл Дурень в лес; по-

встречался ему тоже старый седой человечек, поздоровался с ним и говорит:

— Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки — я так голоден, и мне очень хочется пить.

Ответил Дурень:

— Но у меня-то ведь пирог на золе испечён, а пиво кислое; но если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечён, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человечек:

— Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, я награжу тебя счастьем. Вон стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдётся. — Потом человечек попрощался и ушёл.

Пошёл Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он — сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота. Поднял он гуся, взял его с собой и пошёл в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни были три дочери; увидали они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Слу-

чай к тому, пожалуй, подвернётся, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучилась, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы её так к крылу и пристали. Пришла вскоре вторая сестра, и было у неё одно на уме: как бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, так тотчас к ней и прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сёстры ей крикнули:

— Ради Бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сёстры мои там, то и я могу быть тоже с ними», — и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестёр, так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся под мышку и ушёл, мало беспокоясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им всё время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидел он такое шествие и говорит:

— Постыдитесь, бесстыжие девушки! Чего бежите следом за парнем, куда это годится? — И он схватил младшую за руку, собираясь её оттащить. Но только он

к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причетник; увидел он пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

— Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо ещё ребёнка крестить. — И он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они все впятером бежали следом друг за дружкой, повстречалось им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причетника. Но только прикоснулись крестьяне к причетнику, как тоже прилипли, — и стало их теперь семеро, бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришёл Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строгая да мрачная, что ни один человек не мог её никак рассмешить. И потому королём был объявлен указ, что кто, мол, её рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегу-

щих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень её себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и сказал, чтоб привёл он ему такого человека, который бы смог целый подвал вина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, прийти ему на помощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его расспрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

— Мучит меня сильная жажда, никак не могу я её утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это всё одно, что капля на раскалённый камень.

— Я могу в этом деле тебе помочь, — сказал Дурень. — Ступай за мной, и ты вдосталь напьёшься.

Повёл его Дурень в королевский подвал. Подсел человечек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жёны, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба съесть.

Недолго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

— Я уже съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробы моей никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать всё туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

— Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привёл он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов; ну, тут лесной человек подошёл и начал есть — и в один день вся хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него изба-

виться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтобы мог по воде и по суше плавать.

— Как только ты на том корабле ко мне подплывёшь, — сказал он Дурню, — тотчас получишь дочь мою в жёны.

Отправился Дурень прямою дорогой в лес: сидел там старый седой человек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человек:

— Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказаться выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень всё королевство и жил долгие годы счастливо со своей женой.

СЕМЕРО ШВАБОВ

Однажды собрались семеро швабов вместе, один из них был господин Шульц, другой Яккли, третий Марли, четвёртый Йергли, пятый Михаль, шестой Ганс, а седьмой был Вейтли; и все семеро порешили весь свет обойти, поискать приключений и великие подвиги совершить.

А чтоб идти вооружёнными и без опаски, они посчитали, что надёжней всего будет заказать себе одно копьё на всех, да зато подлинней и покрепче. Взяли они все семеро это копьё, и выступил впереди самый храбрый и отважный — был то, конечно, господин Шульц, а следом за ним шли один за другим все остальные, а последним был Вейтли.

И случилось так, что однажды, в июле месяце, сделали они большой переход, и им оставалось пройти ещё немалое расстояние до деревни, где они должны были заночевать, как вдруг в сумерках пролетел мимо них, злобно жужжа, большой навозный жук, а может быть, шершень. Господин Шульц так испугался, что чуть было не выронил копьё, и от страха у него по всему телу выступил пот.

— Вслушайтесь, вслушайтесь! — крикнул он своим товарищам. — Боже мой, я слышу звук барабана!

Яккли, который держал копьё сзади него, — уж не знаю, чем ему там запахло, — сказал:

— Тут, конечно, дело неспроста, я слышу отчётливо запах пороха и фитиля. — При этих словах господин Шульц обратился в бегство и вмиг перепрыгнул через забор, а так как попал он на зубцы гра-

бель, брошенных кем-то после сенокоса, то угодили ему грабли прямо в лицо и здорово его ударили.

— Ой, ой, ой, — завопил господин Шульц. — Забирай меня в плен! Я сдаюсь, я сдаюсь!

Остальные шестеро тоже перепрыгнули друг через дружку и, подскочив, закричали:

— Раз ты сдаёшься, я тоже сдаюсь, раз ты сдаёшься, я тоже сдаюсь!

Наконец, когда никакого врага не оказалось, который бы их собирался связать и увести, они поняли, что обманулись. А чтоб люди не узнали про этот случай и не посмеялись бы над ними, назвав их дураками, они поклялись друг перед другом об этом помалкивать, если, конечно, кто-нибудь из них невзначай об этом не проговорится.

Потом двинулись они дальше. Но вторую опасность, которую они испытали, уж никак нельзя было сравнить с первой. Спустя несколько дней им пришлось проходить через пустошь, и сидел там на солнышке заяц и дремал, насторожив уши, и его большие стеклянные глаза были неподвижны. При виде этого страшного дикого зверя они все испугались и стали держать совет, как тут поступить, чтоб

счастливого выйти из опасности. Ведь если обратиться в бегство, то следовало опасаться, что чудовище кинется за ними в погоню и всех их проглотит живьём. И вот сказали они:

— Нам предстоит выдержать большую и опасную битву, и кто на это отважится, за тем половина победы окажется!

И все семеро схватили копьё, господин Шульц впереди, а Вейтли позади. Господин Шульц, тот старался копьё всё придерживать, а Вейтли уж так расхрабрился, что хотел было кинуться в атаку, и крикнул:

Колі во имя храбрых швабов
Или умри в бою со славой!

Но Ганс, тот знал, чем его уязвить, и сказал:

Ты на словах в рядах передних,
С драконом в битве — ты последний.

И крикнул Михаль:

А я клянусь вам головой,
Что это чёрт передо мной.

Теперь был черёд за Йергли, и сказал он:

А раз не чёрт, то чёрта мать,
Иль чёрта сводный брат, видать.

Мелькнула у Марли хорошая мысль, и он говорит Вейтли:

Иди, иди вперёд ты, Вейтли,
Я за тобою вслед немедля.

Но Вейтли и слушать не захотел, и Яккли тогда сказал:

Шульц должен выступить
вперёд,
Ему вся слава и почёт!

И вот собрался Шульц с духом и важно, с достоинством молвил:

Давайте в бой смелей пойдём,
Отважных в этом узнаём!

И двинулись все вместе на дракона. Осенил себя герр Шульц крестным знаменем и призвал господ Бога на помощь. Но всё это ничуть не помогло, а так как подступал он в это время всё ближе и ближе к врагу, то закричал он в великом страхе: «Го-го! Ура! Го-го! Ура!» Проснулся тут заяц, испугался и кинулся со всех ног оттуда. Увидал герр Шульц, что заяц обратился в бегство, и на радостях закричал:

Тьфу, Вейтли, милый мой,
постой,
Ведь это ж заяц был простой!

Однако компания швабов продолжала искать приключений, и вот подошли они к Мозелю — болотистой, тихой и глубокой реке; мостов через неё было мало, и во многих местах приходилось переправляться через неё на лодках. А семеро швабов о том вовсе осведомлены не были, и они стали кричать человеку, который был чем-то занят на другом берегу, и спрашивать у него, как им перебраться на ту сторону. Но человек стоял далеко, да и их наречие он не понял и спросил на своём трирском: «Что, что?» И подумал господин Шульц, что тот говорит: «Вброд, вброд!», а так как он был впереди, то и начал готовиться к переправе и вошёл в реку Мозель. Он вскоре увяз в тине, и его залило набежавшей большой волной, а ветром сорвало с него шляпу и унесло её на другой берег; уселась на неё лягушка и начала квакать: ква, ква, ква. Услыхали это остальные шестеро на том берегу и сказали:

— Это зовёт нас сюда наш товарищ, герр Шульц, и уж если он мог перейти вброд, то и мы сможем.

И они второпях прыгнули все разом в воду и утонули. А погубила-то их всех шестерых лягушка. И никто из компании швабов так назад и не вернулся.

ТРИ БРАТА

Давным-давно жил на свете человек, было у него три сына, и всё имущество его состояло из одного только домика, в котором он и жил. И хотелось каждому из сыновей после смерти отца получить этот дом, но отец любил всех троих одинаково и не знал, как ему поступить, чтобы никого из них не обидеть. А продавать дом он не хотел, потому что дом тот достался ему ещё от прадедов; а то можно было его продать, а деньги между ними поделить. И вот надумал он, наконец, как ему поступить, и говорит своим сыновьям:

— Ступайте вы странствовать по белу свету, попытайте счастья, и пусть каждый из вас научится какому-нибудь ремеслу. А когда вернётесь домой, то дом получит тот, кто окажется лучшим мастером.

Сыновья этим решением остались довольны; и порешил старший из них стать кузнецом, средний — цирюльником, а младший — фехтовальщиком. Сговорились они о сроке, когда должны вернуться снова домой, и двинулись затем в путь-дорогу.

Случилось так, что каждый из них нашёл себе опытного мастера, у которого он

и мог хорошо выучиться ремеслу. Кузнецу пришлось подковывать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, уж теперь дом я получу наверняка». Цирюльник брил всех знатных господ и тоже думал, что дом будет его. Фехтовальщик не раз получал удары, но он всё это переносил терпеливо и духом не падал, думая про себя так: «Если ты будешь бояться ударов, то дома ты никогда не получишь». И вот пришёл назначенный срок, и все они снова вернулись к своему отцу, но они не знали, как найти им случай, чтобы показать своё мастерство. Вот сидят они раз и между собой советуются. Сидят они и видят — бежит по полю заяц.

— Э-э, — говорит цирюльник, — а он кстати явился!

Взял он чашку и мыло, повертел помазком, взбил пену и, когда заяц подбежал ближе, намылил его на бегу и на бегу же выбрил ему бородку, и при этом не порезал его, и сделал всё это так ловко, что не причинил ему никакой боли.

— Это мне нравится, — сказал отец, — если братья твои не превзойдут тебя в мастерстве, то дом будет твой.

А тут вскоре проезжала на полном ходу карета, и сидел в ней какой-то господин.

— Вот вы, батюшка, сейчас увидите, что я умею делать, — говорит кузнец.

Кинулся он вслед за каретой, сорвал у лошади на полном ходу все четыре подковы и подбил ей тотчас на ходу четыре новых.

— Ты парень ловкий, — сказал отец, — дело своё ты исполняешь не хуже, чем твой брат; я уж и не знаю, кому мне дом отдать-то.

Тогда говорит третий:

— Дозвольте и мне, батюшка, доказать своё мастерство.

А тут как раз начал идти дождь. Вытащил он свою шпагу и стал ею размахивать над головой так, что ни одна капля не могла на него упасть; а когда дождь пошёл ещё сильнее и перешёл, наконец, в ливень, и целые потоки уже лили с неба, стал он размахивать своей шпагой всё быстрее и быстрее, и остался совершенно сухим, точно сидел он под крышей. Увидал это отец, диву дался и говорит:

— Ты показал самое большое мастерство, дом отдаю я тебе.

Братья, как и обещали друг другу, решением остались довольны, а так как они очень любили друг друга, то порешили жить в доме все вместе; и стали они заниматься каждый своим ремеслом — а делу

были обучены хорошо, и мастера были опытные, вот и зарабатывали они много денег. Так жили они счастливо до самой своей старости все вместе, и когда один из них заболел и умер, то двое других стали о нём грустить, да так, что сами с горя заболели и вскоре умерли. А так как были они мастера опытные и крепко любили друг друга, то и похоронили их всех вместе в общей могиле.

Шарль ПЕРРО

1628—1703

КОТ В САПОГАХ

Один мельник, умирая, оставил своим трём сыновьям наследство: мельницу, осла и Кота. С разделом недолго возились и обошлись без помощи суда, потому что судьи обобрали бы их до нитки.

Старший брат взял себе мельницу.

Второй — осла.

А младшему дали Кота.

Он был неутешен, что досталась ему такая дрянь.

— Братья, — говорил он, — могут честно зарабатывать себе кусок хлеба, а мне, несчастному, когда я съем своего Кота и сошью из его шкуры рукавицы, придётся умирать с голоду.

Только вдруг Кот, который слышал эти речи, но не подавал и виду, что их понял, и говорит спокойным, серьёзным тоном:

— Не горюй, хозяин, а дай ты мне лучше мешок да закажи мне пару сапог, что-

бы не больно было ходить по кустам. И увидишь, что ты не так обделён, как думаешь.

Владелец Кота не слишком поверил его обещаниям, но, вспомнив, что Кот мастер на разные хитрости (чтобы ловить мышей, например, он мог подвешиваться за лапы или прикидываться мёртвым), подумал, что, может быть, Кот и в самом деле поможет ему в несчастье.

Когда Кот получил то, что он просил, он храбро надел сапоги, перекинул мешок через плечо, взял в передние лапки верёвочки, которыми мешок задёргивался, и пошёл в лесок, где водилось много кроликов. В мешок он положил отрубей и травы. Растянувшись, как мёртвый, Кот стал ждать, когда какой-нибудь молодой кролик, ещё не искушённый в житейских проделках, сунется в мешок покушать брошенную туда приманку.

Едва он улёгся, как уже мог праздновать победу. Молоденький глупый кролик вскочил в мешок, и Кот сейчас же и задёрнул верёвочки.

Радуясь своей добыче, он пошёл к королю и попросил аудиенции.

Кота впустили в покои его величества. Войдя туда, он отвесил королю низкий поклон и сказал:

— Государь, вот кролик. Господин маркиз Карабас (таким именем вздумалось Коту украсить своего хозяина) поручил мне поднести вам этого кролика в подарок.

— Скажи своему барину, — отвечал король, что я благодарю его и очень доволен.

В другой раз Кот запрятался в пшеницу, опять со своим мешком, и, когда туда зашли две куропатки, задёрнув верёвочки, поймал их.

Потом он отнёс свою добычу королю, так же, как кролика. Король благосклонно принял и куропаток и приказал дать Коту на чай.

Таким образом Кот два или три месяца сряду носил королю дичь от имени своего хозяина. Вот однажды удалось ему узнать, что король собирается прокатиться по берегу реки с дочерью, самой хорошенькой принцессой на свете.

И говорит Кот хозяину:

— Если хочешь, послушайся моего совета и будешь тогда счастлив навеки. Ступай купаться, я укажу, в каком месте, а об остальном не заботься.

Маркиз Карабас послушался Кота, хоть и не понимал, для чего это нужно.

Вот плещется он в воде, а король едет мимо. Вдруг Кот как закричит:

— Помогите, помогите! Господин маркиз Карабас тонет!

Король высунулся из кареты на крик и, узнав Кота, который столько раз ему приносил дичь, приказал своим гвардейцам скорее бежать на помощь господину маркизу Карабасу.

Пока бедного маркиза вытаскивали из реки, Кот подошёл к карете и доложил королю, что в то время, как его барин купался, мошенники унесли его платье, хоть он, Кот, и кричал «караул» изо всей силы. (А плут сам же спрятал платье под большой камень.)

Король сейчас же приказал смотрителям своего гардероба принести господину маркизу Карабасу самый лучший костюм.

Потом король принял маркиза со всеми почестями. Платье, которое ему принесли, подчёркивало его прекрасную фигуру (он был хорош собою и строен), и королевской дочери он очень понравился. Не успел маркиз Карабас бросить ей два-три почтительных взгляда и один немножко нежный, как она уже в него влюбилась.

Король пригласил его сесть в карету и прокатиться вместе.

Кот, радуясь, что намерение его начинает приходить в исполнение, побежал

вперёд. Попались ему крестьяне, косившие луг. Кот и говорит им:

— Эй вы, косари! Если вы да не скажете королю, что луг этот принадлежит господину маркизу Карабасу, смотрите у меня! Всех вас в порошок сотру!

Король действительно спросил косарей:

— Чей это луг?

— Господина маркиза Карабаса! — отвечали они во весь голос: угроза Кота их напугала.

— У вас хорошее состояние, — заметил король маркизу Карабасу.

— Да, государь, — ответил маркиз, — этот луг даёт мне весьма порядочный доход.

А Кот всё бежит впереди. Встречаются ему люди на жатве, он и говорит им:

— Эй вы, жнецы! Если вы да не скажете, что все эти хлеба принадлежат господину маркизу Карабасу, смотрите у меня: всех вас в порошок истолку!

Король, проезжая через несколько времени, пожелал знать, чьи это видны хлеба.

— Господина маркиза Карабаса! — отвечали жнецы.

И король порадовался этому вместе с маркизом.

А Кот всё бежал впереди кареты и всем, кого только ни встречал, наказывал одно и то же.

Король был изумлён громадностью состояния господина маркиза Карабаса.

Наконец Кот прибежал в прекрасный замок, принадлежавший Людоеду, который обладал невиданными богатствами, ибо все земли, через которые ехал король, составляли уголья этого замка.

Кот, который заранее узнал о том, кто такой Людоед и какие за ним водятся таланты, попросил позволения представиться ему, говоря, что он не смел пройти мимо замка, не явившись к нему на поклон.

Людоед принял его так вежливо, как только Людоед может, и пригласил садиться.

— Сказывают, — начал беседу Кот, — что вы можете, например, превратиться в льва или слона?

— Это правда, — басом отвечал Людоед, — а чтобы показать тебе моё искусство, вот смотри, я стану львом.

Кот так испугался, видя перед собою льва, что вмиг забежал на крышу — не без труда и не без опасности из-за своих сапог, ведь в сапогах очень неудобно ходить по черепице.

Когда Людоед принял человеческий образ, Кот спустился с крыши и признался, что он был в большом страхе.

— Сказывают ещё, — заговорил опять Кот, — но уж этому я не верю, — будто бы вы умеете обращаться и в самых маленьких зверьков, можете, например, превратиться в крысу или мышь? Откровенно скажу вам, я считаю это несбыточной вещью.

— Несбыточной? — заревел Людоед. — А вот увидишь.

И в ту же минуту он превратился в мышь, которая забегала по полу.

Кот как только её увидел, так сейчас же бросился на неё и съел.

Между тем король, заметив прекрасный замок Людоеда, пожелал в него войти.

Кот услышал стук экипажей по подъёмному мосту, кинулся навстречу и говорит королю:

— Милости просим, ваше величество, в замок господина маркиза Карабаса.

— Как, господин маркиз! — вскричал король. — И замок этот принадлежит вам? Ничего не может быть красивее двора и строений! Посмотрим комнаты, если позволите?

Маркиз подал молодой принцессе руку и последовал за королём, который шёл

вперед. В большом зале их ожидала великолепная закуска, приготовленная Людоедом для своих приятелей, которые собирались навестить его в этот самый день, но не посмели войти, узнав, что в замке находится король.

Короля очаровали добрые качества господина маркиза Карабаса. Видя, каким маркиз обладает несметным богатством, король хватил пять-шесть стаканов вина, да вдруг и говорит:

— Не хотите ли, господин маркиз, быть моим зятем?

Маркиз не раздумывая согласился на такую большую честь и в тот же самый день обвенчался с принцессою.

Кот зажил большим барином и уж больше не ловил мышей, разве иногда для развлечения.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Жила-была маленькая девочка. Была она скромная и добрая, послушная и работающая. Мать не могла нарадоваться, что у неё растёт такая помощница: дочка помогала ей по хозяйству, а когда вся работа была сделана, читала матери что-нибудь вслух.

Всем нравилась эта милая девочка, но

больше всех её любила бабушка. Сшила она как-то из красного бархата шапочку и подарила её внучке на именины.

Новая шапочка была девочке очень к лицу, и за то, что с того дня никакую другую она носить не хотела, люди прозвали её Красной Шапочкой.

Однажды мать решила испечь пирог.

Замесила она тесто, а Красная Шапочка нарвала яблок в саду. Пирог вышел на славу! Посмотрела на него мать да и говорит:

— Красная Шапочка, ступай-ка навести бабушку. Положу я тебе в корзинку кусок пирога и бутылку молока, отнесёшь это ей.

Обрадовалась Красная Шапочка, тут же собралась и отправилась к бабушке, которая жила на другом краю леса.

Мать вышла на крыльцо проводить девочку и стала её напутствовать:

— С чужими, дочка, не разговаривай, с дороги не сворачивай.

— Не беспокойся, — ответила Красная Шапочка, попрощалась с матерью и отправилась через лес к дому, где жила бабушка.

Шла Красная Шапочка по дороге, шла, да вдруг остановилась и подумала: «Какие красивые цветы здесь растут, а я и не

смотрю вокруг, как звонко птицы поют, а я словно и не слышу! Как же хорошо здесь, в лесу!»

Действительно, сквозь деревья пробивались солнечные лучи, на полянках благоухали прекрасные цветы, над которыми порхали бабочки.

И Красная Шапочка решила:

«Принесу-ка я бабушке вместе с пирогом ещё и букет цветов. Ей, наверно, будет приятно. Ещё ведь рано, я к ней всегда успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвёт цветок и подумает: «А дальше вон растёт ещё покрасивей», — и к тому побежит; и так уходила она всё глубже и глубже в лес.

Идёт девочка по лесу, собирает цветы, поёт песенку, вдруг навстречу ей злющий волк.

А Красная Шапочка вовсе его и не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка! — сказал волк. — Куда это ты собралась так рано?

— К бабушке.

— А что у тебя в корзинке?

— Бутылка молока и пирог, мы с мамой его испекли, чтобы порадовать ба-

бушку. Она больная да слабая, пусть поправляется.

— Красная Шапочка, а где живёт твоя бабушка?

— Чуть подальше в лесу, под тремя большими дубами стоит её домик.

— Счастливого пути тебе, Красная Шапочка, пробормотал волк, а про себя подумал: «Славная девочка, лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но, чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он что есть духу помчался самой короткой дорогой к бабушкиному дому.

Идёт Красная Шапочка по лесу, никуда не торопится, а серый волк уже стучится к бабушке в дверь.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе пирог и бутылку молока, открой мне, — ответил волк тонким голоском.

— Нажми на щеколду, — крикнула бабушка, — я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь отворилась, и, ни слова не говоря, он подошёл прямо к бабушкиной постели и проглотил старушку.

Затем волк надел её платье, чепец, улёгся в постель и задёрнул полог.

А Красная Шапочка всё цветы собирала, и, когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней.

Подошла Красная Шапочка к домику бабушки, а дверь открыта. Удивилась она, зашла внутрь и крикнула:

— Доброе утро! — Но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у неё на самое лицо, и выглядит она странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши? — спросила Красная Шапочка.

— Чтоб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтоб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтоб легче тебя обнять.

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, большой рот!

— Это чтоб легче было тебя проглотить!

Сказал это волк, вскочил с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улёгся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть.

Шёл мимо охотник.

Услышал он доносившиеся из домика какие-то странные звуки и насторожился: не может быть, чтобы старушка так громко храпела!

Подкрался он к окошку, заглянул внутрь — а там в кровати волк лежит.

— Вот ты где, серый разбойник! — сказал он. — Я уже давно тебя разыскиваю.

Хотел охотник сначала застрелить волка, да передумал. Вдруг тот съел бабушку, а её можно ещё спасти.

Взял охотник тогда ножницы и вспорол брюхо спящему волку. Выбрались оттуда Красная Шапочка и бабушка — обе живые и невредимые.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнёс её домой. Бабушка скушала пирог, выпила молока, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться.

Красная Шапочка же поняла, что всегда нужно слушаться старших и в лесу никогда не сворачивать с дороги.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Жил-был король с королевой, и были они бездетны. Это их так огорчало, так огорчало, что и рассказать нельзя. Пили

они всякие воды, обеты давали, ходили на богомолье, что ни делали, ничего не помогало. Однако королева-таки забеременела и родила дочь.

Справили богатые крестины. В крестные матери позвали всех волшебниц, какие только жили в королевстве (счётом их нашлось семь), для того, чтобы, по обычаю тогдашних волшебниц, каждая из них сделала маленькой принцессе какой-нибудь посул и чтобы таким образом принцесса была одарена всякими хорошими качествами.

Окрестив принцессу, вся компания возвратилась в королевский дворец, где для волшебниц приготовили роскошное угощение. За прибором каждой из них положили великолепный футляр чистого золота, в котором находились ложка, вилка и ножик, усыпанные бриллиантами и рубинами. Уже садились за стол, как вдруг в зал вошла старая колдунья, которую не приглашали, потому что она уже больше пятидесяти лет не показывалась из своей башни и все считали её умершею или очарованною.

Король приказал поставить и ей прибор, но неоткуда было взять для неё, как для других волшебниц, футляр из чистого золота, потому что таких футляров за-

казывали всего лишь семь, по числу семи приглашённых крёстных. Старая карга вообразила, что это сделано ей в насмешку, и принялась ворчать сквозь зубы.

Одна из молодых волшебниц, сидевшая возле старухи, услышала её бормотание. Сообразив, что колдунья может сделать маленькой принцессе какой-нибудь недобрый посул, тотчас после обеда она пошла и спряталась за пологом кровати, для того чтобы говорить после всех и таким образом иметь возможность поправить зло, которое наделает колдунья.

Скоро волшебницы начали говорить принцессе свои посулы. Самая младшая пообещала, что она будет красивее всех на свете; вторая — что она будет умна, как ангел; третья — что она будет мастерица на все руки; четвёртая — что она будет отлично танцевать; пятая — что голос у неё будет соловьиный, а шестая — что она с большим искусством будет играть на всяких инструментах.

Когда черёд дошёл до старой колдуньи, та затрясла головою (больше от злости, чем от старости) и сказала, что принцесса проткнёт себе руку веретеном и от этого умрёт. От такого ужасного предсказания все гости затрепетали, и никто не мог удержать свои слёзы.

Но тут молодая волшебница вышла из-за занавесок и громко произнесла:

— Успокойтесь, король с королевою! Дочь ваша не умрёт! Правда, не в моей власти вовсе отменить то, чем пригрозила старая колдунья: принцесса проткнёт себе руку веретеном. Но она не умрёт от этого, а только заснёт глубоким сном, который продолжится сто лет. Тогда придёт молодой королевич и её разбудит.

Однако, несмотря на это обещание, король со своей стороны попробовал устранить беду, напороченную колдуньей. Для этого он сейчас издал указ, которым под страхом смертной казни за неисполнение запретил всем и каждому в королевстве употреблять веретено или даже просто держать веретено у себя в доме.

Лет этак через пятнадцать или шестнадцать король с королевою поехали в свой увеселительный замок. Там принцесса, бегая по комнатам и поднимаясь с одного этажа на другой, взобралась раз под самую крышу, где — видит она — сидит в каморке старушонка и крутит веретено. Эта добрая старушка и слыхом не слыхала, что король наложил на веретено строгое запрещение.

— Что ты, бабушка, делаешь? — спросила принцесса.

— Пряду, дитяtko, — отвечала старушка, которая её не знала.

— Ах, как это славно! — сказала опять принцесса. — Как же это ты прядёшь? Дай-ка, милая, посмотреть, может быть, и я тоже сумею?

Но как только она веретено взяла, так сейчас же руку им себе и проткнула и упала без чувств.

Старушонка перепугалась и давай кричать. Со всех сторон сбежались люди, стали брызгать принцессе в лицо водою, расшнуровывать её, хлопать в ладони, тереть ей виски уксусом — нет, в себя принцесса не приходит. Тогда король, который тоже пришёл на шум, вспомнил пророчество волшебниц и, увидев, что судьбы не минует, когда её волшебницы предсказали, приказал положить принцессу в самом лучшем покое дворца на кровать из парчи, золота и серебра.

Точно ангел, лежала принцесса, так была она красива, ибо обморок не испортил цвета её лица: щёки были алые, губки, как кораллы. Только глазки закрылись... Но ровное дыхание доказывало, что она жива. Король приказал не тревожить сон принцессы, пока не придёт ей час проснуться.

Когда с принцессой приключилась эта беда, добрая волшебница — та, что спасла ей жизнь, заменив смерть столетним сном, — находилась в некотором царстве, в далёком государстве, вёрст тысяч за сорок оттуда, но ей сию же минуту принёс известие карлик в семимильных сапогах (это были такие сапоги, которые отхватывали по семи миль каждым взмахом). Волшебница тотчас пустилась в дорогу и через час приехала в замок на огненной колеснице, запряжённой драконами.

Волшебница одобрила все приказания короля, но так как она видела далеко вперёд, то рассудила, что, проснувшись через сто лет, принцесса будет очень недовольна, если она очутится одна-одинёшенька в старом замке. Поэтому волшебница вот так распорядилась.

Она коснулась своею волшебной палочкою всех, кто находился в замке (кроме короля с королевой), коснулась статс-дам, фрейлин, горничных, придворных, офицеров; коснулась дворецких, поваров, поварят, казачков, гвардейцев, швейцаров, пажей, камер-лакеев; коснулась также лошадей в конюшне с конюхами, больших дворцовых собак и Шарика, маленькой принцессинной собачки, которая лежала возле неё на кровати.

Как только она их коснулась, так все сразу и заснули, и все должны были проснуться вместе со своей госпожой, чтобы служить ей, когда ей понадобятся их услуги. Даже вертелы в печи, униженные куропатками и фазанами, и те заснули, и огонь тоже. Всё это исполнилось в одну минуту: волшебницы умеют хорошо колдовать.

Тогда король с королевой, расцеловав свою милую дочь, вышли из замка и приказали, чтобы никто не смел подходить к нему близко. Впрочем, это и не нужно было приказывать, ибо через четверть часа вокруг замка выросло столько больших и маленьких деревьев, столько перепутанного между собою шиповника и терновника, что ни человек, ни зверь не могли бы сквозь них пробраться. Замок совсем спрятался за этим лесом, виднелись одни верхушки башен, и то издали. По видимости, и это устроила всё та же добрая волшебница, чтобы сон принцессы не тревожили праздные зеваки.

Через сто лет после того сын короля, который правил тогда королевством и происходил из другой фамилии, охотился в этой стороне и, увидав из-за густого леса верхушки башен, спросил, что это такое? Все отвечали ему по-своему. Один гово-

рил, что это старый замок, где водится нечистая сила, другой уверял, что здесь ведьмы празднуют шабаш. Большинство утверждало, что здесь живёт людоед, который хватает маленьких детей и затаскивает их в свою берлогу, где и ест их без опаски, ибо ни один человек не может за ним погнаться, только он один умеет пройти через лес дремучий.

Королевич не знал, какому слуху верить, как вдруг подходит к нему старый крестьянин и говорит:

— Принц-королевич! Годов тому с хвостиком пятьдесят слышал я от своего батюшки, что в замке том лежит принцесса красоты неописанной, что будет она там сто лет почивать, а что через сто лет разбудит её суженый, молодой королевич.

От таких речей молодой королевич возгорел пламенем. Подумалось ему, что он-то и должен решить судьбу принцессы. И, жаждающая любви и славы, захотел он сейчас же попытать счастья.

Как только он подошёл к лесу, так все большие деревья, шиповник и терновник сами раздвинулись, давая ему дорогу. Он направился к замку, который виднелся в конце большой аллеи, куда он и вступил. Удивительным показалось королевичу, что никто из свиты не мог за ним следовать,

ибо как только он прошёл, так деревья сейчас и сдвинулись по-прежнему. Однако же он продолжал идти вперёд: молодой да влюблённый королевич ничего не боится. Скоро добрался он до большого двора, где всё представлялось взору в ужасном виде: везде тишина, везде лежат люди и животные... Однако, взглядевшись в красные носы и в пунцовые рожи швейцаров, королевич догадался, что они не умерли, а только уснули. И не совсем опорожнённые стаканы с вином показывали, что заснули они за чаркой. Оттуда пошёл королевич во второй двор, выложенный мрамором: поднялся по лестнице, вошёл в караульный зал, где в два ряда стояла гвардия с ружьями на плечах. Прошёл он множество комнат, в которых лёжа и стоя спали придворные кавалеры и дамы. Наконец вступил в позолоченный покой и увидел на кровати с раздёрнутым пологом прекраснейшее зрелище: принцессу не то пятнадцати, не то шестнадцати лет и прелести ослепительной, небесной.

Королевич приблизился в смущении и, любуясь, стал возле девушки на колени. В эту самую минуту зароку пришёл конец. Принцесса проснулась и, смотря на него таким ласковым взором, какого нельзя

бы и ожидать от первого свидания, сказала:

— Это вы, принц-королевич? Как же долго я вас ждала!

В восхищении, королевич не знал, как выразить свою радость и благодарность. Речи его были бессвязны, оттого они и пришлись принцессе по сердцу: чем меньше красных слов, тем больше любви. По всей вероятности, добрая волшебница, в продолжение её долгого сна, приготовила её к свиданию приятными сновидениями. Так или иначе, часа четыре говорили они между собою, а не высказали и половины того, что было у них на сердце.

Тем временем все во дворце очнулись вместе с принцессой и принялись за свои дела. А так как спали они долго, то всем захотелось кушать. Старшая статс-дама, тоже голодная, как и все, громко доложила принцессе, что обед готов.

А после обеда, чтобы не терять времени, старший капеллан обвенчал их в дворцовой церкви.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Загадки	5
Небылицы	
«У Иванова двора...»	8
Потешки	
Кошка и курочка	9
Мыши	9
Петушок	9
Пословицы и поговорки	
О Родине	10
О дружбе	10
Об умении и трудолюбии	10
О лени и нерадивости	11
О природе	11
Скороговорки	
«На дворе трава...»	12
«От топота копыт...»	12
«Проворонила...»	12
Считалки	
«Ай, чу-чу...»	13
«Конь ретивый...»	13
«Начинается считалка...»	14

«Ой ты, зоренька-заря...»	14
«Солнышко-ведрышко...»	14

Русские народные сказки

Бобовое зёрнышко (<i>обработка А. Толстого</i>)	15
Волк и коза (<i>из сборника А. Афанасьева</i>)	18
Ворона и рак (<i>из сборника А. Афанасьева</i>)	21
Гуси-лебеди (<i>обработка А. Толстого</i>)	22
Журавль и цапля (<i>из сборника А. Афанасьева</i>)	26
Заяц-хваста (<i>обработка А. Толстого</i>)	28
Каша из топора (<i>из сборника А. Афанасьева</i>)	29
Кот и лиса (<i>обработка А. Толстого</i>)	30
Кочеток и курочка (<i>обработка А. Толстого</i>)	36
Лиса и волк (<i>обработка А. Толстого</i>)	37
Лиса и дрозд (<i>обработка А. Толстого</i>)	40
Лиса и журавль (<i>обработка А. Толстого</i>)	44
Лиса и заяц (<i>обработка А. Толстого</i>)	46
Лиса и козёл (<i>обработка К. Ушинского</i>)	49
Лиса и кувшин (<i>обработка К. Ушинского</i>)	50
Лиса и тетерев (<i>обработка А. Толстого</i>)	51
Мужик и медведь (<i>обработка А. Толстого</i>)	52
Петушок — золотой гребешок (<i>из сборника А. Афанасьева</i>)	54
Пузырь, соломинка и лапоть (<i>из сборника А. Афанасьева</i>)	58
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка (<i>обработка А. Толстого</i>)	59
Теремок (<i>из сборника А. Афанасьева</i>)	64
Морозко (<i>обработка А. Толстого</i>)	65
По щучьему веленью (<i>обработка А. Толстого</i>)	69

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

Даль Владимир Иванович

Девочка Снегурочка	81
Старик-годовик	87

Жуковский Василий Андреевич	
«Родного неба милый свет...»	88
Крылов Иван Андреевич	
Лебедь, щука и рак	89
Стрекоза и муравей	89
Чиж и голубь	91
Кукольник Нестор Васильевич	
Жаворонок	92
Майков Аполлон Николаевич	
Весна.	93
Плещеев Алексей Николаевич	
Мой садик	95
Сельская песня (<i>Отрывок</i>)	96
«Уж тает снег, бегут ручьи...»	96
Пушкин Александр Сергеевич	
«Какая ночь! Мороз трескучий...»	97
Отрывки из романа «Евгений Онегин»	
«Вот север, тучи нагоняя...»	97
«Зима!.. Крестьянин, торжествуя...»	98
Отрывок из поэмы «Руслан и Людмила»	
(«У лукоморья дуб зелёный...»)	98
Сказка о рыбаке и рыбке	100
Толстой Алексей Константинович	
«Вот уж снег последний в поле тает...»	108
«Осень. Осыпается весь наш бедный сад...»	108
Толстой Лев Николаевич	
Булька	109
Два товарища. <i>Басня</i>	110
Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу	
застала гроза	111
Как мужик убрал камень	112
Котёнок	113
Кто прав? <i>Басня</i>	115
Лгун. <i>Басня</i>	115

Осёл и лошадь. <i>Басня</i>	116
Отец и сыновья. <i>Басня</i>	116
Правда всего дороже	117
Старый дед и внучек	117
«Таня знала буквы...»	118
Учёный сын. <i>Басня</i>	118
Филипок	119

Тургенев Иван Сергеевич

Воробей.	122
------------------	-----

Тютчев Фёдор Иванович

Весенние воды	124
«Зима недаром злится...»	124
«Как неожиданно и ярко...»	125
«Чародейкою Зимою...»	126

Ушинский Константин Дмитриевич

Бишка	127
Ветер и солнце	127
Лиса Патрикеевна	128
Любопытство	129
Наше отечество (<i>Отрывок</i>)	132

Фет Афанасий Афанасьевич

«Ласточки пропали...»	133
«Чудная картина...»	134

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XX ВЕКА**

Аким Яков Лазаревич

Жадина	137
Неумейка	138

Александрова Зинаида Николаевна

Новая столовая	144
Снежок	145

Артюхова Нина Михайловна

Большая берёза (<i>В сокращении</i>)	146
Трусиха	150
Подружки	152

Берестов Валентин Дмитриевич

Где право, где лево	158
«Дружно ударились...»	159
За игрой	159
Знакомый	159
Искалочка	160
«О чём поют воробушки...»	160
Приятная весть	160
Путешественники	161
Стук в окно	161
«Что ни сутки...»	162

Бианки Виталий Валентинович

Музыкант	163
Сова	165
Хитрый лис и умная уточка	168

Владимирский Ю.

Чудаки	171
------------------	-----

Гайдар Аркадий Петрович

Совесть	173
Чук и Гек (<i>В сокращении</i>)	174

Голявкин Виктор Владимирович

Болтуны	209
Яндреев	210

Драгунский Виктор Юзефович

Англичанин Павля	212
Друг детства	216
Заколдованная буква	222
Тайное становится явным	224

Есенин Сергей Александрович	
Берёза	230
Ночь	231
«Поёт зима — аукает...»	231
«Заметает пурга...»	232
Житков Борис Степанович	
Как слон спас хозяина от тигра	234
Храбрый утёнок	235
Зоценко Михаил Михайлович	
Ёлка	238
Коринец Юрий Иосифович	
Лапки	244
Как я искал свой день	245
Таинственный дом	248
Лунин Виктор Владимирович	
«Я однажды видел сам...»	253
«Знать бы, зачем...»	253
«Лисицы лают. Глухомань...»	254
Маяковский Владимир Владимирович	
Что такое хорошо и что такое плохо	255
Эта книжечка моя про моря и про маяк	259
Мошковская Эмма Эфраимовна	
Решительное решение	262
Сказка про твёрдый и мягкий знаки	263
«Не надо больше ссориться!..»	265
«Можно всему-всему научиться...»	265
Осеева Валентина Александровна	
Всё вместе	266
Волшебное слово	267
На катке	271
Почему?	272
Синие листья	278
Сыновья	280
Хорошее	281

Пантелеев Леонид	
Карусели	283
Ау	286
Паустовский Константин Георгиевич	
Кот-ворюга	288
Пермяк Евгений Андреевич	
Для чего руки нужны	294
Про нос и язык	295
Пришвин Михаил Михайлович	
Берестяная трубочка	296
Ёж	297
Ребята и утята	300
Роман Сеф	
«Жить на свете очень туго...»	303
«Кто любит собак...»	303
Читателю	304
Сладков Николай Иванович	
Барсук и медведь	305
Всеми своё время	306
Лиса-плясунья	308
Почему год круглый	310
Сорока и заяц	311
Чуковский Корней Иванович	
Муха в бане	312
Путаница	313
Радость	317
Федорино горе	318
Шварц Евгений Львович	
Как Маруся начала учиться (Отрывок из повести «Первоклассница»)	326
Яхнин Леонид Львович	
Ягоды	330

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сказки народов мира

Айюга. <i>Нанайская сказка</i>	333
Волк-ябедник. <i>Афганская сказка</i>	336
Вот он, вор! <i>Американская сказка</i>	337
Жадность. <i>Черногорская сказка</i>	338
Заяц и черепаха. <i>Ингушская сказка</i>	340
Колосок. <i>Украинская сказка</i> (<i>обработка С. Могилевской</i>)	341
Три дочери. <i>Татарская сказка</i>	344

Ханс Кристиан Андерсен

Дюймовочка (<i>перевод А. Ганзен</i>)	346
Принцесса на горошине (<i>перевод А. Ганзен</i>)	365

Братья Якоб и Вильгельм Гримм

Золотой гусь (<i>перевод Г. Петникова</i>)	368
Семеро швабов (<i>перевод Г. Петникова</i>)	375
Три брата (<i>перевод Г. Петникова</i>)	381

Шарль Перро

Кот в сапогах (<i>пересказ И. Тургенева</i>)	385
Красная Шапочка (<i>пересказ И. Тургенева</i>)	392
Спящая красавица (<i>пересказ И. Тургенева</i>)	397

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

НОВЕЙШИЕ ХРЕСТОМАТИИ

НОВЕЙШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
1 класс

Ответственный редактор *А. Жилинская*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Л. Зотова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*

ООО «Издательство «Эксмо»
99, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 19.04.2012.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Гарнитура «Школьная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2766/12.

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ЗАО «ИПК Парето-Принт».
г. Тверь, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-57553-4

9 785699 575534 >